

2021

MOCKBA
2021

идеи эконома

Оглавление

- 6 / **О Книге**
- 8 / **Авторы**
- 10 / **Институциональный анализ:
формирование российского
дискурса в глобальном тренде**
- 40 / **Школа макроструктурного
экономического анализа**
- 66 / **«Ломоносовские чтения»
и Конференции консорциума
журналов на экономическом
факультете МГУ**
- 68 / **Академик Т. С. Хачатуров:
идеи для будущей экономики**
- 86 / **Кафедра управления
организацией—
пятидесятилетний путь
на экономическом факультете МГУ**
- 112 / **Демографическая школа
Д. И. Валентя**
- 130 / **Научная школа С. К. Татура
и А. Д. Шеремета**
- 144 / **Агроэкономическая наука
и образование на экономическом
факультете МГУ: теория
и практика, история
и современность**
- 166 / **Е. З. Майминас: концепция
социально-экономического
генотипа**

Уважаемые коллеги и друзья!

В 2021 году экономическому факультету МГУ имени М. В. Ломоносова исполняется 80 лет. Для факультета за этим юбилеем стоят не только годы успешной работы, но и поколения студентов и аспирантов, преподавателей и исследователей, воплотивших на нем свои научные идеи, проверивших гипотезы, объяснивших закономерности жизни общества. Мы гордимся тем, что по ряду направлений нам удалось обеспечить преемственность научной и образовательной работы, несмотря на все преобразования, происходящие вокруг университета и в нем самом.

У нас сформировались исследовательские традиции, или научные школы. Траектории их развития порой имеют довольно сложный характер. В некоторых случаях базовые концепции формировались на факультете, в других — приносились извне. Одни школы концентрируются преимущественно внутри факультета, другие — распространяются вовне и иногда переносят «центр тяжести» в другие организации при сохранении связи с факультетом. Порой исследовательские традиции сталкиваются с серьезными вызовами меняющейся реальности и вынуждены перестраиваться, порой оказываются «на волне» общественно-политического интереса.

В этой книге наши коллеги анализируют пути развития нескольких научных школ факультета, которые продолжают активно действовать и сегодня. При этом мы сосредоточились преимущественно на прикладных сферах

исследований, которые находят отражение в экономической политике и деловой практике. Каждой из школ посвящена отдельная глава, авторы которой размышляют о причинах формирования школы, о роли крупнейших исследователей, об эволюции научных подходов на факультете и о том, какое место это направление исследований занимает в российской и мировой науке, как эти аналитические подходы воплощаются в экономической деятельности.

На этом этапе, в рамках первого опыта, мы вынесли за рамки рассмотрения масштабные фундаментальные исследовательские традиции нескольких крупнейших кафедр: политической экономии, математических методов анализа экономики, мировой экономики, связанных с именами Ивана Дмитриевича Удальцова, Николая Александровича Цаголова, Николая Владимировича Хессина, Василия Сергеевича Немчинова, Станислава Сергеевича Шаталина, Михаила Самуиловича Драгилева и многих других выдающихся ученых и их современных последователей. Но мы обязательно обратимся к ним в дальнейшем.

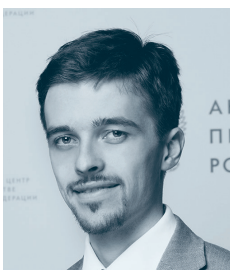
Александр Аузан
Александр Курдин
Владимир Фаминский

Авторы

О. С. Виханский

д. э. н., заслуженный профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова,
научный руководитель кафедры
управления организацией,
декан Высшей школы бизнеса
МГУ имени М. В. Ломоносова

А. А. Курдин

(интервьюер)
заместитель декана
по научной работе,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

И. Е. Калабихина

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой народонаселения
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

С. Н. Бобылев

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой экономики
природопользования
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

С. В. Киселев

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой агроэкономики
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

В. П. Суйц

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой учета, анализа и аудита экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Е. В. Старовойтова

к. э. н., доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

О. В. Соловьева

д. э. н., профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

О. А. Носова

генеральный директор
СРО ААС

А. Н. Хорин

д. э. н., профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

В. Л. Тамбовцев

д. э. н., профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Институциональный анализ: формирование российского дискурса в глобальном тренде

С Александром Аузаном
и Андреем Шаститко беседовал

Александр Курдин

заместитель декана
по научной работе
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Андрей
Евгеньевич
Шаститко

Александр
Александрович
Аузан

В последние 30 лет в мировых экономических исследованиях большое влияние приобрела новая институциональная экономическая теория. Она позволила существенно расширить границы исследований экономистов, включив в рассмотрение фактор институтов — сложившихся в обществе правил поведения и механизмов принуждения к исполнению правил. Это дает гораздо больше возможностей для объяснения человеческого поведения и экономических явлений по сравнению с подходом традиционных микро- и макроэкономических моделей, например институциональный анализ позволяет объяснить разные результаты развития национальных экономик при «прочих равных» условиях. В то же время новые институционалисты могут на языке экономистов объяснить, как формируются те или иные правила поведения в обществе. Благодаря этому экономическая теория выходит за свои прежние рамки и может объяснять устройство государства и его правовой системы, организацию фирм и особенности контрактов, обращаться к проблемам семейных отношений, преступности и многих других сфер жизни.

Ученые экономического факультета МГУ активно включились в этот научный тренд в 1990-е годы. Начало этой работы связано прежде всего с именами Александра Александровича Аузана, Виталия Леонидовича Тамбовцева и Андрея Евгеньевича Шаститко, которые стали одними из первых авторов институциональных исследований в России и в 2001 году сформировали кафедру прикладной институциональной экономики. Александр Аузан возглавляет ее до сих пор, а Андрей Шаститко руководит новой кафедрой — конкурентной и промышленной политики, которая также находится в русле институциональной методологии. В этой главе в виде интервью Александру Курдину они рассказывают о путях развития институционального анализа в МГУ и в России в целом.

Александр Курдин. Новый институционализм на экономическом факультете. Как он появился, в чем исполнении и как эволюционировал в первое время?

Александр Аузан. Полагаю, постановка должна быть шире: как идеи институциональной экономической теории начали распространяться на экономическом факультете, и как потом начал происходить выбор между различными ветвями данной теории. Институционализм, вошедший в моду в 1970–1980-е годы, — традиционный институционализм, прежде всего связанный с именем Джона Кеннета Гэлбрейта. Гэлбрейт был приглашен для выступлений на факультете, и это отчасти было обусловлено теми концепциями, которые развивала цаголовская школа политической экономии, потому что работы Гэлбрейта были посвящены техноструктуре, что при помощи обратной связи встраивалось в главную проблему политической экономии социализма — соотношения рынка и планомерности, — которая для факультетской научной школы (как для цаголовской политэкономии, так и для шаталинской системы оптимального функционирования экономики) была одной из центральных. В своей кандидатской диссертации 1979 года я ссылаюсь на Гэлбрейта (хотя напрямую его не цитирую) — эта работа важна для понимания моих взглядов. В докторской диссертации я обсуждаю эти идеи более широко.

Реальный сдвиг отечественной экономической теории в сторону нового институционализма произошел в начале 1990-х годов, когда в рамках рыночной трансформации рухнула обязательная марксистская идеология. Поиск и накопление знаний и интерпретаций стало возможно осуществлять в разных системах координат, и именно тогда люди разошлись по разным системам.

Но назову главные моменты, имевшие, на мой взгляд, принципиальное значение для поворота группы людей с не слишком схожими взглядами, и даже не очень тесно контактирующих между собой, к тому, что считается новой институциональной экономической теорией. Во-первых, публикация брошюры Ростислава Исааковича Капелюшника «Экономическая теория прав собственности»¹, кото-

/ 1
Капелюшников Р. И.
(1990). Экономическая
теория прав собственности.
ИМЭМО.

рая, я считаю, зафиксировала дату «крещения» Руси новым институционализмом. В ней Ростислав Исаакович не излагает свои взгляды, а освещает представления о данной теории, при этом критикуя чрезмерно увлекающихся (правильными и неправильными подходами). Во-вторых, международные связи приняли гораздо более свободный характер: мы с коллегами в 1993 году съездили в «Wisconsin Madison University» — один из центров традиционного институционализма, в котором работали ученики Джона Коммонса. Нас принимал Дэниел Бромли — один из прямых последователей Коммонса, чрезвычайно интересный мыслитель. Мы там очень серьезно пополнили нашу библиотеку экономической литературы — это было важно, тогда ведь Интернета не было в широком пользовании.

Андрей Шаститко. В 1992 году я защитил кандидатскую диссертацию под названием «Использование земельной ренты в развитии рыночных отношений» (под руководством замечательного человека Евгения Семеновича Городецкого). Оглядываясь на прошлое, могу сказать, что это была достаточно близкая к институционализму тема. Я рассматривал и права собственности, институциональные изменения, хотя понятийный аппарат не был институциональным. Когда диссертация была написана и защищена, я начал размышлять, чем заняться дальше. Как уже сказал Александр Александрович, наши молодые профессора посетили Висконсин, где встретились с Дэниэлом Бромли. Коллеги вернулись воодушевленными и вдохновленными. Была налажена персональная связь с последним учеником Джона Коммонса — одного из самых известных традиционных институционалистов. Позже меня пригласили на семинар, в рамках которого обсуждались перспективы институциональных исследований. Конечно же, брошюра Капелюшникова была исторически значима, хотя ее тираж был всего 200 экземпляров! В ней впервые в России был предложен подход к систематизации новой институциональной экономической теории.

В 1991 году получил Нобелевскую премию Рональд Коуз — основоположник нового институционализма, а в 1993 году — Дуглас Норт. К тому времени новая институциональная экономическая теория выглядела вполне respectable, но в России пока велись наивные дискуссии с применением концепций из этого направления. На нашем факультете на кафедре политической экономии, например,

обсуждали вопросы массовой приватизации в связи с транзакционными издержками. Теперь можно сказать, что те дискуссии наглядно показали, насколько далеко мы находились тогда от сложившихся форматов международного дискурса.

А.А. Институциональная экономика сразу была воспринята как нечто интересное. Могу привести пример: выпускник нашего факультета, в то время министр нефти и газа, Владимир Михайлович Лопухин (к сожалению, покойный) при появлении брошюры Капелюшников ввел у себя в министерстве экзамен на знание этого материала. И это был, заметим, 1992 год. Поэтому попытки ввести эту теорию в сферу научных обсуждений предпринимались. Естественно, не только на нас экономическая теория прав собственности произвела такое впечатление.

Так почему новый институционализм оказался в высокой степени востребованным? Традиционный институционализм очень неплохо рисовал (и продолжает это делать) общую картину экономики, но объяснить, как именно Гэлбрейт пришел к своим интересным и ярким результатам, очень сложно. А новый институционализм оказался очень операциональным, инструментальным. Для меня это стало откровением в практическом вопросе, потому что я тогда занимался созданием института защиты прав потребителей и на основе решения этой практической задачи прочитал доклад в «Wisconsin Madison University», сделанный в терминологии теории транзакционных издержек.

А.К. То есть вы уже тогда были готовы строить концепции в терминологии теории транзакционных издержек?

А.А. Да. В каком-то смысле это было пусть не жестким, но условием диалога. Хотелось, чтобы мы поговорили, нашли общий язык, и для меня эта теория оказалась очень удобным камертоном. Многие подходы, связанные с асимметрией информации, вылились в то, как мы строили законодательство, систему правоприменения и так далее, и очень хорошо ложились в эту концепцию и прав собственности, и транзакционных издержек. Поэтому, я полагаю, было два «порта», позволивших нашему судну приплыть в гавань новой институциональной экономической теории. Во-первых, дореволюционная мода на традиционный (классический) институционализм, во-вторых, операциональность новой теории. Я до сих

пор думаю, что пропасть между традиционным и новым институционализмом преувеличена, как и различия внутри нового институционализма.

А.К. Преувеличены различия внутри нового институционализма?

А.А. И между новым и традиционным институционализмом. Мне кажется, надо помнить, что писал отец-основатель, — в данном случае я имею в виду Торстейна Веблена. Веблен формулировал так: нередко разногласия двух близко мыслящих профессоров преувеличены ровно потому, что идет борьба за число учеников, раздел сфер влияний и т. д. Поэтому мне трудно указать, в чем различия подходов, например, Джеймса Бьюкенена и Мансура Олсона. Мне кажется, они очень близки, и их диалог, о котором пишет Олсон, совершенно не случаен. В то же время иногда личные отношения приводят к тому, что не формируется общепринятая терминология и между учениками возникает невидимая стена.

А.К. Одна из предпосылок того, что новая институциональная экономическая теория нашла понимание здесь — и на факультете, и в России в целом — заключается в том, что можно провести параллели с марксистской политической экономией. Так ли это?

А.Ш. Действительно так. Хотя здесь следует сделать оговорку, что новая институциональная экономическая теория очень разнообразна, и когда мы говорим о такого рода параллелях, речь все же идет о параллелях с новым институционализмом в нортвовском стиле. Если же говорить о разработках Дугласа Норта с соавторами, то действительно есть параллели системного уровня. В 2018 году отмечалось 200-летие со дня рождения Карла Маркса, и я опубликовал статью, где эти параллели обозначены². Самая главная параллель — взаимосвязь

/ 2

Шаститко А. Е. (2018).
От актуальности
к востребованности?
К 200-летию со дня
рождения Карла Маркса.
Вестник МГУ. Серия 6:
Экономика, № 3, с. 3–22.

производственных отношений и производительных сил по Марксу и институтам и технологий по Норту. Здесь, хотя слова и разные, на уровне смыслов они очень похожи. В общем-то, Норт сам не отрицал влияния идей Маркса на его творчество, хотя себя никогда марксистом не считал.

А.К. Вы упомянули о том, что институциональная экономическая теория и новая институциональная экономическая теория довольно разнообразны, и сказали, что можно выделить институциональную экономическую теорию по Норту. У меня есть ощущение, что вы и ваши ученики в основном реализуете теорию по Уильямсону, в то время как Александр Александрович и его ближний круг следуют Норту. Согласны ли вы с таким разделением? И на данный момент, если мы смотрим на развитие теории, сохраняется ли такое разделение или это утратило всякий смысл?

А.Ш. Я бы сказал, что начинать ответ на этот вопрос можно с тезиса о том, что бытие определяет сознание. Да, в значительной степени то, чем занимаемся мы с коллегами, скорее походит на новый институционализм в стиле Уильямсона. Отчасти это связано с тем, что мой зарубежный коллега и постоянный соавтор Клод Менар исповедует уильямсоновский стиль исследования в рамках новой институциональной экономической теории. Кроме того, именно этот инструментарий наиболее востребован в исследованиях по проблемам защиты конкуренции, в то время как нортский — в гораздо меньшей степени. Однако многое зависит от исследовательской задачи. После эпизода 2009 года в Пикалево (с активным участием Федеральной антимонопольной службы) я всерьез задумался об особенностях российского антитраста. Итогом размышлений стала в том числе статья в журнале «Экономическая политика»³, для проработки данного вопроса как нельзя

/ 3

Шаститко А. Е. (2009).
Быть или не быть
антитрасту в России?
Экономическая политика,
№ 3, с. 50–69.

кстати оказалась работа Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста о социальных порядках открытого и ограниченного доступа⁴. В той статье я попытался преломить это различие через призму перспектив антитраста в этих социальных порядках. Вот почему говорить, что я применяю исключительно инструментарий уильямсоновского институционализма — экономической теории трансакционных издержек, — не корректно. Многое зависит от конкретных задач. Задачи, связанные с прикладными исследованиями, в частности в интересах компаний, участвующих в антимонопольных разбирательствах, — да, это более частый случай. Вот почему многочисленные публикации как побочный результат этих исследований дают основание считать, что в нашей исследовательской группе доминирует институционализм уильямсоновского толка, причем этот факт служит одним из подтверждений того, что у нас не просто осуществляется экономический анализ антитраста, а в первую очередь ведется институциональный анализ конкуренции и конкурентной политики и в несколько меньшей степени — промышленной политики.

Тем не менее в моих методологических работах (питаю слабость к этому жанру) выделить нортковский или уильямсоновский вариант институционализма не представляется возможным. Возьмите, например, нашу с Леонидом Тутовым работу о внутридисциплинарном дискурсе и вопросах метаязыка экономической науки в журнале «Вопросы экономики»⁵. Очевидно, что она написана институционалистами — в статье обсуждаются структурные альтернативы взаимодействия разных научно-исследовательских программ. Но сказать, что она сделана в уильямсоновском или нортковском ключе, нельзя.

Наряду с этим у меня есть работы, связанные со сравнительным анализом функционализма (коузианства), регуляторного фундаментализма (пигувианства) и либерального фундаментализма⁶. Сказать, что в этом случае я использую уильямсоновский или нортковский подход, было бы неверно.

/ 4
Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Изд-во Института Гайдара.

/ 5
Тутов Л. А., Шаститко А. Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору. Вопросы экономики, № 4, с. 96–115.

/ 6
Шаститко А. Е. (2021). Пигувианство против коузианства: кто кого? Экономическая наука современной России, № 3, с. 49–58.

А.К. Александр Александрович, вы сказали, что традиционный институционализм у нас был довольно востребован, воспринят и чуть ли не популярен. Дал ли новый институционализм операциональный инструментарий, и занимала ли какое-то место традиционная или новая институциональная экономическая теория в экономической политике начала 1990-х?

А.А. Мне кажется, мы просто опоздали с открытием институционализма для того, чтобы он был применен в экономической политике начала 1990-х. Я лишь напоминаю, что политика шоковых реформ игнорировала наличие высоких транзакционных издержек — а ведь в те же годы Рональд Коуз получил Нобелевскую премию.

А.К. Сейчас становится ясно, что экономические реформы, начавшиеся 30 лет назад в России, проводились без какого-либо внимания к институционализму — как к традиционному, так и к новому. Проводились они по неоклассическим рецептам достаточно формально, но при сохранении марксистского, планового, директивного понимания экономики. Об институционализме только начали говорить, и он не был заложен в повестку рыночных реформ 1990-х годов. Возможно, его время тогда еще не пришло? Как вы оцениваете ретроспективно то место, которое занимал новый институционализм в экономической политике в 1990-е годы?

А.Ш. Мне кажется, ответ здесь достаточно простой: он не занимал вообще никакого места. Нельзя смешивать использование отдельных слов, понятий в публичных дискуссиях с интеграцией идей, смыслов в практические меры экономической политики. Я думаю, что отчасти это связано с тем, что понимания этого инструментария не было. Вообще, гипотеза об эластичности предложения научного экономического знания для экономической политики (если угодно, по цене) глубоко ошибочна. На мой взгляд, формирование системы взглядов (а это именно система) требует длительной, кропотливой работы, результаты которой, как ожидается, будут востребованы.

Хочу напомнить, что после известного обсуждения в кругу американских экономистов (в самом начале 1960-х) Рональд Коуз сетовал, что его стали очень много цитировать, но очень мало использовали его идеи. Один из классических примеров — «теорема Коуза», которую придумал Джордж Стиглер, а сам Коуз при любом удобном случае ее дезавуировал.

Для того чтобы обсуждать то, что «имеют сказать» новые институционалисты, нужно всерьез знать хотя бы микроэкономику. Уверяю, что в самом начале 1990-х годов этими знаниями обладали считанные единицы, и думаю, что в их число те, кто готовил и принимал экономические решения, не входят. Вместе с тем знание микроэкономики — необходимое, но не достаточное условие, чтобы понимать модельный ряд и то, как на этом модельном ряде можно было бы уже обсуждать институциональные проблемы, поскольку это лишь первая ступень к осознанию сути и масштабов проблем, связанных с проектированием институциональных изменений.

Более того, Дуглас Норт высказывался по поводу стиля нашей системной трансформации, выражая сомнения в том, стоит ли подходить подобным образом к реформам. Он был более реалистичен и понимал, что фундаментальные вопросы решить с наскака не получится, что мы этим шоковым подходом можем создать «долгоиграющие» проблемы, с которыми неизвестно сколько придется жить.

Эта история потом получила продолжение у Леонида Марковича Григорьева в его тезисе о латиноамериканизации российской экономики. Можно ли было сделать как-то иначе? Сторонники быстрых реформ говорили, что у нас есть «окно возможностей», которым нужно непременно воспользоваться. Но, на мой взгляд, договориться по этому вопросу, выработать некое подобие консенсуса никогда не получится — те, кто был участником этих событий, скорее всего, будут стоять на своем.

Кстати, в тех дискуссиях курсировала идея: «Давайте мы всё быстро приватизируем (не важно, кому достанется), а потом в результате последующих сделок эти активы окажутся у тех, кто выше всех ценит и эффективней всех может использовать эти активы». Ну и где сейчас эти идеи? И действительно ли активы оказались у тех, кто эффективнее? И вообще, стоило ли так подходить к вопросу? Трансакционные издержки оказались, мягко говоря, ненулевыми, но тогда всерьез это не обсуждалось — нужно было срочно приватизировать экономику.

А.А. Лет 15 назад мы в Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) провели диспут между Евгением Григорьевичем Ясиным и Виктором Мееровичем Полтеровичем по поводу того, как надо и как не надо было делать реформы. Евгений Григорьевич на многие очень весомые аргументы Полтеровича ответил: «Дорогой Виктор, во всем гайдаровском правительстве по-английски читали два человека, да и тем было, в общем, не до того». Поэтому я полагаю, что эта ответственность в значительной степени должна лечь на иностранных советников правительства, таких как Джеффри Сакс, который должен был эти вещи понимать и корректировать. Правда, Сакс стал советником только в 1993 году.

А.К. Есть ли у вас ощущение того, что с тех пор, с начала 1990-х годов, новая институциональная экономическая теория получила большее влияние и развитие и от отдельных энтузиастов распространилась на уровень университетов? И наряду с этим есть ли у вас ощущение, что по сравнению с началом 1990-х власть и экономическая политика стали в большей степени принимать во внимание академическое сообщество? Можно ли сейчас сказать, что институциональная экономика получила некоторое политическое влияние, причем именно «эмгэушного» производства, или нет?

А.Ш. В мире все относительно. Если пытаться сравнивать масштабы воздействия институциональной экономики по состоянию на начало 1990-х годов с нынешними, то очевидно, что сейчас она намного влиятельнее. Уже выросла плеяда молодых и даже не таких уж молодых исследователей, которые хорошо освоили этот инструментарий.

На самом деле перед тем, как заняться институциональной экономикой, я глубоко погрузился сначала в изучение самых разных учебников по микроэкономике (в университете в 1980-е мы ее не изучали, поэтому пришлось «добирать» самому в библиотеке иностранной литературы) и в дебри новой австрийской школы (тогда их работы только-только извлекли из спецхранов). Как-то параллельно у меня шла работа с неоклассикой и австрийской школой (в первую очередь с работами Фридриха фон Хайека). Как раз к моменту окончания работы над диссертацией

выяснилось, что ни неоклассики, ни австрийцы не дают ответов на вопросы, которые меня интересовали, — получается, что и там, и там много фундаментализма, а доказательной политики, функционального подхода, связанного с учетом конкретных обстоятельств места и времени принятия решений, не хватает. В рамках нового институционализма я нашел гораздо больше ответов.

А оценка регулирующего воздействия — очень интересная технология институционального проектирования, которая позволяет не только вскрыть природу проблемы, но и показать спектр возможностей через призму интересов затрагиваемых возможными изменениями групп интересов. Вот где институционалисты могли и должны были работать⁷. К сожалению, практика показывает, что порой может преобладать формальный подход к проектированию институтов: раз есть указ, значит, надо его выполнять, а как выполнять, с какими результатами — уже не так важно.

Возвращаясь, собственно, к вопросу: формально признаки влияния институциональной экономики есть. Но влияние новой институциональной экономической теории на экономическую политику, думаю, выступает производной от общего влияния экономической науки на политику. У меня есть большие сомнения относительно влияния экономической науки на политику: политики тут попадают в гораздо более жесткие ограничения, потому что экономисты в конечном счете заставили бы просчитывать последствия — как близлежащие, так и отдаленные, но этого не происходит. Да, влияние есть, но оно по-прежнему невелико.

Я участвовал и участвую в разных экспертных советах. Да, нас в лучшем случае слушают, при этом обратной конструктивной связи не видно. В 2000-е годы были эпизоды, когда можно было получить содержательную обратную связь. В последние примерно лет 10 я этого не наблюдаю. Вроде бы запросы есть, но понадобилась разработка или нет, понравилась или не понравилась, как использовалась, неиз-

/ 7
Кстати, в 2005–2006 годы с благословения тогда еще заместителя министра экономического развития Анны Владиславовны Поповой мы сделали более дюжины ОРВ по пробле-

мам совершенствования корпоративного законодательства, которые вместе с теоретической статьей и материалами обсуждений (в том числе с представителями групп интересов) опубликовали в книге Шастико А. Е.,

Кокорев Р. А. (2006). Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства. М. Фонд Бюро экономического анализа.

вестно. Единственный случай, когда есть документальное подтверждение того, что эта разработка пригодилась: постановление пленума Верховного суда № 2 от 4 марта 2021 года о применении российскими судами антимонопольного законодательства. Мне как экономисту институциональная теория очень помогла в общении с членами рабочей группы — судьями и юристами, специализирующимися на вопросах антимонопольного законодательства. Аргументация, построенная на институциональных концепциях, по крайней мере судом высшей инстанции воспринимается достаточно хорошо. Мне показалось, что на уровне идей судьи хорошо воспринимают институциональный подход, если не злоупотреблять специальными экономическими терминами. Кстати, и концепции из экономического анализа права — как родственника новой институциональной экономической теории — тоже достаточно хорошо воспринимаются, но на фоне всей истории взаимодействия с органами власти это очень локальный кейс.

А.К. А если посмотреть на упрочение подходов нового институционализма в экономической политике, почувствовали ли вы в какой-то момент, что эта терминология, этот подход стал широко принят, распространен хотя бы в каких-то «узких» кругах? Когда это было? Можете ли вы начертить какую-либо траекторию?

А.А. В начале 2000-х годов. Это связано с программой Германа Грефа и с реформами по де бюрократизации. Начнем с того, что те, кто связан с университетской школой современной экономики, в реформах начала 1990-х не участвовали, хотя мы работали иногда над практическими вещами. Я занимался защитой прав потребителей, то есть тем, что мы бы теперь назвали институциональным проектированием. Но в выработке экономической политики правительства

/ **8**
Аузан А., Крючкова П.
(2001). Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования. Вопросы экономики, № 5, 73–88.

Егора Гайдара или правительства Виктора Черномырдина мы не участвовали. А вот в дебюрократизации, в программе Грефа, в том, что делало правительство Михаила Касьянова тогда, мы участвовали. Есть наша с Полиной Крючковой статья в «Вопросах экономики»⁸, и книга, вышедшая под нашей редакцией — «Административные барьеры в экономике: институциональный анализ»⁹, где описывается наша работа, целиком построенная на институциональных подходах и терминологиях. Причем книга, надо заметить, стояла практически во всех правительственных кабинетах и была библиографической редкостью. Там были проговорены некие вещи, связанные с интересами стейкхолдеров, с противоречием интересов, с искажением информации. Как позже сказал мне один из членов правительства (не российского, а сопредельного государства): «Очень сильное впечатление производит, когда из уст ученых слышишь то, о чем тайно думал сам, но не решался сказать». Институциональная экономика производила именно такое впечатление, и я считаю, что ее легитимизация в России (не в научных кругах, а в управленческих политических дискуссиях) произошла в самом начале 2000-х годов — в связи с реформами по программе Грефа.

А.К. Легитимизация — хорошее слово, означающее, что институциональную экономику стали признавать. Но здесь нельзя еще раз не вспомнить цитату Рональда Коуза, который говорил, что в какой-то момент его стали активно цитировать, но не использовали его идеи. Сегодня казалось бы достаточно большое количество сотрудников, выпускников нашего факультета, которые в том числе проходили курс по институциональной экономике, находятся во властных кабинетах. Если мы говорим о сегодняшней ситуации и о влиянии, которое институциональная экономика университета «производства», в частности, оказала

/ 9
Административные барьеры в экономике: институциональный анализ. (2002). Под ред. А. Аузана, П. Крючковой. Ин-т нац. проекта «Обществ. Договор», МГУ им. М.В. Ломоносова.

Экон. фак. Каф. прикладной институцион. экономики. ИИФ «Спрос» КонфОП.

на экономическую политику и на мозги людей, которые ее делают, как бы вы охарактеризовали ситуацию: ее знают и применяют; знают, но не применяют; говорят о ней, но не знают достаточно серьезно; не говорят и не знают?

А.А. Я бы сказал, что, во-первых, институциональная экономика как любое явление проходит три фазы: «Что за чушь», «Что-то в этом есть» и «Кто же этого не знает». Сейчас институциональная экономика находится в третьей фазе. Поэтому даже те, кто ее не знают и не понимают, все равно ее упоминают — и, как правило, в положительном смысле. Таких много. Во-вторых, конечно, у нас много выпускников, которые знают институциональную теорию, и часть из них находятся на высоких постах. До этого они участвовали и в наших разработках, и в преподавании: они применяют институциональную теорию на практике, создавая довольно типичные институциональные продукты в экономической политике — скажем, в попытках снизить административные барьеры, ликвидировать бюрократизацию, сократить транзакционные издержки путем институциональных изменений. Поэтому все очень хорошо относятся к институциональной экономике, но значительно меньшее число людей ее реально знает и, разумеется, еще меньше тех, кто ее применяет.

Насколько широко она применяется — тут мы приходим к вопросу: «Что понимать под институциональной экономикой?» Если бы у меня спросили: «Что такое "наша университетская школа" в новой институциональной экономической теории?», — на это мне было бы легко ответить: «Вышло уже третье издание учебника "Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория"»¹⁰. Данный факт позволяет определить, где у нас твердое ядро и что мы понимаем под институциональной экономикой. Первое: мы трактуем поведенческие предпосылки как ограниченное в рациональности оппортунисти-

/ 10
Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: Учебник. (2011). Под общей редакцией А. А. Аузана. ИНФРА-М.

ческое поведение, что позволяет развивать поведенческую экономику дальше. Второе: мы, безусловно, считаем чрезвычайно важными транзакционные издержки, их структуру и динамику. Третье: мы полагаем, что институты не только влияют на транзакционные издержки, но и содержат в себе принципиальные различия, то есть что существуют не только формальные, но и неформальные институты. И наконец, четвертое — и главное: мы смотрим на мир с точки зрения взвешивания дискретных альтернатив. Думаю, что эти четыре тезиса объединяют людей, которые довольно сильно разошлись в своих научных интересах и вследствие этого имеют разные точки зрения на то, что есть институциональная экономика. Но мне кажется, что эти четыре постулата мы принимаем все и благодаря этому существует учебник и транслируемая им в полную меру позиция.

А.К. Давайте вернемся в тот период, когда кафедра только зарождалась. Вы упомянули основные тезисы, составные части жесткого ядра новой институциональной экономической теории — по крайней мере в интерпретации, которая принята у нас. Когда эти позиции были сформулированы, были ли они вообще сформулированы в явном виде или же все их просто принимают?

А.А. Они были сформулированы в конце 1990-х годов. С моей точки зрения, их принятие выглядело как движение. Каждый может рассказать о неких характерных для него индивидуальных событиях, связанных с «обретением новой веры», но, я бы сказал, «пренатальная» история нового институционализма на факультете закончилась в 1993 году. Потому что с 1993 года, с визита в «Wisconsin Madison University», с установления международных связей, с получения доступа к принципиальным источникам, началась уже не предыстория, а история.

Кстати, в 1994 году мы с Андреем Евгеньевичем Шашитко начали вести некий факультативный семинар: в разных форматах — сначала в диалоговом, потом пытались читать какие-то лекции по институциональной экономике. Все это привело к созданию курса институциональной экономики в рамках кафедры политической экономии. Курс начал формироваться в 1997–1998 годах. Поэтому, когда около 2000 года декан поставил вопрос о создании кафедры, это был полити-

чески конкурентный вопрос — как в плане того, что понимать под институциональной экономикой, так и в плане определения границ институциональной экономики.

Здесь, в точном соответствии с Вебленом, от нас требовали определить: не претендуем ли мы на новый мейнстрим и не намерены ли отобрать право вручения дипломов у фундаментальных кафедр. Когда мы поклялись на уставе факультета, что мы — кафедра исключительно прикладной институциональной экономики (несмотря на то что мы преподаем теорию), то решился вопрос о создании кафедры. Мы прошли через это конкурентное сопоставление, и на кафедре сошлись разные люди с разными научными историями. С моей точки зрения, принципиальным было объединение трех людей. Андрей Евгеньевич Шаститко фактически в своей докторской (я имел честь быть его научным консультантом, и мы очень много спорили, обсуждали всевозможные проблемы) реализовал изумительную задачу интеграции институциональных знаний очень разных авторов. Мне кажется, Андрей Евгеньевич несколько недооценивает то, что он делает сейчас, — ведь ему действительно удалось создать непротиворечивую схему сочетания взглядов. Виталий Леонидович Тамбовцев пришел с мощной способностью применения математики и одновременного создания логических схем. Он фактически стал главным методологом в сообществе. Моей функцией в сообществе была трансляция как в лекционных курсах, так и на широкой публике того, что не «так узок круг этих людей» (хотя нас вначале было действительно мало — плюс Елена Кудряшова и Григорий Калягин (Александр Елисеев присоединился со своей тематикой позже). Поэтому возникла такая пестрая компания с некоторым разделением функций — как говорил Виталий Леонидович: «Ты — Маяковский, я — Бурлюк». Я не возражал поначалу против такой формулы. Мне кажется, это объединение породило и разделение труда, и способность продвижения школы на основе объединения вкладов ее участников. Первый курс мы сделали с Полиной Крючковой — сначала он был издан как лекционный, а потом уже стал формироваться учебник, который в значительной степени базировался на монографии Андрея Евгеньевича, так как курс лекций тоже опирался на эту самую интегрирующую монографию.

А.К. Александр Александрович, сейчас вы обрисовали персональный и в некотором смысле идейный состав тех, кто находился у истоков созда-

ния кафедры, и я бы сказал, не просто кафедры, но и формирования школы. Что в то время было во внешнем мире? Был Капелюшников, из шинели которого все вроде бы вышли? Но при этом он излагал не свои взгляды, да и сейчас его вряд ли считают убежденным институционалистом. Формировалась ли тогда эта школа в некотором вакууме, была ли она пионерной или же параллельно те же процессы развивались и в других местах — отставали, опережали? Как вы можете соотнести ступени развития институционального направления здесь у нас и в других местах? Можно ли утверждать, что «мы все — дети Капелюшникова»? И можно ли говорить, что «вышкинские» институционалисты унаследовали и приняли что-то из того, что развивалось на экономическом факультете МГУ, или это идет параллельно? Где еще были созданы центры, в которых в большей или меньшей степени развиваются подходы новой институциональной экономической теории (если, конечно, вы такие центры видите) — или их нет, и мы остаемся флагманом в единственном числе, то есть уникальными в этом роде?

А.А. Конечно же, процесс принятия идей нового институционализма развивался параллельно, это не было движение в вакууме. При этом он был довольно интенсивным. Большая группа коллег работала в этом направлении в Высшей школе экономики, включая ее научного руководителя — Ярослава Ивановича Кузьмина, который сам себя считает институциональным экономистом и, на мой взгляд, действительно таковым является. Рустем Махмутович Нуреев имеет свои представления об институциональных подходах. Признанный аналитический центр есть в Ростове-на-Дону — в Ростовском университете. Причем с коллегами из Высшей школы экономики мы шли «ноздря в ноздю», но все же первый полный учебник институциональной экономики на основе новой институциональной экономической теории появился у нас, на экономическом факультете МГУ. А через полгода появился учебник Вышки, но он, к сожалению, так и не был завершен, не был дописан. Поэтому мне кажется, что это был довольно интенсивный параллельный процесс — он и продолжается как параллельный процесс. Университетская школа совершен-

ствуется в непрерывных диалогах с институционалистами из Вышки; очень значимо появление в ВШЭ Леонида Полищука — с его опытом работы с Мансуром Олсоном в Мэрилендском университете и с его российскими учениками. Его работы укрепили то, что параллельно делали Ярослав Кузьминов, Мария Юдкевич и другие. Есть и более дистанцированные институциональные направления, например Светлана Кирдина из Института экономики РАН тоже определяет себя как институционального экономиста, но имеет совсем другие представления о российской институциональной картине.

А.Ш. Что касается Высшей школы экономики, я думаю, что процессы становления институциональной экономики там и на факультете шли почти параллельно, тем более что мне также довелось преподавать в Высшей школе экономики именно институциональную экономику во второй половине 1990-х годов. Но надо сказать, что первая докторская диссертация по новой институциональной экономической теории была защищена на экономическом факультете МГУ в 1999 году. В ее основе — первое издание монографии «Неоинституциональная экономическая теория».

Кроме того, обратите внимание на структуру разных изданий моей монографии и на структуру последующих книг по новой институциональной экономической теории или учебников. Дело в том, что учебников по новой институциональной экономической теории не было, и я считаю, что полноценного учебника нет до сих пор. Можно назвать текст учебником, но проблема в том, что из-за специфики новой институциональной экономической теории как направления мысли сформировать текст именно как учебник крайне проблематично (в сравнении, например, с учебником по микроэкономике или по теории организации рынков). Этот тезис связан с моим пониманием того, почему новая институциональная экономическая теория не является классической научно-исследовательской программой, по Лакатосу.

А возвращаясь к вопросу о брошюре Капелюшникова, могу сказать, что, не будь той публикации, мы, наверное, потратили бы значительно больше времени на освоение и систематизацию накопившегося массива институциональных исследований. Хотя содержание этой брошюры и можно было бы задним числом покритиковать, но я считаю, что это издание имеет для российского нового институционализма историческое значение.

А.К. Что дальше? Как позиционировалась наша школа относительно всех остальных, если, конечно, все остальные есть?

А.Ш. На самом деле есть, и отчасти это связано с тем, что проект Всемирного банка (1997–2004 годы) был запущен после того, как в 1997 году на экономическом факультете завершился проект «TEMPUS». В рамках проекта «TEMPUS» был проведен первый этап ревизии учебного плана на экономическом факультете, и тогда удалось довольно серьезно продвинуться в разработках по институциональной экономике, а затем был заём Всемирного банка, когда уже несколько десятков вузов получили финансирование под реформирование учебных планов и курсов, подготовку учебников. Получилась такая «матрешка»: те, кто был в первом эшелоне, начали помогать тем, кто был во втором.

И я точно знаю, что институционалисты появились в Новосибирском государственном университете, потому что я там работал с коллегами, разрабатывающими институциональную тематику. Я знаю, что есть исследователи, которые интересуются институциональной тематикой в Уральском государственном университете (сейчас университет имени Ельцина). В Петербурге тоже есть институционалисты, причем они специфического толка — это новые экономические историки, пытающиеся развивать исследования в русле новой экономической истории: Данила Расков, Леонид Широкоград, Наталья Дроздова. На самом деле в Петербурге были и институционалисты уильямсоновского толка, и наиболее заметный из них — Валерий Катькало, долгое время руководивший ВШБ СПбГУ, а ныне — первый проректор НИУ-ВШЭ. Он стажировался в институте бизнеса имени Хааса у Оливера Уильямсона, и его заслуга — перевод «Экономических институтов капитализма»¹¹, так же как и монографии Фуруботна и Рихтера¹². Вместе с нашими питерскими коллегами мы в 1993–1995 годах ездили в Тюбинген в летнюю школу, где Ли Бенам

/ 11
Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. Лениздат.

/ 12
Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. Издательство СПбГУ.

и Джон Най читали нам лекции по новой политической экономике институтов и торговли.

Утверждение о наличии новых, «правоверных» институционалистов было бы слишком категоричным: наше сообщество экономистов (в том числе институциональных) очень дисперсное — мы очень хорошо понимаем то, что делают группы, а вот сказать, что у российских институционалистов есть интегрирующее начало, нельзя. Есть институциональная мастерская у Рустема Нуреева, где обсуждаются вопросы институциональных исследований, и у них даже базовый журнал есть — «Journal of Institutional studies», в Ростове-на-Дону есть исследователи — например, Вячеслав Вольчик.

Но сказать, что у нас есть площадка, где все институционалисты взаимодействуют, мы не можем. Отчасти, возможно, причина в отсутствии у институционалистов объединяющих институтов. Обратите внимание, что национальное общество по экономическому анализу права есть в Испании, в Германии, в Польше, в Италии, и у них есть ежегодные конференции. В принципе, в России сегодня уже достаточно институционалистов, способных сделать что-то подобное по институциональной экономике, но этого и близко нет. И это тоже вопрос: «А почему этого не происходит?». Вроде бы наработок уже много, и публикации на русском и на английском есть — в соавторстве с довольно известными в мировом дискурсе экономистами. Но конференции до сих пор нет.

Отвечая на ваш вопрос, хотелось бы отдельно отметить роль исследований по проблемам конкуренции и антимонопольной политики, которые были выполнены в 1998–2004 годах в Фонде «Бюро экономического анализа». Именно в рамках этих проектов, значительная часть результатов которых была опубликована в серии изданий данной организации, а также в российских академических журналах, была предпринята первая систематическая попытка прикладных исследований в духе новой институциональной экономической теории (товарные знаки и трансакционные издержки, контрактные отношения в ресурсоснабжающих подотраслях ЖКХ, регулирование аэропортов федерального значения и др.). В рамках и на основе этих исследований сложился круг экономистов из МГУ и НИУ-ВШЭ, которые говорят на одном научном языке. И особенно плодотворным было сотрудничество со Светланой Борисовной Авдашевой, которая в течение нескольких лет руководила исследованиями по вопросам за-

щиты конкуренции, после того как мне предложили руководить проектом Бюро экономического анализа в целом.

А.К. Выходя на финишную прямую, можем ли мы сказать, что подходы, лежащие в основе создания факультетской новой институциональной школы, (1) заимствованы, (2) приняты независимо или (3) параллельно с другими исследователями, считающими и называющими себя институционалистами в России?

А.А. Я бы сказал так: мы не видим резкого отторжения, серьезной критики наших позиций. Мне кажется, мы действительно имеем преимущество в виде единого, переиздаваемого учебника, который позволяет нам придерживаться очень разных взглядов. Я могу еще несколько слов сказать о том, как и когда, на мой взгляд, траектории развития отечественных институциональных школ начали расходиться. Учебник — наше главное конкурентное преимущество. Учебник, написанный совместно, обновляемый все более широкой командой преподавателей с привлечением молодых поколений, — это и есть университетская традиция.

А.К. Вы хотели также рассказать о расхождениях, которые встречаются в этих теоретических рамках.

А.А. Я бы вновь подчеркнул, что мы находимся в той фазе, когда научное, политическое, интеллектуальное сообщество очень хорошо относится к институциональной экономике, причем не только экономисты, но и социологи, политологи. Мы находимся в этом смысле в фазе бурного развития, хотя нас, институциональных экономистов, довольно мало, как бы мы ни «считались». Спрос на институциональную экономику существует, и фактически в последние десять лет развитие нашей школы идет путем экспансии, экстенсивного расширения, когда люди, выдающие единый концепт в виде учебника институциональной экономики, начинают заниматься разными вещами, но, несмотря на это, пытаются интегрировать их в более-менее непротиворечивом виде в очередные издания учебника.

Мы разошлись достаточно серьезно по научным интересам. Если говорить о более молодом поколении, то Владимир Иванов пошел в сторону поведенческой экономики, Гри-

горий Калягин двинулся в сторону политической экономики, мы с Еленой Никишиной направились в сторону того, что мы — вместе со Шломо Вебером — называем социокультурной экономикой. Думаю, дело тут не только в том, что мы разошлись по разным полям и что нам присущи разные интересы. Конечно, у нас возникают острые дискуссии — это нормально для развития школы. Скажем, Виталий Леонидович Тамбовцев публично критиковал наш выход в сферу социокультурной экономики, и это вышло за рамки нашей школы. Мне кажется, это нормально, это хорошо, это неотъемлемая фаза развития нашей школы. Андрей Евгеньевич подчеркивает, что необходимо понимание того, какие ветви вырастают внутри генеалогически единого дерева. Здесь, по его мнению, над исследователем во многом довлеет то, чем он занимается, что оказывается более операциональным, методологичным, применимым в анализе объекта исследования. Андрей Евгеньевич анализирует антитраст, антимонопольное законодательство — это одно, а на тех направлениях, которыми мы занимаемся с институтом национальных проектов, — это другое. А Виталий Леонидович хранит чистоту методологии и работает универсально, пишет по совершенно разным, практически любым, вопросам, пытаясь соблюдать методологическую унитарность этого понимания.

Хочу сказать, что разногласия выглядят довольно интересными, потому что, например, с точки зрения Виталия Леонидовича, несомненной ересью может быть неполное принятие принципа методологического индивидуализма. А мне кажется, что методологический индивидуализм применим не во всех сферах и что в человеческой культуре мы обнаруживаем элементы холизма, то есть того, что существует нечто помимо человека, когда выстроенная структура (дизайн здания) формирует определенные нормы, воздействующие на других людей, как это делает, скажем, язык. Я предполагаю, что это ближе к принципу холизма, чем методологического индивидуализма, — вряд ли язык является продуктом индивидуальной деятельности.

А.К. Не является ли это расхождение отражением того, что происходит в мировой науке? Ведь мы стали свидетелями того, как главная организация — Международное сообщество новой институциональной экономики — превратилась теперь в общество институциональной организационной

экономики. У меня есть ощущение, что существующие внутри него взгляды довольно серьезно «расползаются» и рождаются иные подходы, которые раньше сложно было представить в этой парадигме.

А.А. Здесь, как говорил Жванецкий: «До хрипоты спорьте о вкусе устриц с теми, кто их ел». Я не так близко наблюдаю то, что происходит в мировом сообществе, но могу предположить, что для него характерна та же фаза развития, которую мы переживаем в России. Широкое принятие институциональных идей порождает движение сразу в нескольких направлениях, расхождение интересов, нарастающую гетерогенность сообщества. Я думаю, что это то же самое, поскольку выход книги Норта, Уоллиса и Вайнгаста¹³ показал, что вопрос гораздо шире. Как выразился один из методологов: «Институциональная экономика пыталась стать не мейнстримом, а новой социальной философией». Это как раз свидетельство того, что там тоже идет процесс «разбегания» — у нас, как и во всей Вселенной, «галактики разбегаются».

А.К. Здесь возникает вопрос: есть ли вообще перспективы у новой институциональной экономической теории? Уже само ее определение местами стало пропадать — скажем, в европейском сообществе оно осталось, а на международном уровне уже от него отказались. Как Вы считаете, не придем ли мы к тому, что здесь наша школа тоже рискует «расползтись» со временем по совершенно разным предметным курсам, кафедрам, и в итоге единые методологические основания школы будут утрачены?

А.А. Здесь наблюдается некая противоречивость. Безусловно, вероятность «расползания» по разным кафедрам есть, институциональный подход присутствует на трех кафедрах

/ 13

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Силы и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Изд-во Института Гайдара.

как минимум. То, что на многих кафедрах с большой приязнью относятся к этой методологии — это факт. Произойдет ли рассредоточение? Да — на мой взгляд, произойдет. Означает ли это, что исчезнет идентичность? Нет, не думаю. Скорее, в течение определенного периода институциональная экономика будет занимать положение методологической доминанты. Эта роль наверняка будет временной, потом придут новые идеи, сменится доминанта. Но мне кажется, что если сейчас наблюдается «фаза разбегания галактик», то впереди еще одна фаза, когда институционализм в той или иной степени принимается на самых разных кафедрах — возможно, даже на всех.

А.К. Тогда неизбежно возникает следующий вопрос. У нас здесь сохраняется и кафедра специальной институциональной экономики, и учебная дисциплина — новая институциональная экономическая теория, ее изучают и в бакалавриате, и в магистратуре. Те, кто в 1990-х годах строил здание новой экономической теории, сейчас кажутся все более и более маргинальными, и эта ситуация меняется, и получается, что новая институциональная экономика меняет название ассоциации. Каким вы видите будущее этой школы в России? Будет ли ситуация развиваться аналогично тому, что происходит на Западе, и со временем мы откажемся от курса по новой институциональной экономической теории, и будут ли учебники по институциональной организационной экономике, или появятся отдельные учебники по теории права собственности, по теории трансакционных издержек? Или же нам удастся сохранить это направление как более-менее единое — или даже усилить его?

А.Ш. Хорошо, попробую ответить. Во-первых, планировать развитие науки и даже преподавания я бы не стал. Я бы здесь следовал больше принципам расширенного порядка человеческого сотрудничества, по Хайеку. Предвидеть какие-то структурные изменения можно, мы идем по пути дифференциации, специализации, и неизбежно будут возникать более специальные курсы. Более того, у нас уже это обсуждается в рамках теории организации, фактически построенной на идеях теории трансакционных издержек. Но для того, чтобы говорить, что это означает отказ от новой институ-

циональной экономической теории в обозримой перспективе, не вижу пока достаточных оснований.

Вопрос, на который требуется ответить: «Где, в рамках какого курса и нужно ли студентам сохранять интегральное видение институциональных исследований?» Если вы возьмете книги Эггертссона или Фуруботна и Рихтера—это же обзорные работы по новой институциональной экономической теории. Если вы сравните их с четвертым изданием «Новой институциональной экономической теории», вы найдете много пересечений по тематике. Но вот чего нет ни у Эггертссона, ни у Фуруботна и Рихтера, так это связей между разными направлениями, стыков. На мой взгляд, курс для магистров дает возможность прочувствовать целостность, но без утраты различий. Когда я обсуждаю вопросы нашей «замечательной» во всех отношениях антимонопольной политики или экономической политики в целом, меня категорически не устраивает «кусочечный» подход.

Мы можем в совершенстве овладеть инструментарием, который предложил Уильямсон и разработал Менар с коллегами. И что? Это и есть новая институциональная экономическая теория? Но это же не так—потому что подвешенным оказывается вопрос, связанный с внешними эффектами. К сожалению, инструментарий экономической теории транзакционных издержек построен таким образом, что требуется определенная донастройка. Если вы условно забываете про экономическую теорию прав собственности, вы просто не сможете достроить там, где необходимо, нужную концепцию. Вот почему до тех пор, пока не вызрела концептуальная альтернатива, я считаю, что интегральный курс по новой институциональной экономической теории нужен—это наше конкурентное преимущество.

А.К. Если мы говорим о «разбегании галактик», не могу не спросить о месте новой институциональной экономической теории в относительно глобальной истории. Я понимаю, сейчас говорить об этом достаточно трудно, но все-таки, начиная с момента зарождения, можно ли сказать, какое место российская школа и, в частности, университетская школа новой институциональной экономической теории занимала относительно мирового дискурса по институциональной экономике? Можно ли сказать, что российская школа занима-

ется исключительно трансляцией идей, созданных где-то за рубежом, на наши пространства, или же за это время здесь было произведено что-то свое, особенное, что внесло — или по крайней мере способно внести — вклад в мировую науку?

А.А. Мне кажется, что есть две вещи, которые позволяют позиционировать нашу школу как значимую для мирового контекста. Первое: в начале 2000-х годов, когда мы готовили первый учебник, мы обнаружили, что все ведущие институциональные экономисты преподают, но что никто из них не преподает институциональную экономику. Поэтому, похоже, мы стали первыми, кто превратил институциональную экономику в систему курсов и стал воспроизводить сообщество институциональных экономистов. Второе: я полагаю, что есть самостоятельные разработки по ряду вопросов — в первую очередь принципиально новой считаю идею промежуточных институтов, которую выдвинул наш коллега академик Виктор Меерович Полтерович, и те работы, которые так или иначе в рамках университетской школы направлены на проектирование промежуточных институтов. Мы это делали, даже не осознавая этого, в 1990-е годы и делаем это теперь в гораздо более осознанном виде.

А.К. Завершая интервью, следует отметить, что у нашей новой институциональной теории есть особенности по сравнению с западными исследованиями, есть содержательный позитивный вклад в ее развитие. Если не в само развитие, то по крайней мере в ее интерпретацию, обобщение, агрегирование, одним словом — в формирование ее как единого организма, и эта тема для нас довольно важная: мы можем говорить о результатах, которых реально добились здесь даже в мировых масштабах.

А.Ш. На мой взгляд, погружение в реалии российского бизнеса и экономической политики дает исследователям возможности увидеть что-то новое в казалось бы хорошо исследованных вопросах. Попробую пояснить на нескольких примерах, показывая, что институциональный анализ конкуренции, промышленной и конкурентной политики — весьма перспективное направление научных исследований.

Первый пример. Как известно, в антитрасте есть аналог программы деятельного раскаяния нарушителей в совершенных правонарушениях (*leniency program*). Есть также концепция ошибок первого и второго рода в правоприменении, которая в данном примере означала бы, соответственно, наказание за участие в картеле тех, кто в картели не вступал, и ненаказание картелистов. Так вот, подавая в один из зарубежных журналов статью об эффектах программы ослабления наказания за картель, в рамках модели мы использовали случай ошибочной квалификации коммерческой практики как картельной. Любопытно было прочитать одну из рецензий, в которой было черным по белому написано, что как раз в квалификации такой практики антимонопольный орган не может ошибиться и, соответственно, все, что написано по этому поводу в статье, — буквально придумано. Однако еще более любопытно, что именно такую практику правоприменения мы имели возможность наблюдать в России первого десятилетия XXI века¹⁴.

Другой пример: результаты исследований проблемы двусторонних монополий в России. Известно, что институциональные исследователи, занимавшиеся изучением долгосрочных отношенческих контрактов, не рекомендовали антимонопольным органам вмешиваться в споры между участниками таких отношений. Однако на примере исследования спора ММК vs. РусАл, так же как и других ситуаций, мы доказали, что эта презумпция преодолима, и, более того, продемонстрировали, почему принудительная медиация может быть вариантом решения проблемы¹⁵.

Третий пример: применение институционального анализа для картельных соглашений и политики противодействия им. В частности, картели могли бы исследоваться в терминах многосторонних неполных контрактов — как гибридные институциональные соглашения¹⁶.

Четвертый пример: моделирование неполных контрактов на основе исследования длительного спора между двумя очень крупными компаниями по поводу использования газопровода, соединяющего место добычи газа на севере острова Сахалин с местом его переработки, — производства СПГ¹⁷.

Еще один — самый свежий — пример: исследование мезоинститутов в сфере производства труб большого диаметра (ТБД) для строительства магистральных газопроводов. В этой статье было показано, как новая концепция может быть

интегрирована в логику институционального исследования для объяснения событий, которыми богата яркая история становления производства ТБД в России¹⁸.

Возможности одного интервью не позволяют показать весь спектр вопросов, которые мы пытаемся решить с применением инструментов новой институциональной экономической теории (с тематикой публикаций и исследований можно ознакомиться в моем профиле на сайте «Истина»¹⁹).

/ 14
Shastitko, A.Y., & Pavlova, N.S. (2016). Leniency programs and socially beneficial cooperation: Effects of type I errors. *Russian Journal of Economics*, Vol. 2, No. 4, pp. 375–401; Шаститко А. Е., Павлова Н. С. (2014). Эффекты «негостеприимной традиции» в антистрате: деятельное раскаяние против соглашений о кооперации? *Вопросы экономики*, № 3, с. 62–85; Павлова Н. С., Шаститко А. Е. (2015). Программа ослабления наказания за участия в картеле: проблемное поле, структурные альтернативы и эффекты. *Дело*.

/ 15
Шаститко А. Е., Павлова Н. С. (2018). Никогда не говори «никогда»: эффективен ли антистрат в условиях двусторонней монополии? *Конкуренция и право*, № 4, с. 20–30; Shastitko, A., Menard, C., & Pavlova, N. (2018). The curse of antitrust facing bilateral monopoly: Is regulation hopeless. *Russian Journal of Economics*, Vol. 4, No. 2, pp. 175–196.

/ 16
Шаститко А. Е. (2013). Картель: организация, стимулы, политика противодействия. *Российский журнал менеджмента*, Т. 11, № 4, с. 31–56.

/ 17
Шаститко А. Е., Курдин А. А., Филиппова И. Н. (2020). Структурные альтернативы организации прокачки газа по изолированному трубопроводу. *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 128–156.

/ 18
Menard, C., Shabalov, I., & Shastitko, A. (2021). Institutions to the rescue: Untangling industrial fragmentation, institutional misalignment, and political constraints in the Russian gas pipeline industry. *Energy Research and Social Science*, Vol. 80, pp. 1–13.

/ 19
<https://istina.msu.ru/profile/SHASTITKO/>

Школа макроструктурного экономического анализа

С Андреем Клепачем
и Александром Шировым
беседовал

Александр Курдин

заместитель декана
по научной работе
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Андрей
Николаевич
Клепач

Александр
Александрович
Широв

Организация национальной экономики в советский период предъявляла высокие требования к исследованиям в сфере планирования и прогнозирования — и речь здесь идет далеко не только о расчетах, но прежде всего о концепциях и методиках, позволяющих рассматривать народное хозяйство как единый механизм. Экономический факультет МГУ как ведущий научный центр Советского Союза в полной мере отвечал этим требованиям благодаря работе коллектива советских исследователей, занимавшихся планированием. Наиболее громко в этом контексте — системного, комплексного, долгосрочного подхода к оценке макроэкономических тенденций — сегодня звучат фамилии Александра Ивановича Анчишкина и Юрия Васильевича Яременко. Рыночная трансформация, хотя и привела к отказу от планирования, никоим образом не отменила потребность в макроэкономических прогнозах, и разработанные на экономическом факультете МГУ подходы по-прежнему востребованы государством и обществом. В значительной мере их реализация продолжается за пределами факультета (в частности, в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН)), однако научно-образовательная традиция тесной связи факультета с научными центрами не увядает. В этой главе заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ Андрей Клепач и директор ИНП РАН Александр Широков рассказывают Александру Курдину об этой традиции и ее реализации в современной России.

Александр Курдин. Спасибо большое, что согласились на эту беседу. Для начала хотелось бы спросить вас вот о чем: если говорят о научной школе, связанной с идеями Анчишкина и Яременко, то довольно часто эти фамилии употребляют в тандеме. Возможно, это не вполне корректно, и вы объясните мне, какая именно здесь должна быть очередность — и можно ли вообще их сочетать или нет? Как и почему эти идеи зародились, в какое время, и что, на ваш взгляд, обусловило их появление и развитие?

Андрей Клепач. С именем Александра Ивановича Анчишкина связана мысль о том, что план управления развитием народного хозяйства должен базироваться на прогнозе. Это созвучно позиции А. Н. Косыгина, сформулированной им в выступлении на заседании Госплана СССР 19 марта 1965 года, при подготовке плана VIII пятилетки: «Обсуждение научных прогнозов должно предшествовать разработке планов по развитию отраслей народного хозяйства... Мы должны располагать научными прогнозами по развитию каждой отрасли промышленности, чтобы вовремя дать дорогу передовому, прогрессивному; знать, в каком направлении разрабатывать план». Анчишкин вместе с другими исследователями был одним из пионеров в разработке идеи прогнозирования. В отличие от мейнстрима, господствующего сегодня, прогноз в то время ориентировался не на предвидение изменения процентных ставок и параметров финансовых рынков, а на сценарное прогнозирование развития ключевых секторов экономики и факторов производства с использованием инструментария производственных функций. Это направление было уже хорошо развито за рубежом, а у нас тогда лишь начинали появляться первые работы. Анчишкин одним из первых стал использовать производственную функцию для прогнозирования развития советской экономики и учета фактора научно-технического прогресса.

Второй аспект был во многом связан с совместной работой Александра Ивановича Анчишкина и Юрия Васильевича Яременко «Темпы и пропорции экономического развития» — книгой, вышедшей в 1967 году. Ключевая идея этой работы — структурная взаимосвязанность разных секторов экономики, их взаимодействие в рамках единого комплекса, где многое определяется не просто балансом спроса и пред-

ложения на разных рынках, а именно целостностью и взаимосвязанностью экономической системы. Например, ее может характеризовать межотраслевой баланс (МОБ)¹, который был инструментом планирования Госплана и основой исследовательской работы кафедры планирования народного хозяйства. МОБ показывал, как балансируется развитие и как выстраиваются пропорции между секторами, между конечным спросом и промежуточным потреблением по отдельным видам деятельности, между распределением доходов в зависимости от того, с какой эффективностью используются те или иные факторы производства. При этом в работах Яременко было показано, что межотраслевые связи сложнее, чем это показывает МОБ, и нужны специальные модели структурного взаимодействия, описывающие, как в многоуровневой экономике разные сектора влияют друг на друга, как образуется эта целостность и какую роль играет разное качество ресурсов, используемых в экономической деятельности. Поэтому самое главное — подход к целостности, комплексности экономического анализа. Работа шла по разным направлениям — что-то вносил Анчишкин, что-то — Яременко. Возникло понимание того, что даже для советской экономики важны материально-стоимостные пропорции — об этом писали Виктор Данилович Белкин, Виктор Викторович Ивантер и многие другие. Важно, что эти исследования не просто носили теоретический характер, но были завязаны на практике: идеи целостности и пропорциональности должны были воплотиться в систему принятия решений, связанной как с традиционным директивным планом, который тогда разрабатывался Госпланом, а затем принимался Правительством, так и с начатой работой по комплексной программе научно-технологического прогресса (КП НТП) до 2005 года.

Анчишкин непосредственно отвечал за эту работу, в том числе за сводный том, где были сформулированы очень многие тенденции, развилки, проблемы и вызовы, с которыми в дальнейшем столкнулась наша экономика. Комплексная программа и ее сводный том были пролонгированы на перспективу до 2020 года. И хотя Советский Союз до этого периода не дожил, технологические вызовы, с которыми сталкивалась советская экономика, остались актуальными и для российской экономики. Кризис советской системы во многом проявился

/ 1
Симметричная таблица
типа «Затраты-Выпуск».

не только в очередях, дисбалансах, дефицитах, но и в способности ответить на многие технологические вызовы, связанные и с энергоэффективностью, и с техническим прогрессом. Те же вызовы сегодня стоят и перед российской экономикой.

Александр Широв. А. И. Анчишкин за свою жизнь работал в трех местах: кроме экономического факультета МГУ (который он и заканчивал), это были НИИ Госплана, ЦЭМИ (даже в четырех, поскольку ИНП выделился из ЦЭМИ) и сам Госплан. В Госплане он работал начальником сводного отдела перспектив экономического и социального развития. 1970-е годы — время веры в то, что все можно посчитать и запланировать: система автоматизированных прогнозных расчетов, например, рассматривалась в материалах XXIV съезда КПСС, где было сказано, что страна должна создать такую систему к 1980 году. То есть такая задача ставилась, однако решать ее разные структуры пытались различными методами, и заслуга Александра Ивановича Анчишкина, Юрия Васильевича Яременко и Эмиля Борисовича Ершова заключается в том, что они создали комплекс расчетных моделей и коллектив уникальных специалистов, способных такие прогнозные расчеты реализовывать. Отдел народно-хозяйственного планирования, созданный в ЦЭМИ, стал местом, где проводились прикладные прогнозные расчеты на базе фундаментальных научных исследований в области развития национальной экономики. Важную роль здесь играли и академические свободы — люди могли более раскованно работать в академической среде с приличными льготами. Так или иначе, ведущие специалисты из ведомственных институтов, в которых они начинали свою карьеру, переходили в академическую науку.

Около 90% сотрудников отдела народно-хозяйственного прогнозирования в структуре ЦЭМИ в то время были выпускниками МГУ.

Теперь что касается того, как все это работало. Взаимодействие макроэкономического и межотраслевого анализа позволяло с разных сторон рассматривать ограничения, стоявшие перед экономикой. Поэтому выделившийся из ЦЭМИ новый Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР стал головной организацией по разработке Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП). Институт попытался соединить знания специалистов в области естественных наук, инженерного дела, обосновав тем самым параметры долгосрочной научно-технической стратегии. Это был очень серьезный

научный результат, до сих пор никем не достигнутый. При этом на претензии, что это, мол, старые, отжившие, плановые вещи, следует возразить, что замысел и инструментарий, использовавшиеся в то время, были применимы не только в советских реалиях — их многократно использовали в крупнейших экономиках мира: в Соединенных Штатах, в Японии, в Германии. Сегодня мировая экономика находится в состоянии перестройки, адаптации к климатическим изменениям и энергопереходу, и потому структурные сдвиги оказывают большое влияние на то, как мы живем. В этих условиях макроструктурные прогнозные расчеты становятся своеобразным мейнстримом — без них ответить, например, на вопрос, куда нас приведут изменения, связанные с климатической политикой, практически невозможно. Из этого мы делаем вывод, что основанная Анишкиным и Яременко научная школа, которая развивается и на кафедре, и у нас в Институте, — уникальный конгломерат разноплановых прикладных исследований, базирующихся на фундаментальной науке, включающих и экономическую теорию, и математические методы, и другие необходимые в экономике направления исследований.

А.К. Не могу не задать вопрос в контексте того, о чем говорил Александр Александрович, и в контексте пропорциональности, о которой упоминал Андрей Николаевич. Мы знаем из теории, что основоположником идей, связанных с межотраслевым балансом, с комплексным анализом экономики, был Василий Леонтьев. Вопрос: фамилия Леонтьева во время зарождения этой школы как-либо фигурировала — считались ли вы и ваши учителя продолжателями дела Леонтьева или, наоборот, указывалось, что это буржуазная экономическая мысль и на нее нельзя ориентироваться? Интересен исторический контекст с точки зрения преемственности мировой науки.

А.Ш. Здесь уместен один исторический экскурс — о нем мне рассказывал Клоппер Алмон, наш большой друг, профессор Мэрилендского университета в США. Он учился у Василия Леонтьева в Гарварде. Ведь начиная с конца 1950-х годов Леонтьев регулярно бывал в Советском Союзе, так же как его ученики, в частности Алмон. История связана с МГУ. Где-то в конце 1950-х годов, во время «оттепели», в актовом

зале МГУ была встреча сотрудников и студентов с Василием Васильевичем Леонтьевым. Он выступил с лекцией на русском языке — он его никогда не забывал. Время было уже настолько либеральное, что студенты могли свободно задать вопросы американскому профессору русского происхождения. Итак, вопрос: «Василий Васильевич, вы говорите по-русски, думаете по-русски и ведете себя как русский человек, так почему вы живете в Америке? Может быть, вам нужно вернуться?» На что Леонтьев ответил следующим образом, и это говорит о том, что он был глубоко погружен в канву того, что происходило в России: «Есть у вас такой академик — Трофим Денисович Лысенко, — с которым многие спорят. Так вот он утверждает, что свойства растения тесно связаны с тем, в какой среде оно растет. Я знаю, что многие с теорией Трофима Денисовича Лысенко не согласны, но я его ярый сторонник, потому что я погрузился в американскую среду, она меня изменила окончательно, и я в Советский Союз обратно не поеду. Я стал американцем».

Нужно отметить, что у нас баланс народного хозяйства, который лежал в основе работ Леонтьева, был создан в 1925 году ЦСУ СССР. В дальнейшем в нашей стране возникла своя школа межотраслевого анализа и прогнозирования как на уровне страны, так и на уровне регионов. На уровне страны эта работа получила государственную премию в 1968 году. Ей была отмечена группа исследователей в области межотраслевых связей, получившая государственную премию в 1968 году: Анатолий Николаевич Ефимов, Эмиль Борисович Ершов, Феликс Наумович Клоцвог, Станислав Сергеевич Шаталин, Эдуард Филаретович Баранов, Владимир Викторович Коссов, Лев Яковлевич Берри, Лев Ефимович Минц, Моисей Рувимович Эдельман. Нужно отметить, что Берри получил премию как заведующий кафедрой организации и планирования народного хозяйства СССР экономического факультета Московского университета. Это было признание на уровне всей страны, потому что этой группой исследователей были проведены действительно очень скрупулезные расчеты — они, конечно, в основном были ориентированы на плановую экономику, но эта работа была значимой и для экономической науки в целом.

Следует иметь в виду, что в те годы у нас существовал баланс народного хозяйства: в отличие от таблиц «затраты-выпуск» Леонтьева, используемых в большинстве стран, у нас сектора непроектируемых услуг не было — экономика была представлена только производственными услугами. Это было

существенным ограничением, поскольку была другая идеология формирования валового национального дохода. Кроме того, у нас была огромная региональная составляющая межотраслевых расчетов — школа Александра Григорьевича Гранберга и Абела Гезевича Аганбегяна — там были существенные прорывы, потому что наша школа пространственных расчетов была одной из сильнейших в мире. И недаром старшие товарищи говорили нам, что из всех академиков советского и постсоветского времени ближе всего к Нобелевской премии по экономике был как раз Гранберг, который работал непосредственно с Леонтьевым в рамках проекта ООН по разработке прогноза мировой экономики до 2000 года. Это известная работа «Мир в 2000 году», изданная ООН.

А.К. Во-первых, в своих работах Александр Иванович Анчишкин достаточно большое внимание уделял статистике, в том числе тем сферам, которые являются проблемными и сейчас. Тогда это был национальный доход — сегодня это валовый внутренний продукт и оценки богатства в целом (то есть накопленные фонды и ресурсы с учетом их износа). Эта тема сейчас активно разрабатывается в ООН и у нас. Есть свои методики оценки физического, человеческого и природного капитала. Эту проблему впервые поднял не Анчишкин, но он сделал серьезные шаги к ее реальной разработке. Причем акцент делался не столько на объемах производства, если возвращаться к валовым показателям, сколько на конечном использовании, включая и военное, и гражданское. Хотя все данные о расходах на вооружение и военном производстве в Советском Союзе были засекречены, у Яременко в институте такого рода оценки были достаточно адекватными. Яременко имел смелость поставить вопрос о том, что разбухание военных расходов и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) разбалансирует экономику СССР, что станет одним из кризисных факторов для всей советской системы 1980-х годов. Яременко делал акцент не только на количественных оценках размеров ОПК, но и на способности военно-промышленного комплекса оттягивать на себя все качественные ресурсы, оставляя менее качественные ресурсы гражданским отраслям и порождая неэффективность, дисбалансы, которые невозможно было уравновесить и сбалансировать только ценами.

Анчишкин, Яременко и большинство их коллег не были кабинетными учеными — все они пытались понять и решить те конкретные проблемы и острые диспропорции, которые

складывались в экономическом развитии страны. Существует иллюзия, что фетишем всей советской системы были темпы роста и объемы производства. На самом деле линия Анчишкина, Яременко делала акцент не на темпах роста ради роста, а на конечном эффекте, на использовании конечного продукта — на результате, который что-то дает с точки зрения качества жизни, качества экономики, в том числе ее научно-технологической составляющей. Анчишкин был одним из первых среди экспертов-экономистов, кто поднимал вопрос о том, что Советский Союз может позволить себе некую паузу в экономическом росте в 1979–1980 годах. В принципе, в 1979 году впервые ВВП у нас толком не вырос, а промышленное производство даже снизилось.

Собственно, и сейчас у нас идут споры: должны ли быть темпы роста высокими или низкими и как нам обогнать по ним мировую экономику. Расти, безусловно, нужно, но это не может стать самоцелью, и не всегда темпы роста следует форсировать — порой ради восстановления сбалансированности между сферами потребления, накопления, разными секторами экономики темпы роста лучше притормозить — получить большую свободу управления в условиях паузы роста, чтобы сбалансировать экономику, и на этой основе более динамично двигаться дальше.

Это были дискуссионные позиции: форсировать ли нам рост путем повышения нормы накопления или, наоборот, пойти на снижение инвестиций, но выделить больше ресурсов на потребление, на те сектора, которые обеспечивают потребительский спрос. В то время нарастал дисбаланс из-за роста импорта, который пожирал доходы от экспорта энергоресурсов, и СССР начал влезать в долги. Возникла крайне высокая степень зависимости от импорта продовольствия и потребительских товаров. В том числе и по этой причине Советский Союз впоследствии растерял золотовалютные резервы, нарастил внешний долг, что во многом привело к дисбалансам в экономике в конце 1980-х годов. С этим наследством разбирались вплоть до начала 2000-х, дополнительно набрав долгов в 1990-е годы.

Первые серьезные работы, в том числе попытки встроить в межотраслевой баланс импортные потоки, были связаны с именами Анчишкина, Яременко и их коллег. Все эти инструментальные наработки имели серьезный выход в область принятия решений. Но для их внедрения нужно было тогда — как и сегодня — иметь гражданское мужество. Анчишкин был вынужден в 1983 году уйти из Госплана и вернуться в МГУ

вследствие споров о том, как решать накопившиеся структурные проблемы. За это приходилось платить здоровьем, статусом — всем. Известная шутка Карла Маркса: если бы математические теоремы затрагивали чьи-то интересы, то их было бы сложно доказать. В экономике любые теоремы и выводы затрагивают чьи-то интересы, поэтому требуется очень большое мужество, помноженное и опирающееся на профессионализм и кристальную честность. Яременко и Анчишкин в этом плане — пример таких ученых-граждан, которые отстаивали свои взгляды и реально участвовали в принятии решений в формальной и неформальной политике.

А.К. Не могу не упомянуть одну фразу Андрея Николаевича — у читателей наверняка возникнет такой вопрос. Вы сказали, что высококачественные ресурсы в СССР вытягивались военно-промышленным и оборонно-промышленным комплексом. Если мы посмотрим на современную экономику, то увидим, что конкурентоспособная, более-менее технологичная экспортная продукция — это в значительной степени всё та же оборонка. Сохраняется ли та проблема, о которой говорил Анчишкин, и по сей день или же сегодня об этом уже некорректно говорить, поскольку экономика совершенно другая?

А.К. Первое — у нас сегодня экспорт вооружений несопоставим с тем, что было в советское время, — во всяком случае, в натуральном выражении. Военный экспорт более конкурентоспособен, чем экспорт гражданской высокотехнологичной продукции, причем Советский Союз тогда на мировых рынках гражданской машиностроительной продукции занимал намного более высокие места, чем Россия сейчас. Мы занимали серьезные позиции по экспорту станков, автомобилей, авиатехники, тракторов, металлургического и энергетического оборудования. Сейчас свойственной советскому времени монополии оборонно-промышленного комплекса на качественные ресурсы нет. Осталась проблема получения качественных ресурсов за счет импорта. Доля импорта качественных ресурсов значительно превосходит то, что было в советское время. Мы потеряли многие звенья производственных кооперационных цепочек, и это касается не только «гражданки» и коммерческого сектора — у нас и оборонно-промышленный сектор или даже

гражданская высокотехнологичная часть, например авиастроение, очень зависят от импорта. В «SuperJet» это почти 70%; в разрабатываемом сейчас «МС-21» почти 50% — импортные комплектующие. Таким образом, технологическая зависимость чрезвычайно серьезная, и это кардинально отличает нынешнюю российскую экономику от советской.

А.Ш. Я бы добавил, что теория качественных и массовых ресурсов — важнейший вклад Яременко в экономическую науку. В основе этой теории лежит мысль о том, что сектора экономики (в советское время это были министерства, сейчас это компании, корпорации) борются за ограниченное количество качественных ресурсов: в советское время это квоты на оборудование, в том числе импортное, лимиты на сырьевые материалы, а сейчас — квалифицированный персонал, доступ к кредитам по нерыночным ставкам. Ситуация с точки зрения этой теории принципиально не изменилась: у нас высокодоходные компании, которые могут себе позволить и импортное оборудование, и импортные технологии, и высококвалифицированный персонал, имеют доступ к дешевым заемным средствам, а всем остальным остается то, что не забрали. Менее эффективные компании не могут покупать при таком курсе импортные машины и оборудование, не имеют доступа к высококвалифицированному персоналу, поскольку не могут платить ему соответствующую зарплату; им недоступен и кредитный ресурс — вследствие слабого финансово-экономического состояния. Они могут рассчитывать на государственную помощь, но взять на рынке дешевый кредит не могут. Эта иерархия отраслей и видов деятельности компаний по доступу к ресурсам — очень важный элемент в формировании экономической динамики, потому что, как говорил Яременко, должны быть выстроены компенсационные механизмы, которые позволяют эту проблему снять. Если ее не преодолеть, это приведет к дисбалансу и ограничению экономического развития — и ровно это «расцветает» в современной российской экономике.

А.К. Я бы здесь добавил, что подобная разнокачественность есть, но сегодня она связана не только с физическими ресурсами — с качеством стали, электроники, — но и с доступом к финансовым ресурсам. Очень важно, что наверху пирамиды теперь другие сектора. Если тогда это был оборонно-промышленный комплекс, космос, атомная промышленность, авиация, то сейчас это газ, нефть, металлургия и финансовый сектор.

Это реально проявляется и в доходах, в доступе к импорту, во влиянии на принятие экономических решений.

Сегодняшняя ситуация будет и дальше усугубляться, поскольку цифровые платформы, которые создаются и у нас, и за рубежом, тоже будут приводить к расширению этих иерархических характеристик. То есть тыходишь в эту платформу—у тебя и оборудование работает, и финансовые ресурсы есть, неходишь—до свидания. Эта ситуация приобретает глобальный характер.

А.К. Спасибо. Мы обсудили с вами период зарождения и расцвета научной школы Анчишкина и Яременко, связанных в том числе с прогнозированием плановой экономики как комплексной системы с технологическим прогнозированием, с теорией качественных ресурсов. Но если я правильно понимаю, это относится к периоду планового оптимизма 1970-х годов, а потом приходят 1980-е годы—период застоя и слабости советской экономики. В тот период вера в плановое хозяйство стала уже не столь сильна, и начинается слом плановой системы. Сказывается ли он на идейном кризисе подходов Анчишкина и Яременко к планированию, прогнозированию, и каким образом школа это переживает?

А.Ш. Парадокс заключается в том, что институт, в котором мы оба работаем (ИНП), создан в 1986 году. История его создания драматическая. В 1984 году К. У. Черненко выступил на пленуме ЦК КПСС с критикой «мелкотемья» науки, где два института подверглись критике напрямую: ЦЭМИ и Институт социологии, по-моему. После этого произошли определенные события, и кустовое подразделение народно-хозяйственного прогнозирования, возглавляемое Анчишкиным, было выделено в отдельный институт.

Но зачем был образован Институт, и какая задача перед ним стояла? На самом деле это связано с кризисом механизма планирования. Задачей института была работа над КП НТП, при этом ясно, что речь шла и о химиках, физиках, инженерах, машиностроителях. А что должен был сделать институт? Он должен был создать сводный том, который стал бы стратегией социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Работа велась в 1980–1987 годах, при этом рас-

смагивался период до 2005 года. На сайте у нас размещены материалы КП НТП — по сути, она была пионерной работой, до этого никто ничего подобного не делал.

И я помню, как Виктор Викторович Ивантер периодически возвращался к тому, как была устроена эта работа, связывавшая между собой самых разных людей. Люди работали в разных институтах и ведомствах (не только в академии наук — в прикладных институтах, в оборонной науке, в университетах), то есть образовалась группа людей, обладавших современными технологическими знаниями. Это была попытка модернизировать устаревшую систему планирования, но не только саму систему, но и технические возможности в области расчетов. В здании ЦЭМИ, где сейчас находится институт, был огромный машинный зал. Потом появились персональные компьютеры, предоставлявшие новые возможности. В некотором смысле перед распадом Советского Союза произошел ренессанс прогнозно-аналитической деятельности, которая возродилась в 1990-е годы уже с другими задачами. Тогда же возникали идеи «сброса» избыточных, неэффективных инвестиций, перестройки структуры экономики, но, к сожалению, как правильно говорил Ивантер, нас всегда слушали, но, выслушав, не всегда принимали те решения, что были предложены. Хотя и Анчишкин, и Яременко, который был помощником Горбачева, были очень близки к тем, кто принимал решения. Они постоянно предлагали свои рекомендации, которые в отличие от значительной части того, что делалось в то время, сопровождалось большим количеством расчетов, цифр и другого рода обоснований.

А.К. Я бы здесь добавил: кризис кризису рознь. То, что советские политическая и плановая системы находились в 1980-е годы в кризисе, очевидно, иначе бы Союз не распался. Однако идеи и прогнозирования, и планирования развивались, причем я бы выделил здесь несколько моментов. Первое — резко возросла роль прогноза, потому что прогнозная работа института, воплощенная не в одном лишь КП НТП, не только имеет большое значение, пусть даже архивное, для настоящего, но и формирует образ будущего. Институт активно участвовал в поисках выхода из кризиса. Имеется в виду даже не группа Явлинского с ее реформой, а осмысление тех экспериментов, которые шли в Восточной Европе, оценка того, что произойдет с развалом СЭВ и выиграет или проиграет при этом Советский Союз. Институт также участвовал в поиске реформ, которы-

ми занималась группа Леонида Ивановича Абалкина по линии правительства. Все эти подходы и оценки базировались на очень серьезном экономическом анализе. К сожалению, всё это оказалось не востребовано в полной мере, но многие болевые точки были указаны правильно. Предупредили, но не спасли, не переломили кризисную ситуацию. В институте тогда начала развиваться линия, связанная с оценкой дисбалансов потребительского рынка, причем проявлявшихся не в ценах, а в дефицитах, и стали вырабатываться оценки, показывающие, насколько обесцениваются доходы под влиянием этой скрытой составляющей. Стали развиваться социологические и экономические исследования микроуровня. Сергей Александрович Белановский проводил интервью с рабочими, инженерами, управленцами, которые показывали снизу, что происходит на предприятиях, каковы проблемы и почему, несмотря на разные директивы и плановые сигналы сверху, план не работает. Не работает именно в силу поведения институциональных агентов, поскольку шло совершенствование, как тогда говорили, «хозяйственного механизма», а это давало определенную свободу, и экономика вела себя уже не так, как ей предписывали из центра и как рассчитывал Госплан. Появился очень серьезный блок, связанный с региональными оценками — тогда регионами были не только наши нынешние регионы, это были и республики, ставшие позднее независимыми, — это направление развивал Клоцвог. Сейчас у нас, к сожалению, нет такой эмпирической базы для анализа межгосударственных (тогда это были межрегиональные) потоков. Анализировалось повышение экономической хозяйственной свободы в той же Прибалтике — что это даст с точки зрения развития Прибалтики и экономики СССР в целом? Тогда впервые были проведены оценки, продемонстрировавшие, что форсированное (причем речь не шла о развале государства) обособление или переориентация хозяйственных связей приведут к общему спаду, что и произошло. Более того, институт показывал и доказывал, что форсированный переход к рынку — и прежде всего резкая либерализация или даже директивное повышение цен на энергоносители — приведет к серьезному спаду экономики страны.

Мы забываем, что правительство Егора Гайдара не просто либерализовало цены — цены на многие продукты были директивно повышены намного сильнее, чем было необходимо. Это создало ценовой шок, и институт предупреждал и показывал, что это вызовет серьезный спад в экономике. Спад этот, правда, оказался еще больше, чем говорили все

наши расчеты. Тогда же в институте, и это связано с именами Виктора Викторовича Ивантера, Андрея Рэмовича Белоусова, стал развиваться анализ дисбалансов в бюджетной сфере, фактически скрытого бюджетного дефицита и разбалансированной системы цен, финансового и реального сектора. Причем если институт традиционно работал с длинными горизонтами — пятилетним, десятилетним планами, то в то время стала развиваться культура и школа конъюнктурного анализа, потому что надо было пусть «не день простоять и ночь продержаться», но хотя бы год прожить и сбалансировать ситуацию. Эта традиция конъюнктурного анализа сейчас развивается в институте и находит учебное воплощение и на нынешней кафедре.

А.К. Я как раз хотел к этому вернуться. Александр Александрович и Андрей Николаевич, вы здесь все время говорите об Институте народнохозяйственного прогнозирования. Понятно, что там эта повестка должна была реализовываться в силу тематической направленности института. Но, если я правильно понимаю, именно с экономического факультета пришли базовый концептуальный набор идей и значительная часть кадрового потенциала ИНП? Поправьте, если я в чем-то ошибаюсь. Сохранялась ли в 1980–1990-е годы некая связь, продолжалось ли развитие этих идей, в частности концепций планирования, прогнозирования, на экономическом факультете, укреплялась ли связь экономического факультета и ИНП как продолжателя этих концепций? И был ли факультет только кадровым резервом, или жизнь этих идей расцвела и на факультете тоже? Можно ли чуть подробнее рассказать о связи института и факультета в тот сложный период?

А.К. Связь, конечно, была. Я выскажу свое мнение, Александр Александрович — возможно, свое. Во-первых, Александр Иванович Анчишкин после ухода из Госплана в 1983 году вернулся вначале на экономический факультет, и, собственно говоря, многие идеи развивались именно здесь, на кафедре, а уже потом возник институт — сначала он назывался «Институт прогнозирования научно-технического прогресса», потом был переименован в Институт народнохозяйственного прогнозирования. Юрий Васильевич Яременко читал здесь лекции.

Здесь шел постоянный диалог — взаимопроникновение идей. Возникло новое поколение исследователей. Марат Наильевич Узяков, тоже один из студентов Юрия Васильевича Яременко, впоследствии стал заместителем директора института, а теперь и ведущим экономистом в «Роснефти». Можно перечислить целый ряд специалистов, которые работали и преподавали на кафедре, а потом ушли в институт, и наоборот. Эти идеи не просто передавались студентам — они «обкатывались» на студентах. Как известно, если ты хочешь что-то понять и по-настоящему сам в этом разобраться, попробуй преподавать и объяснить это студентам. Хотя все-таки центром мысли, научного видения всегда был институт. Александр Иванович, вернувшись в 1983 году на кафедру в МГУ, продолжал работать и в Госплановском институте. Здесь мы видим сращивание академической и университетской науки — оно всегда было реальностью и принципом научной жизни.

А.Ш. На самом деле первая моя проблема в том, что я МГУ не заканчивал. Вторая проблема в том, что я даже Юрия Васильевича Яременко не застал, никогда в жизни его не видел, хотя работаю в институте больше 20 лет. Однако я примерно понимаю, как работает наша школа. В этом смысле я принадлежу к университетской школе, потому что знаю, как она «устроена», и понимаю, что и как было и 20, и 30 лет назад. Я знаю, что мы как институт, как сообщество исследователей всегда воспринимали МГУ не только как важнейший источник пополнения кадров, но и как научную базу, на которую всегда можно опереться в самых сложных случаях. Не стоит скрывать, что и между великими учеными бывают трения, и если такое у нас в институте исторически когда-то возникало, то первым местом, куда хотел бы уйти такой ученый (возможно, даже с коллективом соратников), был экономический факультет и кафедра. Это не какой-то искусственно созданный научно-образовательный центр, а фактически единое целое: университет-институт. Все ведущие сотрудники института читали лекции на экономическом факультете, можно вспомнить Ефрема Залмановича Майминаса, Станислава Сергеевича Шаталина, Александра Ивановича Анчишкина, Юрия Васильевича Яременко, Эмиля Борисовича Ершова, Виктора Викторовича Ивантера. Практически все ведущие сотрудники Института работали на факультете. И я, будучи директором института, преподаю на кафедре.

А.Ш. Еще очень важный момент — в начале 1990-х годов к нам в институт пришли очень сильные выпускники МГУ, я имею в виду Владимира Сальникова, Дмитрия Белоусова, Олега Солнцева, которые как раз в начале 1990-х зачислялись на факультете. Начало 1990-х годов для нас с точки зрения кадрового состава — хорошая пора. Антон Моисеев, который окончил учебу на факультете чуть позже, — сейчас заместитель директора. Но где-то на рубеже конца 1990-х — начала 2000-х годов наступило время, когда большинство наших молодых сотрудников перестали быть выпускниками МГУ, и это, конечно, двусторонняя проблема. С одной стороны, в структуре преподавания дисциплин МГУ деятельность, которой мы занимаемся, ушла в тень. С другой стороны, у нас появились выпускники Физико-технического университета, которые сейчас занимают должности младших научных сотрудников, аспирантов — они по своей подготовке не уступают выпускникам МГУ. Но я рад, что в последние годы мы стали брать на работу ярких представителей экономического факультета. Я не нарадуюсь тому, что эти люди, прекрасно подготовленные и теоретически и эконометрически, уже через несколько лет смогут выдавать готовые аналитические материалы, практически не требующие проверок и исправлений. В общем, все продолжается. Только одно но: хотелось бы, чтобы мы совместными усилиями наладили преподавание национальной экономики на факультете, поскольку уровень знаний студентов в этой области далек от совершенства.

Главная проблема в том, что мы перестали изучать предмет «национальная экономика» — его нигде нет. Если посмотреть ведущие экономические вузы — московские или питерские — эта дисциплина не изучается целенаправленно. Читаешь четвертому курсу лекции — чувствуешь, что они, конечно, — студенты экономического факультета с высоким уровнем базовой интеллектуальной подготовки и всем прочим, но не учили их этому предмету, не интересуются они этим, и в этом проблема.

А.К. Раз уж вы завели речь об этом, то не могу не задать вопрос, касающийся дальнейшего развития образования и продолжения школы Анчишкина и Яременко и в целом школы традиций планирования и прогнозирования на экономическом факультете. Те концепции, что появились и развивались с начала 1970-х годов и легли в основу научных

разработок ИНП,—как вы считаете, насколько они востребованы современным образованием, насколько они нужны в рамках современного образования? Или эти разработки будут востребованы лишь узкими специалистами? Возможно, есть смысл обучать только тех, кто пришел в ИНП или в какой-то иной подобный центр? Насколько эта тематика в образовании сейчас востребована, важна, нужна студентам, на ваш взгляд?

А.Ш. У нас же главная проблема сейчас не с писателями, а с читателями. Я регулярно общаюсь с представителями федеральных органов исполнительной власти, причем на уровне директоров департаментов, заместителей министров, и чувствую, что их уровень понимания даже простых расчетных выкладок (не говоря уже о чем-то сложном) довольно заметно начинает проседать. Они не готовы воспринимать что-то серьезное, в том числе по причине пробелов в образовании. Даже если человек поработал с экономическими и финансовыми задачами в какой-то корпорации, он не знает базовых макроэкономических постулатов, и чтобы объяснить ему суть подхода, требуется время. Проблема образования—это не выучить тех, кто выполняет ручную работу, а прежде всего заложить базовые фундаментальные знания в головы тех, кто будет потом результаты этих работ воспринимать. Ведь любой диалог между государством, экспертным сообществом и бизнесом—это двустороннее движение, а значит, требуются базовые знания в области экономики. Например, система национальных счетов—простейшая вещь. Задаю вопрос в точной аудитории: что такое валовой внутренний продукт? И 90% присутствующих (на четвертом курсе, на минуточку) отвечают, что это стоимость всех товаров и услуг, производимых на территории страны за определенный промежуток времени, то есть дают определение валового выпуска. Возникает вопрос: чему их учили на первом и втором курсе? Почему до них не смогли донести простую вещь, что ВВП—это доходы, а их определение должно быть дополнено тем, что эти товары и услуги используются на цели конечного потребления? Это же просто—это никакая не высшая математика, которой их там пичкают отнюдь не в гомеопатических дозах.

То, о чем мы говорим,—многоуровневые исследования, производственные функции, межотраслевой баланс—это мейнстрим в любой экономике мира, особенно когда она

приходит в движение. Есть производственная функция — она более востребована, когда экономика находится в стационарном состоянии, как, например, американская экономика конца 1980-х годов. Конечно, зачем им был межотраслевой баланс — подвижки внутри структуры экономики были очень небольшими. Сейчас происходят структурные изменения, связанные с глобализацией, и начались сдвиги, связанные с климатической политикой. Ясно, что все это приводит к тектоническим сдвигам в структуре производства, доходов и цен. Надо изучать, что происходит во взаимосвязях между отраслями, между видами деятельности, причем в глобальном масштабе. А для этого нужно понимать экономику своей страны, то, как она устроена. А с этим у наших студентов и даже у ряда экспертов, к сожалению, большие проблемы.

А.К. Я бы, возможно, здесь добавил, что вопрос не только в студентах — скорее, вопрос о состоянии умов в целом — что у студентов, что у лиц, которые принимают решения не только в бизнесе, но и в правительственных органах. У многих есть иллюзии, что простыми решениями — изменением процентной ставки ЦБ или таргетированием инфляции — можно все сбалансировать. У Пола Самуэльсона в учебнике есть цитата: «Даже попугая можно сделать экономистом, если научить его произносить всего два слова: спрос и предложение». Нечто похожее у нас зачастую возникает в жизни корпораций и в жизни государства, когда решения принимаются в логике, что свободная цена, плавающий курс, изменение процентных ставок могут урегулировать все. На самом деле нет. И это «нет» можно объяснять лишь качеством институтов. Но если реформированием институтов проблема не решается, то остается лишь сетовать на то, что и народ у нас неправильный, и бизнес неправильный.

Но есть и другая грань проблемы — каковы пропорции в экономической жизни? Что представляет собой экономика как некое целое? И с точки зрения не только отраслей, взаимосвязи города, деревни, регионов (которые крайне различны между собой), но и баланса сил между разными группами интересов: нефтегазовыми компаниями, оборонно-промышленным, аграрным, сырьевым комплексами. И когда этой целостности нет, то страна не может развиваться или это развитие оборачивается нарастанием новых проблем и простых решений наподобие того, что бюджет — «наше всё». Если раньше делали фетиш из плана и его выполнения, то сейчас

таким фетишем у нас становится бюджет. Включили туда что-то, не включили — главное, чтобы бюджет был бездефицитным или профицитным, и следует как максимум накапливать сбережения, не инвестировать их в свою страну, потому что «разворуют». Возникает туча болевых вопросов реальной экономической политики, которая базируется на крайне примитивном принципе сдерживания инфляции. Это все равно что людей абсолютно разных весовых категорий вывести на футбольное поле и заставить бегать строем с одной скоростью. Явно бы такая команда проиграла. Нечто подобное зачастую происходит в нашем бюджетном планировании: всех под одну гребенку, одним темпом, равным инфляции, и в лучшем случае на три года, а реально — на один. В этом плане нам надо еще научиться управлять сложностью нашей экономической жизни — тем, как «обустраивать» сбалансированную бюджетную политику, которая позволит решить проблемы — и те, что достались нам со времен Советского Союза, и те, что есть, и те, что возникают, например связанные с энергопереходом, с экологией. Огромные проблемы связаны с бедностью населения — сейчас располагаемые доходы населения ниже, чем в 2013 году. Я уж не говорю о том, что наши экономические позиции в мире ослабевают. Задача развития и преодоления отставания от развитых стран, использования зарубежного опыта, как и поиска своих путей решения — эта задача как стояла перед нами раньше, так продолжает стоять и сейчас, и на многие вопросы у нас пока нет эффективного ответа.

А.К. Андрей Николаевич, еще несколько вопросов. Можно ли оценить степень осознания значимости комплексного прогнозирования, планирования с учетом пропорций экономической жизни в среде полисимейкеров, в среде корпоративного менеджмента, то есть повлияли ли каким-то образом идеи, в значительной степени заложенные Анчишкином и Яременко, на умы и сердца тех, кто формирует сегодня политику государства и политику корпораций? Можно ли сказать, что это влияние было значительным в 1970-е годы, а сегодня оно исчерпано или, наоборот, сегодня оно возрождается из провала 1990-х? Можно ли каким-то образом оценить их сегодняшний вклад в развитие макроэкономической науки?

А.К. Я бы ответил коротко: след оставили. Эти позиции отстаиваются как раз ИНП и целым рядом экономистов и политиков. Но я бы не сказал, что это мейнстрим, потому что во главу угла все-таки ставятся другие приоритеты — доминирование бюджетно-финансового подхода и очень упрощенного отношения к тому, как можно сбалансировать экономику и обеспечить ее развитие. Второй тревожный момент, который я бы выделил, — отличие нынешнего времени от 1980–1990-х годов, когда интенсивность и открытость экономических дискуссий была значительно больше и поляризация мнений значительно шире, чем сейчас. И даже руководители государства и те, кто принимают решения, в то время чаще обращались к экспертному сообществу. Без экспертной проработки, причем достаточно глубокой, многие решения не принимались. Не важно, считались ли с мнением экспертов или, наоборот, выступали против него, но все-таки глубина экспертной проработки в 1990-е годы была выше, чем сейчас.

А.Ш. Пространство экспертного сообщества сжалось как шкурка лягушки. Фактически остались только те научные школы, которые были фундаментальными на протяжении последних 30–40 лет. Если мы сейчас посмотрим, кто участвует в экспертных совещаниях — и смех, и грех, как говорится. Когда из 10 участников ведомственных совещаний по прогнозированию пять — члены ученого совета нашего института, это очень плохо.

Правильно сказал Андрей Николаевич: не качество экспертизы упало, оно, может, и не упало серьезно, но главное — дискуссия в рамках экспертизы практически исчезла, поскольку большая часть организаций (так называемые независимые) просто прекратили свое существование по тем или иным причинам. Причины совершенно разные: от необратимого старения коллектива до финансовых проблем. Проблема воссоздания экспертного пространства — вопрос, в решении которого мы заинтересованы ничуть не меньше, чем правительство, — чтобы получить наконец реальную возможность что-то с кем-то обсуждать, а то уже получается, что и обсудить-то, собственно, не с кем. И вот здесь роль университета и высшей школы в целом может быть очень значимой. Главное, чего нам не хватает — молодежи, которой было бы интересно этим заниматься. Даже казалось бы хорошие ребята с физтеха считают, что интересно заниматься data science — это модное современное направление. Но data science — это ремесло. И этими «ремесленниками» должен

кто-то управлять, а управлять должны те люди, которые понимают, что нужно сделать, — те, кто или в инженерном деле нормально разбираются, или в экономике, или в чем-то еще. Вот что важно. На самом деле история про воссоздание экспертного пространства — общая задача для всех: правительства, науки и высшей школы.

А.К. Завершая наш разговор, хотел бы высказать мысль, с которой вы, возможно, согласитесь, а возможно, и нет. В свое время достаточно разветвленная школа, связанная с комплексным планированием, с прогнозированием национальной экономики с соблюдением всех пропорций, пережила расцвет в 1970-е, отчасти в 1980-е годы, а впоследствии популярность идей планирования и прогнозирования отошла на второй план, однако большая часть современного инструментария макроэкономического прогнозирования фактически была заложена именно тогда, и до сих пор весь этот инструментарий, идеи которого были заложены Анчишкиным, Яременко и их коллегами, остается в основе современного российского макроэкономического прогнозирования — и независимо от экономического и от политического строя это та база, на которой стоит наш прогноз. Так это или нет?

А.Ш. Могу сказать, что преимущество нашей школы заключается в том, что она совершенно лишена идеологизированности. Яременко и Анчишкин ни в коей мере не были заидеологизированными людьми — напротив, они страдали от идеологии, поскольку инфаркты Анчишкина, когда он уходил из Госплана, в том числе были вызваны тем, что его расчетный, обоснованный подход наткнулся на неприятие по идеологическим причинам. Яременко столкнулся с теми же проблемами в 1990-е годы, потому что тогда идеология тоже не принимала вполне рациональных решений. Понятно, что текущая политика макрофинансовой стабилизации — это не просто результат сложных макроэкономических расчетов, а некоторая идеология, в рамках которой следует действовать подобным образом. И я, и мои предшественники неизменно следовали принципу «пусть расцветает сто цветов» — чем больше возможных расчетных инструментов, чем больше обоснованных мнений, тем лучше. Тогда у людей, которые принимают

решение, возникает хоть какой-то выбор. Они могут не руководствоваться идеологическими соображениями, а все-таки опираться на какие-то объективные оценки, пусть и противоречащие друг другу, но однозначно обоснованные. И я считаю, что наша школа пользуется (и в 1980-е, и в 1990-е, и в 2000-е, и сегодня) спросом и у корпораций, и у правительственных структур ровно потому, что, как говорил Виктор Викторович Ивантер, мы не идеологические люди и не пытаемся повоевать и за красных, и за белых, мы просто даем объективную оценку. В этой связи с нами можно не соглашаться, нас можно пытаться не слушать, не прислушиваться к нам (что редко бывает), но мы свое дело знаем и ровно так всегда и действуем.

А.К. У меня здесь несколько иной взгляд. Я полагаю, что все решения и образ жизни непременно связаны с определенной идеологией, просто идеология разная. Как считали и Александр Иванович, и Юрий Васильевич, это не только идеология служения стране, но понимание экономики и строя жизни как некоторой целостности, где всё должно быть соразмерно. Если применять всего один, даже правильный, способ лечения — например, везде использовать клизму, — то ни к чему хорошему это не приведет. Нужно все-таки вырабатывать иммунитет и поддерживать как здоровье человека, так и здоровье экономики. Позиция, связанная с пониманием целостности, пропорциональности, соотношения реальных пропорций экономики, это не мейнстрим. При принятии решений доминирует подход бюджетной сбалансированности, даже если при этом приходится жертвовать балансом реальным, балансом социальным. Сейчас в Минэкономике практически не обращаются к межотраслевому балансу, хотя топливно-энергетический баланс является одним из опорных, без него не только прогноз не построишь, но и бюджет не сформируешь.

Мы находимся на распутье — как вся страна, так и наша наука. И хочется надеяться, что мы сможем найти новую модель развития и новую модель понимания нашей жизни — и будем в большей мере опираться и продолжать линию, связанную с именами Анчишкина, Яременко и других экономистов. Надеюсь, наша кафедра, объединив свои усилия с институтом, сможет внести в это полезный вклад.

А.К. Спасибо большое, уважаемые коллеги. Было очень интересно. Я не был глубоко погружен в тему, но теперь вполне проникся этими идеями.

«Ломоносовские чтения» и Конференции консорциума журналов на экономическом факультете МГУ

Академик Т. С. Хачатуров: идеи для будущей экономики

к 115-летию со дня рождения

С. Н. Бобылев

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой экономики
природопользования
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Тигран
Сергеевич
Хачатуров

Академик Т. С. Хачатуров, чья деятельность формально ограничивается советским временем, оставил много идей для будущего, которые и по сей день остаются сверхактуальными для мировой и российской науки, ожидая своего воплощения. Тигран Сергеевич прекрасно сочетал знания экономической науки двух миров, владел несколькими языками, активно участвовал в международной координации экономических исследований, будучи сначала членом Исполнительного комитета и Совета Международной экономической ассоциации (МЭА), а с 1980 года — почетным Президентом МЭА. Все перечисленное позволяло ему быть инициатором многих новаторских разработок и наряду с этим, находясь в информационном эпицентре экономической мысли, прекрасно ориентироваться в новейших достижениях мировой экономической теории.

Эколого-экономические исследования Т. С. Хачатурова

Тигран Сергеевич опубликовал около 1000 работ — и для их исследования и развития потребуются огромные усилия. Среди многих основополагающих направлений его исследований я бы выделил прежде всего следующие, приобретающие все большую актуальность в мире и в нашей стране: вопросы устойчивости развития и экономического роста, их измерения, структурно-технологических трансформаций экономики, эффективности инвестиций, разработки в области рационального использования природных ресурсов и экономики охраны окружающей среды.

Т. С. Хачатуров считал, что в основе развития и экономического роста должна быть сбалансированность трех составляющих: экономической, социальной и экологической. Еще в 1979 году он писал о необходимости «устойчивого социально-эколого-экономического развития страны»¹, то есть еще до фундаментальных работ в этой области в мире и решений ООН. Только в 1987 году под эгидой ООН вышел основополагающий доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее», который фактически стал фундаментом для теоретических исследований, международных и национальных концептуальных документов в области устойчивого развития².

В последнее время такой системный социально-эколого-экономический подход стал основным для человечества. Фактически парадигма развития человечества в XXI веке базируется на концепции устойчивого развития (sustainable development), сочетающей интересы общества, экономики и природы, что было продекларировано на конференциях ООН. В фундаментальном документе конференции ООН «Будущее, которое мы хотим» (2012)³ было подчеркнуто, что экономическая основа перехода к устойчивости — экологизация экономики, «зеленая» экономика. В 2015 году были приняты Цели устойчивого развития ООН (Sustainable Development Goals) для всего мира на период 2016–2030 годов⁴. Также в 2015 году членами ООН было принято Парижское климатическое соглашение, определяющее ориентацию на климатический тренд мировой экономики и задающее жесткие климатические ограничения. Фактически это соглашение стимулировало быстрое развитие низкоуглеродной экономики. Сейчас практически все ведущие экономики мира приняли своей целью переход к углеродной нейтральности к 2050–2060 годам. Россия также приняла соответствующий закон в области углеродного регулирования (2021) и разрабатывает стратегию низкоуглеродного развития до 2050 года.

Принятые Концептуальные документы ООН оказали огромное влияние на мировую экономику, ее тренды и ориентиры. Здесь можно выделить корпоративную социальную отчетность, критерии ESG

/ 1
Хачатуров Т. С. (1979). Эффективность капитальных вложений. М.: Экономика.

/ 2
Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по охране окружающей среды и развитию. (1989). М.: Прогресс.

/ 3
United Nations. (2012). The future we want, our common vision. Outcome Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.

/ 4
Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda

(окружающая среда (Environment), общество (Social), корпоративное управление (Governance)), которые стали приоритетными для бизнеса в мире. Очевидно влияние на формирование ESG Целей устойчивого развития. От выполнения этих критериев и экологической деятельности компаний во многом стали зависеть их финансовые результаты, курсы акций, привлечение инвестиций, решения акционеров.

Сумеет ли человечество справиться с возникшими и быстро усугубляющимися глобальными экологическими проблемами, такими как рост дефицита воды, деградация земель, изменение климата, потеря биоразнообразия? Как экономика должна сосуществовать с природой, какие экономические механизмы должны способствовать формированию сбалансированного социально-эколого-экономического развития? Драматична цитата из концептуального документа ООН «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015), принятого всеми странами мира: «...мы можем ...оказаться последним поколением, которое имело шанс спасти нашу планету»⁵. Все вышеперечисленные и многие другие вопросы были в центре исследований академика Т. С. Хачатурова в последние годы его жизни.

Эколого-экономические исследования Тиграна Сергеевича были тесно связаны с экономическим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова. Сначала он возглавлял лабораторию прогнозирования факультета (1971), а с 1979 года — созданную им новую кафедру экономики природопользования. Фактически кафедра стала центром эколого-экономического образования в СССР — через нее прошли сотни студентов и аспирантов. И до сих пор она остается таким центром, будучи сегодня практически единственной полноценной кафедрой экономики природопользования в стране. Т. С. Хачатуров возглавлял также диссертационный Совет при экономическом факультете, который выпустил десятки кандидатов и докторов наук по эколого-экономической проблематике.

В 1970–1980-е годы в СССР существовало еще два сильных центра эколого-экономических исследований: в Центральном экономико-математическом институте (К. Г. Гофман, М. Я. Лемешев,

/ 5
Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda

Н. Ф. Федоренко) и в Сумском государственном университете (О. Ф. Балацкий, Л. Г. Мельник). Однако данные структуры занимались прежде всего проблемами загрязнения и охраны окружающей среды — в отличие от хачатуровской школы, которая уделяла большое внимание и природным ресурсам, и макроэкономическому подходу к проблемам природопользования, что в наши дни фактически реализуется в рамках экономики устойчивого развития. Как писал один из классиков экологической экономики (в определенной степени англоязычного аналога экономики природопользования) Р. Констанза с коллегами, экологическая экономика — это системный взгляд на устойчивость⁶.

Т. С. Хачатуров как основоположник науки «экономика природопользования»

Т. С. Хачатуров стал основоположником науки «экономика природопользования» в СССР. Его монография «Экономика природопользования» фактически стала первым системным исследованием в этой области (1982, 1987). Академик выделял две группы взаимосвязанных проблем в экономике природопользования:

- 1) как экономически наиболее эффективно использовать необходимые в производстве и потреблении ресурсы;
- 2) каковы экономически наиболее целесообразные методы предотвращения или ликвидации загрязнения окружающей среды⁷.

В экономике природопользования, наряду с общенаучными и общеэкономическими методами анализа, широко использовались следующие специальные методы:

- 1) статическое и динамическое моделирование;
- 2) балансовый подход и анализ затрат и выгод;
- 3) методы оптимизации и анализа ограничений;
- 4) методы теории вероятностей и математической статистики;
- 5) программно-целевой подход;
- 6) инструменты теории игр.

/ 6
Costanza, R. (1989).
What is ecological
economics? Ecological
Economics, 1(1), 1-7. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(89\)90020-7](https://doi.org/10.1016/0921-8009(89)90020-7)

/ 7
Хачатуров Т. С. Экономика природопользования. М.: Наука, 1987.

Много внимания Тигран Сергеевич уделял разработке принципов рационального управления природными ресурсами для различных типов ресурсов (рис. 1)⁸.

Рис. 1. Принципы рационального управления природными ресурсами

ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ			
АНАЛИЗ	ОХРАНА	РАЗВИТИЕ	АНАЛИЗ
УЧЕТ, ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ	ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ	ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ	СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РЕСУРСОВ
РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ	ПОДДЕРЖАНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ (ВОСПРОИЗВОДСТВА)	СЛОЖНОСТЬ И РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ДОБЫЧИ И ПЕРЕРАБОТКИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ	ПРИУМНОЖЕНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ
РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ			

Многие из своих идей Т. С. Хачатуров опубликовал или инициировал их обсуждение в журнале «Вопросы экономики», главным редактором которого он был на протяжении 22 лет — начиная с 1966 года. Под его руководством журнал собирал и публиковал всё лучшее и передовое в советской экономической науке, став флагманом среди всех экономических журналов в стране.

Большой вклад в развитие науки и образования внес Тигран Сергеевич на посту президента воссозданного в 1982 году Вольного экономического общества (ВЭО) с более чем двухсотлетней историей, объединяющего экономистов страны. Он возглавил и секцию ВЭО «Экономика природопользования», которая координировала эколого-экономические исследования

/ 8
Steblyanskaya, A., Wang Zhen, Bobylev, S., & Bocharnikov, V. (2020). Economics for nature protection and resource conservation from the Russian Empire to the USSR: Achievements, failures and conflicts. BRICS Journal of Economics, 2(1), 4–22.

и поддерживала их практическую реализацию в стране, обобщая передовой опыт.

Исследование эколого-экономических процессов все явственнее становится мейнстримом в мировой экономической науке. Это можно проследить на примере трудов лауреатов Нобелевской премии в области экономики. Так, Нобелевскую премию по экономическим наукам 2018 года присудили У. Нордхаусу и П. Ромеру за работы в области глобального долгосрочного макроэкономического анализа. Имя У. Нордхауса, американского экономиста, ученика Р. Солоу (Нобелевского лауреата 1987 года, автора классической модели экономического роста, названной его именем), хорошо известно в России благодаря учебнику по экономике, написанному им в соавторстве с П. Самуэльсоном, классиком экономического анализа и также Нобелевским лауреатом. Вклад У. Нордхауса заключается в разработке в начале 1990-х годов первой динамической комплексной экономико-климатической компьютерной модели DICE (dynamic integrated climate-economy), а также в последующей разработке других подобных моделей.

«Зеленая» экономика

В настоящее время собственные стратегии и концепции устойчивого развития, которые постоянно обновляются, имеют практически все развитые страны, что предполагает формирование «зеленой» экономики. В контексте устойчивости в мире большое распространение как в теории, так и на практике получили новые модели «зеленой» экономики, связанные с учетом экологических факторов: низкоуглеродная экономика (low-carbon economy), циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла — circular economy), биоэкономика (bioeconomy), синяя экономика (blue economy), экономика на основе «зеленого» роста (green growth) и др. (рис. 2). Появляются и новые «гибридные» виды, например циркулярная биоэкономика (circular bioeconomy). Экологический императив развития мировой экономики очевидно предполагает, что все виды экономи-

ки (вне зависимости от их теоретического определения — цифровая экономика, социальная экономика, постиндустриальная экономика, индустрия 4.0 и т. д.) должны вписываться в ограниченные рамки биосферы планеты, то есть быть «зелеными».

Терминологически концепция «зеленой» экономики включила в сферу своего рассмотрения быстро расширяющийся круг коррелирующих экономических вопросов: «зеленые» инвестиции, «зеленую» занятость, «зеленые» финансы, «зеленые» инновации и т. д. И все эти экономические модели не являются теоретическими измышлениями ученых-экономистов — они очень быстро воплощаются в жизнь. Так, Европейское сообщество приняло вполне реалистичные и обоснованные стратегии развития «зеленой», циркулярной и биоэкономики до 2030–2050 годов с конкретными целями, количественными индикаторами и механизмами, направленными на их поддержку.

Рис. 2. «Зеленая» экономика и ее типы

Экономика экосистемных услуг

Мировая экономика все больше играет и трансформируется по экологическим правилам. В этом отношении знаковым стал 2020 год. Несмотря на бушующую пандемию COVID-19, в том году подавляющая часть ведущих экономических держав мира объявили своей целью достижение углеродной нейтральности, нулевого баланса выбросов парниковых газов к 2050–2060-м годам. В ряду этих держав европейские страны ЕС, мощные экономики Азии (Китай, Япония, Южная Корея, Казахстан), а также Бразилия. Как-то внезапно для многих ученых, традиционных экономистов, политиков оказалось, что минимизация выбросов не очень понятных парниковых газов, достижение «научнообразной» углеродной нейтральности стали главными долгосрочными целями для подавляющей части глобальной экономики. Главными оказались именно эти климатические индикаторы, а не традиционные цели роста ВВП, доходов, производства, потребления и т. д. Экологическая доминанта уже приводит — и в ближайшем будущем этот процесс будет нарастать — к радикальным экономическим трансформациям, к структурно-технологическим изменениям, к реформированию традиционных секторов, к переменам в государственном и рыночном регулировании. В экологически устойчивую экономику уже вложены сотни миллиардов долларов, евро, юаней.

К сожалению, тенденция к реализации концепции устойчивого развития в теории и на практике во многом обошла нашу страну. В подавляющем большинстве правительственных документов, научных исследований устойчивое развитие трактуется только в контексте экономического роста, что фактически минимизирует роль социального и экологического факторов⁹. Такая трактовка тем более проблематична, когда в стране идет поиск новой модели развития, ухода от экспортно-сырьевой экономики. В этих условиях было бы естественно учитывать при разработке новых моделей идеи устойчивого развития в их мировом контексте и в представлении Т. С. Хачатурова.

/ 9
Бобылев С. Н.,
Захаров В. М. (2011).
Модернизация и устойчивое развитие.
М.: Экономика.

С проблемами развития и роста тесно связаны многие работы Т. С. Хачатурова, посвященные измерению этих явлений. Одних лишь экономических показателей здесь недостаточно, необходимо включать в процессы количественных оценок социальные и экологические факторы, что остается сложнейшей экономической проблемой с прежних времен до наших дней. В этом отношении характерна дискуссия, организованная академиком на страницах журнала «Вопросы экономики» и посвященная экономической оценке природных ресурсов, которые при социализме считались бесплатными. Здесь следует отметить научную смелость и научное предвидение Тиграна Сергеевича: уже его первые работы в этой области — «Об экономической оценке природных ресурсов» и «Природные ресурсы и планирование народного хозяйства» в журнале «Вопросы экономики» (1969, 1973) — показали всю значимость учета экологического фактора в экономике.

Основные вопросы этой дискуссии во многом созвучны и предвосхищают современные мировые исследования в этой области. До сих пор оценка экологического фактора не включена в экономический оборот на макроуровне в мире, что искажает оценку национального богатства стран, препятствует корректному анализу направлений и механизмов экономического развития как глобальной экономики, так и экономик отдельных стран. В мировой научной литературе подобные оценки появились в 1990-е годы. Это работы Д. Пирса, Д. Аткинсона, А. Кунта, К. Гамильтона, Дж. Диксона, в которых были разработаны расширенная концепция национального богатства, включая природный и человеческий капиталы, методология стоимостной оценки национального богатства, проведена укрупненная оценка природного капитала для мира и отдельных стран¹⁰. Сейчас в мире применение оценок природных ресурсов и услуг быстро расширяется. Всемирный Банк ежегодно публикует свою мировую статистику с учетом эколого-экономических показателей¹¹. Необходимость отражения природного фактора в национальных счетах признаётся в последние годы на международном уровне. Статистической комиссией ООН разработаны новые подходы к экологизации Системы национальных счетов (СНС)¹². Предложено значительно расширить сферу экологического учета, в том числе охватывающую важнейшие

/ 10
Pearce, D., & Atkinson, G. (1993). Capital theory and the measurement of sustainable development: An indicator of "weak" sustainability. *Ecological Economics*, 8(2), 103-108; World Bank. (2006). *Where is the wealth of nations? Measuring capital for the 21st Century*. Washington DC.

/ 11
World Bank. (2020). *World Development Indicators*. Washington DC.

/ 12
The System of Environmental-Economic Accounting 2012—Central Framework. (2014). The United Nations, the European Commission, the Food and Agriculture Organization of the United Nations, the Organisation for Economic Co-operation and Development, the International Monetary Fund, the World Bank Group. https://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seearev/seea_cf_final_en.pdf

аспекты ресурсоэффективности. Многие страны предполагают распространить существующие системы национальных счетов на потоки природных ресурсов.

Новым и быстро развивающимся направлением экономической науки стала экономика экосистемных услуг (ecosystem services). На этом направлении происходит конструктивный синтез гуманитарных и естественных наук — чрезвычайно плодотворный для развития экономической теории и практики в целом. Определение экосистемных услуг, обычно приводимое в исследованиях и докладах международных организаций, является — каким бы парадоксальным это ни казалось представителям естественных наук — достаточно экономизированным: экоуслуги — это выгоды, получаемые людьми от экосистем¹³. Быстро развиваются механизмы платежей за экосистемные услуги (payments for ecosystem services).

Сегодня в мире ширится осознание того, что измерение прогресса чисто экономически, в частности на основе ВВП, как минимум недостаточно, а зачастую и некорректно. Это положение нашло свое отражение в концептуальных документах ООН, Всемирного Банка, ОЭСР, во многих научных исследованиях. Наиболее ярко, на мой взгляд, проблематичность ВВП в качестве индикатора экономического роста исследована в работе Нобелевских лауреатов Д. Стиглица и А. Сена «Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла?» (2010)¹⁴. Недоучет экологического фактора при принятии социально-экономических решений во многом связан с отсутствием в традиционных показателях развития стоимостного отражения природного капитала и деградации окружающей среды. Имеющиеся сейчас в этой сфере традиционные макроэкономические показатели ВВП, ВРП, доход на душу населения и пр. фактически игнорируют экологическую деградацию. Особенно опасно ориентироваться на ВВП странам с большим природным капиталом и социальными проблемами. Мировой опыт показывает, что рост этого показателя может скрывать как истощение и деградацию природных ресурсов, так и обострение социальных проблем (бедность, дифференциацию доходов, безработицу и т. д.). Россия стала классическим примером «ловушки ВВП», когда быстрый рост ВВП в начале века создал иллюзию стремительного успешного развития.

/ 13
Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being. (2005). UNEP, Island Press, Washington DC.

/ 14
Stiglitz, J., Sen, A., & Fitoussi, J.-P. (2010). Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up. The New York Press.

Теория эффективности капитальных вложений

Научные труды Т. С. Хачатурова выделяло прекрасное понимание закономерностей функционирования экономики как единого целого. Много внимания уделял академик структурно-технологической неэффективности отечественной экономики, приводившей к гигантским потерям и нерациональному использованию ресурсов. В современных терминах такой подход во многом связан с формированием циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла — circular economy). Проблемы потерь и отходов стали острее, чем в наши дни не только для России, но и для всего мира. Проблема радикального повышения ресурсоотдачи — одна из важнейших задач устойчивого развития для всех стран. В этой области достаточно упомянуть широко известные в мире исследования Э. Вайцеккера с коллегами «Фактор 4» и «Фактор 5» в рамках Докладов Римскому Клубу¹⁵. В них показывается, как в современном мире можно увеличить производительность ресурсов в 4–5 раз.

Доминантой работ Т. С. Хачатурова 1970–1980-х годов стало положение о необходимости радикальных структурно-технологических изменений в экономике, ее интенсификации, перехода к ресурсосберегающему типу развития. Задолго до нынешнего экономического кризиса он предупреждал об исчерпаемости экстенсивных факторов развития. Уже десятилетия назад стало очевидно близкое истощение легко доступных и богатых природных ресурсов, старение основных фондов, неэффективность многих отраслей, гигантская расточительность и потери советской экономики. И в советские времена, и сейчас закономерен вопрос: нужно ли использовать столько природных ресурсов, включая энергоресурсы, землю, лес, металлы и т. д., если до половины продукции этих ресурсов теряется или неэффективно используется из-за неразвитости природно-продуктовых цепочек, соединяющих сырье с конечными товарами? Минимален удельный вес в экономике отраслей, обеспечивающих глубокую

/ 15

Вайцеккер Э., Харгроуз К., Смит М. (2013). Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М.: АСТ-Пресс.

переработку сырья и дающих товары с высокой добавленной стоимостью. В исследованиях Т. С. Хачатурова подчеркивалась необходимость форсированного развития научно-технического прогресса, высокотехнологичных отраслей, ресурсосберегающих и малоотходных технологий, инфраструктуры, комплексного использования сырья, снижения ресурсоемкости и природоемкости экономики. На этих направлениях с 2019 года в России фактически происходит технологическая революция на базе законодательно принятой концепции оптимальных доступных технологий (НДТ), реализуемой в подавляющем большинстве развитых стран. НДТ повышают ресурсоэффективность, минимизируют воздействие на окружающую среду и экономически доступны. И от успеха или неудачи этой революции во многом зависит «зеленая» трансформация российской экономики.

Основные принципы новой модели развития были изложены в монографии академика Т. С. Хачатурова «Интенсификация и эффективность в условиях развитого социализма» (1978)¹⁶. Недостаточное осознание и отсутствие стимулов в стране для реализации этой модели стали важными причинами кризиса экономики 1980-х годов и распада СССР. К сожалению, тенденции ресурсоемкого типа экономического развития в России сохраняются — сложилась «тяжелая» структура за счет природоэксплуатирующего сектора экономики, что затрудняет переход к устойчивому развитию.

Важным направлением научной деятельности Т. С. Хачатурова было развитие теории эффективности капитальных вложений, оценки эффектов, выгод, затрат. Под его руководством была разработана и принята Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений (1960), оказавшая большое влияние на теорию экономической эффективности и принятие экономических решений. Сейчас в мире на инвестиционном направлении науки и практики активно работают специалисты Всемирного Банка и Европейского банка реконструкции и развития. И распространяющийся в России аппарат проектного анализа — определение эффективности проектов на основе других показателей (чистой приведенной стоимости — *net present value* — и др.) —

/ 16

Хачатуров Т. С. (1978). Интенсификация и эффективность в условиях развитого социализма. Серия: Проблемы советской экономики. М.: Наука.

находится в русле все тех же фундаментальных положений, разработанных Т. С. Хачатуровым.

Теория эффективности — один из краеугольных камней экономической науки и практики. Особенно это актуально для России, где исторически сложилась ситуация игнорирования эффективности как относительной величины и соотношения эффекта/выгод и затрат. И это, к сожалению, стало свойством российского менталитета при принятии решений. Можно вспомнить Петра Первого с его реформами, когда главной являлась цель (эффект), а с затратами (денежными, людскими и т. д.) не считались. В результате общая численность населения России за годы правления Петра, по оценкам историков, уменьшилась на 20–30%.

Подобные примеры можно найти и в наши дни. До сих пор на всех уровнях принятия решений часто путают эффект и эффективность. Широко распространенная фраза «Наш проект дает огромный эффект (прибыль, выгоду), поэтому давайте его реализовывать» — прекрасный пример того, почему российская экономика столь мало эффективна. Особенно это характерно для энергетических проектов. Когда энергетические генералы говорят о том, что энергоресурсов в стране еще очень много в регионах Арктики и вечной мерзлоты, они фактически игнорируют проблему эффективности, понимания того, что затраты и издержки на добычу такого труднодоступного сырья в несколько раз превышают среднемировые и среднероссийские, что делает подобные энергоресурсы неконкурентными.

Вот почему начатая Т. С. Хачатуровым более сорока лет назад работа по теории и практике определения эффективности капитальных вложений стала важным импульсом по наделению экономических решений здравым смыслом, чтобы научиться оптимальным образом распределять ограниченные средства и ресурсы. На основе разработок Т. С. Хачатурова в стране были созданы многочисленные методики по определению эффективности капитальных вложений для различных сфер экономики. Стали быстро развиваться теоретические исследования. Тема эффективности капитальных вложений вошла в основные экономические учебники.

Важной чертой научного мировоззрения Т. С. Хачатурова было чувство времени в экономике,

понимание необходимости учета долгосрочных экономических последствий, без которого невозможен переход к устойчивому развитию. И здесь можно выделить по крайней мере два ключевых момента в его исследованиях: 1) важность учета отдаленных социально-эколого-экономических последствий принимаемых решений и 2) учет фактора времени в определении эффективности капитальных вложений. Фактически Тигран Сергеевич предвосхитил общепризнанную в современном мире необходимость изменения традиционных экономических подходов в направлении учета долгосрочных последствий и эффективности долгосрочных инвестиций, интересов будущих поколений, формирования в мире нового, устойчивого типа развития. Он писал: «Важной стороной рационального природопользования является то, что оно исходит из оптимальных затрат и в настоящее время, и с учетом будущего развития»¹⁷. Актуальность этих проблем всё лучше осознаётся мировым сообществом, особенно в связи с всеобщим признанием концепции устойчивого развития.

Остановимся лишь на проблеме дисконтирования и определения величины нормы/ставки дисконта при учете фактора времени при определении эффективности проектов и программ. Может показаться, что это довольно специфический и инструментальный вопрос. Однако величина дисконта часто оказывает решающее воздействие на выбор варианта проектных инвестиций, то есть фактически на выбор направления экономического развития. Применение высоких ставок дисконта способствует стремлению к сверхэксплуатации природных ресурсов, к недооценке социальных последствий для получения быстрой отдачи. И, соответственно, минимизируются будущие выгоды и возможные ущербы, что свойственно экологическим проектам/программам с их отдаленными эффектами и выгодами. Например, с позиций традиционного подхода «затраты–выгоды» такое экологическое мероприятие, как посадка леса, оказывается малоконкурентным, так как срок реализации лесных проектов составляет 50–70 лет, а ждать, пока деревья вырастут до полной спелости, приходится десятилетия. В свою очередь, проекты/программы, способные в отдаленной перспективе принести огромные потери и вред обществу

/ 17

Хачатуров Т. С. (1987). Экономика природопользования. М.: Наука.

и природе, могут при традиционных подходах оказаться эффективными в силу значительного занижения будущих затрат и ущербов.

Современные ставки дисконта, используемые международными организациями, многими банками, достаточно велики и составляют 8–12%, хотя они и значительно меньше российских. В мировой литературе часто говорят о «тирании и дискриминации будущего» при использовании стандартных методов дисконтирования. Такой подход не соответствует концепции устойчивого развития с ее приоритетами учета долгосрочных последствий, интересов следующих поколений.

Можно по-разному решать проблему дисконтирования в охране окружающей среды. В нашей стране в официально принятых в 1970–1980-х годах методиках определения эффективности капитальных вложений для различных отраслей экономики, разработанных под руководством Т. С. Хачатурова, устанавливались разные коэффициенты дисконтирования, что делало конкурентными социально и экологически важные проекты. Например, для лесных проектов этот коэффициент устанавливался равным 0,03, делая их окупаемыми за 33 года. В среднем по экономике требования к эффективности мероприятий были гораздо жестче — показатель дисконтирования был в 4 раза выше (0,12) при максимальном сроке окупаемости капитальных вложений, равном 8 годам.

В настоящее время в мире используется ряд возможных методов и подходов к преодолению «дискриминации дисконтирования» по отношению к социальным и экологическим проектам. Важное значение имеет получение как можно более полной экономической оценки выгод и эффектов, существенно влияющее на показатели затрат и выгод. Большую роль может играть тщательный учет будущих социальных и экологических рисков и неопределенности, снижающий привлекательность проекта с неясными экологическими последствиями. Сейчас многие страны фактически пошли по советскому пути, и государство задает более низкие — по сравнению с частным сектором и среднемировыми — ставки дисконта. Например, в Великобритании и США для экологических и соци-

альных проектов нормы дисконта задаются от 1 до 6%. Занижение дисконта применяется и для долгосрочных проектов. В самом известном в мире экономическом исследовании долгосрочных экономических потерь в результате изменения климата в XXI веке, выполненном под руководством Н. Стерна¹⁸, данный показатель брался минимальным—часто 0 или 1%.

Важной чертой Т. С. Хачатурова было стремление делиться своими обширными научными познаниями не только с профессионалами, студентами и научными работниками, но и с самой широкой аудиторией, повышать уровень образования всего общества. Он много выступал в средствах массовой информации, писал статьи для популярных изданий, брошюры для общества «Знание». В просветительской деятельности его подход лучше всего характеризует название статьи для газеты «Советская культура» (1984): «Наука, практика и здравый смысл». Тигран Сергеевич не жалел времени для редактирования «Энциклопедического словаря юного техника» (1980) для школьников, понимая важность всех ступеней образования¹⁹.

Многие идеи Т. С. Хачатурова еще ждут своего воплощения, и от того, как это будет сделано, во многом зависит успешность российской экономики.

/ 18
The Economics of Climate Change—The Stern Review. (2006). Cambridge University Press.

/ 19
Энциклопедический словарь юного техника: Для сред. и ст. школ. возраста. (1980). Сост. Зубков Б. В., Чумаков С. В.; Редкол.: Хачатуров Т. С. (гл. ред.) и др. М.: Педагогика.

Кафедра управления организацией — пятидесятилетний путь на экономическом факультете МГУ*

О. С. Виханский

д. э. н., заслуженный профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова,
научный руководитель кафедры
управления организацией,
декан Высшей школы бизнеса
МГУ имени М. В. Ломоносова

/ *

При подготовке данной главы автор использовал материал следующей статьи: Виханский О. С. (2016). Научная школа управления Г. Х. Попова. Вестник МГУ. Серия 6: Экономика, № 5), а также материалы по лаборатории ИМУНХ и по историко-управленческим исследованиям на кафедре, подготовленные В. И. Маршевым.

Гавриил
Харитонович
Попов

Экономическому факультету МГУ 80 лет. Все эти годы его отличала тенденция к постоянному развитию, к беспрестанному поиску ответов на возникающие вызовы. Шанса «отсидеться», переждать не было — требовалось идти на кардинальные изменения, на открытие новых направлений. Одним из наиболее ярких изменений стало выделение управления в качестве самостоятельной предметной области и проведение на факультете соответствующих структурных изменений.

Немного предыстории

В 1962 году по инициативе известного социолога академика Д. М. Гвишиани в МГУ при философском факультете была создана межфакультетская лаборатория изучения проблем управления. Лаборатория имела социологическую направленность, управление в экономической сфере в качестве приоритетного там не рассматривалось — как говорится, время еще не пришло. Но уже в 1964 году эта лаборатория фактически была передана на экономический факультет и была переименована в лабораторию проблем управления социалистическим общественным производством, а возглавил ее годом ранее защитивший кандидатскую диссертацию экономист Гавриил Харитонович Попов. В 1971 году на экономическом факультете была создана кафедра управления социалистическим общественным производством, в 1972 году — лаборатория актуальных проблем территориального управления социалистическим производством, а через несколько лет — Центр

проблем управления, объединивший кафедру и две лаборатории. Системообразующим элементом Центра проблем управления стала кафедра. Позже была создана лаборатория имитационного моделирования управления народным хозяйством, тоже вошедшая в состав Центра проблем управления.

Все эти очень динамичные организационные изменения происходили при активном участии Г. Х. Попова. Важно подчеркнуть, что во многом именно динамизм 1960-х годов дал мощный толчок развитию нового научного направления. Атмосфера 1960-х годов, особенно их первой половины, помогает лучше понять устремления Г. Х. Попова. Будучи студентом и аспирантом, он не только отлично учился (был Сталинским и Ленинским стипендиатом), но и активно занимался общественной работой. Несколько раз его избирали секретарем комитета комсомола МГУ. В то время комсомольская работа еще не превратилась в средство достижения карьерного роста — это была работа на благо общества.

Г. Х. Попов — во многом типичный шестидесятник, большинство из которых — люди с открытым и творческим взглядом, люди, болеющие за свою страну, люди с четкой гражданской позицией, с устремленным в будущее взглядом, люди с глубоким чувством ответственности и доброжелательности, люди, не только не боящиеся открыто заявить о своей позиции, но и стремящиеся активными действиями реализовать свои идеи. Главным их «недостатком» (а для некоторых из них и личной трагедией) было то, что они по своим взглядам не просто опережали время, а реально погружались в создаваемое их устремлениями виртуальное будущее — они были «поражены» романтизмом.

Энергетика дискусионности, без которой невозможно развитие мысли, и настоятельная потребность в новых идеях, в новом подходе к осмыслению актуальных задач развития механизма функционирования народного хозяйства, сформировавшие молодого ученого Гавриила Попова, во многом предопределили инновационность его идей, их зарождение и динамизм распространения. В то же время именно формализм, с одной стороны, и догматизм, с другой, предопределили востребованность живого, приближенного

к реальности, не зашоренного догмами подхода к рассмотрению вопросов построения и управления народным хозяйством.

Первые шаги

Когда в 1964 году молодой кандидат наук Гавриил Попов возглавил межфакультетскую лабораторию проблем управления МГУ имени Ломоносова, мало кто предполагал, что тем самым он сделал первый шаг на пути формирования на экономическом факультете МГУ научной школы управления, которая в 1970-е годы прочно удерживала лидирующую позицию в советском научном сообществе, занятом изучением вопросов управления. В то время советская экономическая мысль была сосредоточена на вопросах создания совершенного механизма народно-хозяйственного планирования. В центре передовых научных исследований и практических разработок находилась экономико-математическая теория, и прежде всего — методы математического моделирования, призванные сделать народно-хозяйственный план высокоэффективным инструментом управления экономикой страны.

«Мудрое» руководство страной со стороны коммунистической партии, всеохватывающее народно-хозяйственное планирование и энтузиазм масс — вот три кита, на которых должна была держаться советская экономика. А тут не впечатляющая масштабами задач (как и масштабами своего предмета) теория управления. Один из заметных представителей экономико-математического направления, узнав, что автор данной статьи идет в аспирантуру к Г. Х. Попову в лабораторию управления, не без сарказма сказал на это: «Куда ты идешь, они же там занимаются тем, как правильно расставлять столы в рабочем помещении». По-видимому, он имел в виду НОТ (научную организацию труда), теоретические и практические разработки которой активно велись в ранние годы становления СССР, но потом практически были сведены на нет и лишь изредка упоминались в работах по рационализации производства. Так чего же не разгляде-

ли в то время те, кто недооценивал значение процесса, инициированного Гавриилом Поповым?

Первое: они в принципе не понимали динамику исторических трендов, не видели того, что в мире уже повсеместно наблюдается революционное переосмысление факторов достижения успеха в экономической деятельности и на одну из первых ролей выдвигается менеджмент как ключевая основа достижения этого успеха.

И второе (и, пожалуй, самое главное): тогда еще большинство не представляло себе масштаба личности молодого кандидата наук Гавриила Попова — в то время преподавателя учебной дисциплины «Счетная техника», учившего студентов работать с логарифмической линейкой, считать на арифмометре, пользоваться механическими вычислительными машинами. Да и трудов с заумными политэкономическими рассуждениями у него не было — книга «Техника личной работы»¹ «не тянула» на фундаментальный труд.

Однако достаточно скоро, после выхода в 1970 году монографии Гавриила Попова «Проблемы теории управления»², коллеги заговорили о большом научном потенциале в то время самого молодого доктора экономических наук в стране.

С самого начала лаборатория сконцентрировалась на подготовке и публикации научных трудов. Заметным и очень значимым ее научным вкладом стала работа по подготовке и изданию серии коллективных сборников (курсов лекций) по отдельным составляющим теории управления. Фактически этот процесс, по замыслу Г. Х. Попова, должен был дать старт интеграции усилий его коллег (в основном сотрудников лаборатории, а позднее — сотрудников кафедры) в направлении создания целостной теории управления. Эти работы легли в основу создания научной школы, сначала объединившей под руководством Г. Х. Попова его коллег по лаборатории и по кафедре, а затем расширявшейся за счет присоединения его учеников и последователей.

Первым коллективным трудом, вышедшим под редакцией Г. Х. Попова в 1968 году в издательстве МГУ, стала книга «Техника управления». Далее под его редакцией вышли «Методы управления социалисти-

/ 1
 Попов Г. Х. (1966). Техника личной работы. М.: Московский рабочий, 127 с.

/ 2
 Попов Г. Х. (1970). Проблемы теории управления. М.: Экономика, 207 с.

ческим производством»³, «Органы управления социалистическим общественным производством»⁴, «Кадры управления социалистическим общественным производством»⁵, «Организация процессов управления»⁶, «Труд руководителя»⁷. Результат многолетней работы коллектива под руководством Г. Х. Попова превзошел все ожидания. Написанный коллективом кафедры на базе этих наработок первый фундаментальный советский учебник по управлению «Организация управления общественным производством»⁸ стал, говоря современным языком, бестселлером, лег в основу расширяющегося советского управленческого образования и завершил формирование основы научной школы профессора Г. Х. Попова.

Справедливости ради следует отметить, что в стране к тому времени уже издавались учебники по управлению, например учебник «Организация и планирование промышленных предприятий»⁹ С. Каменицера, В. Конторовича, Г. Пищулина или учебник О. В. Козловой и И. Н. Кузнецова «Научные основы управления производством»¹⁰; нельзя не упомянуть также учебник Д. М. Крука «Управление общественным производством при социализме»¹¹. Однако все эти учебники были ограничены рамками определенной специализации — изложенный в них материал не отличался комплексным и систематическим рассмотрением вопросов управления социалистическим общественным производством.

Теория управления

Как уже говорилось выше, выход в 1979 году учебника «Организация управления общественным производством» стал знаковым событием в области управленческого образования в СССР. Объяснялось это тем, что данный учебник отличался от предыдущих как содержанием, так и существенной инновационностью при подаче материала: управление в нем представляло как комплексное и системное явление, имеющее и свой собственный предмет, и свою обособленную сферу применения. Над учебником работал

/ **3**
Методы управления социалистическим производством. (1971). Под ред. Г. Х. Попова. М.: Экономика, 173 с.

/ **4**
Органы управления социалистическим общественным производством. (1972). Под ред. Г. Х. Попова. М.: Изд-во МГУ.

/ **5**
Кадры управления социалистическим общественным производством. (1974). Под ред. Г. Х. Попова. М.: Изд-во МГУ.

/ **6**
Организация процессов управления. (1975). Под ред. Г. Х. Попова. М.: Экономика.

/ **7**
Труд руководителя. (1976). Под ред. Г. Х. Попова. М.: Экономика.

/ **8**
Организация управления общественным производством. (1979). Ред. Г. Х. Попов, Г. А. Джавадов. М.: Изд-во МГУ.

/ **9**
Каменицер С., Конторович В., Пищулин Г. (1967). Организация и планирование промышленных предприятий. М.: Госполитиздат.

/ **10**
Козлова О. В., Кузнецов И. Н. (1970). Научные основы управления производством. М.: Экономика.

/ **11**
Крук Д. М. (1972). Управление общественным производством при социализме. М.: Экономика.

большой коллектив авторов, опиравшийся в своей работе на ранее написанные коллективные труды по отдельным составляющим управления, однако методологической основой его, вне всякого сомнения, послужили научные работы Г. Х. Попова — на этом необходимо остановиться более подробно.

Выше мы уже отмечали, что в 1970 году на экономическом факультете МГУ докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы теории управления общественным производством» защитил молодой ученый Гавриил Попов. И в том же году в издательстве «Экономика» вышла его монография «Проблемы теории управления». И диссертация, и монография привлекли к себе повышенное внимание и получили заметный позитивный отклик в академических кругах. О Гаврииле Попове, несмотря на его молодость, заговорили как о состоявшемся и совершенно неординарном ученом. Справедливости ради необходимо отметить, что Г. Х. Попов не был в СССР первооткрывателем управления — как не был и тем, кто впервые привлек внимание к вопросам управления. В 1960-е годы об управлении писали и говорили такие известные ученые и практики, как В. Г. Афанасьев, Д. М. Гвишиани, А. С. Петров, В. И. Терещенко. О. А. Дейнеко, С. Е. Каменицер¹². С определенной периодичностью выходили сборники, посвященные вопросам управления¹⁴, проводились конференции по вопросам управления, наиболее значимой из которых была Всесоюзная научно-техническая конференция «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью», проведенная в Москве в 1968 году. Но всех их отличал общий — «специализированный» — взгляд на управление: рассматривались либо отдельные составляющие управления, либо же управление применительно к конкретным сферам деятельности.

Именно на это обратил внимание Г. Х. Попов и в качестве ключевой поставил задачу разработки комплексной и системной теории управления социалистическим производством. Он заявил о том, что «необходима концепция системы знаний об управлении социалистическим производством, необходим ответ на вопрос: что такое научные основы управления? При этом очень важный вопрос о теории (науке) управле-

/ 12

Афанасьев В. Г. (1968). Научное управление обществом. М.: Политиздат; Гвишиани Д. М. (1970). Организация и управление. М.: Наука; Петров А. С. (1966). Экономические основы управления производством. М.: Мысль; Терещенко В. И. (1965). Организация и управление. Опыт США. М.: Экономика; Дейнеко О. А. (1967). Наука управления в СССР. М.: Экономика; Каменицер С. Е. (1961). Хозяйственное руководство промышленным предприятием в СССР. М.: Изд-во Экономической литературы.

/ 13

Научная организация труда и управления. (1965). М.: Экономика; Научные основы управления производством. (1969). М.: Экономика.

ния. Необходима ли такая наука? Что является ее предметом, если она необходима? Каково ее содержание?»¹⁴. Свою задачу он определил следующим образом: «Основное значение работы автор видит в формировании концепции теории управления»¹⁵, и при этом, говоря об управлении, подчеркнул, «что только анализ его проблем как с позиций субъекта, так и с учетом особенностей объекта дает ценные результаты»¹⁶.

Чем же все-таки принципиально отличалась позиция Г. Х. Попова в подходе к рассмотрению управления от подходов, принятых в 1960-е годы в СССР? Если не вдаваться в очень «мелкие» детали различий в позициях исследователей управления, можно сказать, что в то время существовало четыре подхода.

Первый — взгляд на управление как на набор экономических, правовых, социальных, организационных и психологических аспектов, то есть при данном подходе управление рассматривалось как сочетание управленческих аспектов, изучаемых в уже сложившихся науках.

При втором подходе управление рассматривалось как совокупность присущих ему общих и специфических признаков. Общие признаки — это те, что присущи всем видам управления (природа, общество, техника). Специфические признаки порождались особенностями управления в социалистической экономике. Таким образом, на общие, присущие всем видам управления, признаки как бы накладывались некие особенности, характерные для реальной практики социалистического хозяйствования.

При третьем подходе его сторонники исходили из того, что управление — это набор функций. Родоначальником данного подхода является А. Файоль, изложивший положения этой концепции в докладе на Втором международном конгрессе по управлению в 1923 году. С того времени этот подход достаточно устойчиво закрепился в теоретическом осмыслении управления как один из подходов-долгожителей, идеи которого сохраняются до настоящего времени, хотя совершенно очевидно, что реальные изменения в практике управления лишают его актуальности.

Четвертый подход — рассмотрение управления как совокупности его различных элементов, таких

/ 14
Попов Г. Х. (1974).
Проблемы теории управления. Изд. 2-е. М.: Экономика, с. 50.

/ 15
Там же, с. 53.

/ 16
Там же, с. 74.

как кадры, органы, техника, организационные структуры, принципы и т. д. Данный подход, так же как и функциональный, по-прежнему довольно популярен у специалистов при рассмотрении вопросов управления. Однако его ограниченность, обусловленная отсутствием системности, а следовательно — и возможности для вскрытия синергетического эффекта, лежащего в основе выделения управления как самостоятельного явления, не позволяет ему адекватно отражать вопросы управления.

Г. Х. Попов не отрицал перечисленные подходы, отмечая, что все они правомерны и взаимосвязанны, и говорил о необходимости сочетания всех этих подходов. Однако при этом он подчеркивал, что именно симбиоз комплексности и системности является научной основой теории управления.

В соответствии с концепцией Г. Х. Попова управление социалистическим общественным производством — это, во-первых, единство всех аспектов, обеспечивающее системный эффект. Во-вторых, это единство общих и специфических признаков, обуславливающее появление новых синтетических признаков. В-третьих, это система функций и элементов, позволяющая рассматривать управление и в системе, и в динамике. В результате такого подхода управление представлялось как целостное (системное), комплексное и конкретное явление, содержанием которого выступала практическая деятельность. А «предметом теории управления социалистическим общественным производством являются закономерности управления социалистическим общественным производством как целостного, комплексного и конкретного социального явления»¹⁷.

Наряду с учением о комплексности и системности теории управления социалистическим общественным производством одним из наиболее значимых положений, выдвинутых Г. Х. Поповым, был триединый подход к формированию теории управления. Он пишет, что «обеспечить формирование столь необходимой практике теории управления можно лишь в том случае, если одновременно вести работу в трех направлениях: создать систему совершенствования управления, систему учебы хозяйственных кадров, систему иссле-

довательских центров в области управления. Эти три системы должны быть взаимосвязаны, и на каждом участке каждой из систем в тех или иных пропорциях должна сочетаться рационализаторская работа, учеба хозяйственных руководителей и научные исследования по управлению при ведущей роли одного из этих направлений»¹⁸. Именно этот подход был положен в основу деятельности руководимого Г. Х. Поповым коллектива и позволил сформироваться на экономическом факультете МГУ научной школе Г. Х. Попова, и именно этот подход сделал его одним из основателей теории управления в Советском Союзе — фактически лидером данного научного направления. Концептуальный принцип триединого подхода сохранил свое значение и после ухода Г. Х. Попова с кафедры — на всех дальнейших этапах ее развития.

Вторым фундаментальным трудом Г. Х. Попова стала монография «Эффективное управление»¹⁹. Она, так же как и монография «Проблемы теории управления», внесла заметный вклад в развитие теории управления и тоже получила широкое признание в академическом сообществе.

Однако реалии советской экономики конца 1970-х — начала 1980-х годов, низкая эффективность народного хозяйства требовали более радикального взгляда на экономический механизм, более радикальных предложений по его изменению. Жесткое централизованное планирование не могло справиться с низкими темпами роста производительности труда, не обеспечивало реальный научно-технический прогресс. Сложившаяся ситуация в экономике демонстрировала, что никакие меры, применявшиеся в то время с целью совершенствования механизма функционирования народного хозяйства, не давали желаемых результатов. Необходимы были кардинальные изменения. В ряде стран так называемого коммунистического блока подобные изменения происходили — и давали позитивный результат. Но для того, чтобы публично высказать подобные идеи, считавшиеся крамолой в застойном обществе Советского Союза, требовалось не только понимание необходимости этих изменений, но и реальное гражданское мужество. Именно на такой шаг пошел Г. Х. Попов. Благодаря осознанию своей гражданской ответствен-

/ 18
Там же, с. 281–288.

/ 19
Попов Г. Х. (1976).
Эффективное управление. М.: Экономика.

ности и приверженности беспристрастному научному подходу он, известный ученый, кандидат в члены райкома КПСС, декан экономического факультета МГУ, несмотря на все регалии и фактическую включенность в элиту советского общества, начинает выступать с достаточно радикальными идеями по совершенствованию управления народным хозяйством. Возможно, в этом проявилось и его «шестидесятничество». Продолжая руководить большим научно-педагогическим коллективом на экономическом факультете МГУ и одновременно не прекращая научно-педагогическую работу, Г. Х. Попов начинает заниматься публицистической деятельностью с целью популяризации своих идей. 24 мая 1980 года в газете «Правда» выходит его статья «О рубле заработанном», которая попадает в центр обсуждения не только научной общественности, но и самых широких кругов общества. В том же году, 22 декабря, в газете «Правда» выходит еще одна очень дискуссионная его статья «Твое рабочее место». Далее были такие значительные и острые публикации, как «В. И. Ленин о борьбе с бюрократизмом», «Не только вовремя приходиться на работу», «Полный хозрасчет основного звена экономики», «Экономические законы на этапе развитого социализма и управления», «О совершенствовании централизованного хозяйственного руководства»²⁰. Во всех этих статьях, как и во множестве других работ, опубликованных Г. Х. Поповым в то время, развивались положения теории управления социалистическим производством, которые, с одной стороны, проистекали из основополагающих ее основ, сформированных в предыдущие годы, а с другой стороны, отражали сложившиеся реалии советской экономики, все глубже погружавшейся в кризис.

Концептуально-теоретическое обобщение новых идей Г. Х. Попов изложил во втором издании монографии «Эффективное управление»²¹, где в наиболее полном виде нашел воплощение сформулированный в его научном труде «Проблемы теории управления» принцип рассмотрения управления в единстве субъекта и объекта. В самом начале монографии Г. Х. Попов следующим образом определяет исходную точку методологии своего рассмотрения предмета научного исследования, изложению результатов которого и посвящена

Кафедра управления
организацией —
пятидесятилетний путь
на экономическом
факультете мгу

/ 20

Попов Г. Х. (1983). В. И. Ленин о борьбе с бюрократизмом. ЭКО. № 2; Попов Г. Х. (1983). Не только вовремя приходиться на работу. Литературная газета. 13 апреля; Попов Г. Х. (1984). Полный хозрасчет основного звена экономики. ЭКО. № 7; Попов Г. Х. (1984). Экономические законы на этапе развитого социализма и управления. Экономические науки. № 7; Попов Г. Х. (1985). О совершенствовании централизованного хозяйственного руководства. Вопросы экономики. № 5.

/ 21

Попов Г. Х. (1985). Эффективное управление. 2-е изд. М.: Экономика.

книга: «Во всех подходах есть своя доля истины. Но это именно доля, а не целое. Дело в том, что недостаточно управление оценивать с позиций и критериев самого управления. Ответить на вопрос, эффективно или неэффективно сегодня управление, что в нем отжило и подлежит устранению и что, напротив, надо развивать, можно только в том случае, если мы обратимся к основной системе, в рамках которой это управление возникло, — экономике. Известно, что управление не создается ради себя самого. Поэтому эффективным можно считать только то управление, которое эффективно решает проблемы экономики. И любой анализ современных проблем управления нужно начинать с анализа проблем экономики»²².

Во втором издании монографии «Эффективное управление» Г. Х. Попов дал системный анализ состояния экономики СССР и сформулировал научно обоснованные положения перехода к управлению, обеспечивающему эффективное функционирование народного хозяйства. Опирающаяся на более чем десятилетний труд самого Г. Х. Попова и его коллег, в частности на результаты ежегодных всесоюзных конференций по вопросам управления, называемых в управленческих кругах «поповскими семинарами», монография «Эффективное управление» стала неким рубежным явлением, обозначившим зрелость научной школы управления Г. Х. Попова. А множество научных публикаций его коллег и учеников и «поповские семинары» говорили не только о зрелости этой научной школы, но и о том, что она занимает в стране лидирующую позицию.

Наряду с научной и педагогической работой коллектив Центра проблем управления экономического факультета МГУ активно занимался консультационной деятельностью, подтверждая свою приверженность триединому подходу. В 1970–1980-е годы кафедра управления социалистическим общественным производством и ассоциированные с ней лаборатории в совокупности занимали на экономическом факультете лидирующее положение по объему хоздоговорных работ, спектр которых был весьма разнообразен: от выполнения работ по заказу министерств (например, хоздоговор с Министерством лесного хозяйства СССР) до хоздоговоров с региональными органами управления; от хоздоговоров

с промышленными гигантами (АвтоВАЗ, ГАЗ, КамАЗ) до предприятий местного значения («Гжель»); от предприятий химической промышленности («Каучук») до предприятий писчебумажной отрасли («Восход»). Широкая вовлеченность в хоздоговорную работу позволила им, с одной стороны, реализовать на практике результаты научных разработок, а с другой — получить реальную информацию, столь необходимую и для научно-исследовательской работы, и для преподавания управленческих дисциплин, и для подготовки учебно-методических материалов.

Значительная часть консультационной и исследовательской работы выполнялась сотрудниками лабораторий, входивших в состав Центра проблем управления: лаборатории отраслевых проблем управления (руководитель Н. Г. Калинин), лаборатории региональных проблем управления (руководитель Л. Г. Давыдов) и лаборатории имитационного моделирования управления народным хозяйством (ИМУНХ, руководитель В. И. Маршев). Если первые две лаборатории были достаточно традиционными, то лаборатория ИМУНХ представляла собой абсолютно инновационный проект.

Помимо участия в разработке раздела «Совершенствование управления народным хозяйством» девятого пятилетнего плана СССР и соответствующих показателей выполнения, лаборатория ИМУНХ разрабатывала учебно-научные проблемы имитационного моделирования управления, а также осуществляла консалтинговые проекты. В специально оборудованной аудитории на экономическом факультете имитировались деловые встречи и деловые переговоры, проводились тематические «мозговые штурмы», разрабатывались и обсуждались кейсы, а также разрабатывались и апробировались имитационные ролевые, деловые и управленческие игры, широко внедряемые в учебный процесс на экономическом факультете. Кафедра управления начала регулярно проводить всесоюзные семинары по методам активного обучения, стала коллективным членом Всесоюзной ассоциации методов активного обучения (ВАМАО) и участвовала в ежегодных заседаниях ВАМАО. Публиковались статьи и монографии по методам активного обучения. Одно из научных исследований лаборатории ИМУНХ завершилось подготовкой и успешной защитой

диссертации на уникальную тему: «Семиотические основы игрового моделирования» (А. К. Попов).

Формирование научной школы

Любая научная школа—это единение трех составляющих: во-первых, это лидер (чаще всего он и есть родоначальник школы), во-вторых, это фундаментальные идеи и научные труды и, в-третьих, это люди, которых условно можно назвать членами научной школы. О первых двух составляющих уже говорилось выше, теперь пришло время рассказать о третьей составляющей.

Очевидно, что, говоря о членах научной школы, очень трудно полностью перечислить всех исследователей, кого можно было бы отнести к данной конкретной научной школе. Всегда есть те, кто разделяет научную идеологию школы, ведет схожие исследования и так или иначе высказывается о своей принадлежности к школе. Но в то же время всегда можно определить ключевых сподвижников лидера научной школы—тех, кто участвовал в обсуждениях научных вопросов и в написании совместных трудов, кто вместе с коллегами принимал участие в проведении хоздоговорных работ.

Одним из наиболее существенных факторов, обеспечивших создание Г. Х. Поповым на экономическом факультете МГУ научной школы управления и ее дальнейшее развитие, стало то, что с самого начала ему удалось сформировать коллектив творческих, энергичных и амбициозных сподвижников. Наиболее яркими и добившимися заметных результатов последователями были Г. А. Джавадов, Ю. И. Краснопояс, В. Ю. Озира, Л. Н. Качалина, Н. Г. Калинин, Л. Д. Давыдов, К. И. Дубровский, Р. Р. Папаян, О. С. Виханский, В. И. Маршев, И. В. Ширяева, А. И. Наумов. Очень важной особенностью созданного Г. Х. Поповым коллектива было то, что каждый его член специализировался в какой-то обособленной сфере, но при этом они гармонично дополняли друг друга при написании коллективных трудов, в преподавании на экономическом факультете, при проведении хоздоговорных работ. Начав работать

с Г. Х. Поповым, как и он сам, в достаточно молодом возрасте, спустя сравнительно недолгое время они стали заметными специалистами в области своих исследований.

После ухода Г. Х. Попова с экономического факультета МГУ в 1988 году созданная им научная школа управления не перестала существовать. В 1988 году докторские диссертации почти одновременно защитили два сотрудника кафедры, что называется, второго поколения: О. С. Виханский защитил диссертацию на тему «Содержание и логика развития систем управления общественным производством», а В. И. Маршев получил докторскую степень за диссертацию «Развитие взглядов на управление хозяйством России (1861–1900 гг.)». Факт защиты докторских диссертаций (одной по теории управления, а второй по истории управленческой мысли) в определенном смысле стал поворотным моментом, определившим основные направления научно-исследовательской и педагогической деятельности кафедры на следующие десятилетия.

Первое направление было связано с разработкой концептуальных теоретических положений развития менеджмента, с выявлением новых трендов и направлений его дифференциации, с анализом и обобщенным описанием его новых проявлений и форм их практической реализации. Это проявилось в дальнейшем в том числе в разработке новых учебных курсов и в формировании методики их преподавания, соответствующей особенностям данных курсов. В результате кафедра сохранила лидирующую позицию в стране в области теории менеджмента и заняла лидирующую позицию в области методики и методологии преподавания в сфере бизнес-образования. Лидерство по данному направлению исследований закрепилось за О. С. Виханским, который после ухода с кафедры Г. Х. Попова возглавил кафедру и руководил ею в течение последующих 32 лет. В 1991 году в издательстве МГУ вышла его монография «Проблемы развития управления общественным производством»²³, где были сформулированы концептуальные положения рассмотрения управления как явления, находящегося в постоянном развитии. В монографии были раскрыты методологические вопросы анализа управления как развивающегося явления, в частности вопросы анализа диалектики разрешения противоречий, задающих на-

/ 23
Виханский О. С. (1991).
Проблемы развития
управления обществен-
ным производством.
М.: Изд-во МГУ, 140 с.

правление развития управления, и вопросы историзма при анализе развития управления. Управление было рассмотрено как явление, сочетающее в себе три ипостаси: как отношения в системе производства, как функция в экономической системе и как развивающаяся система. Таким образом, была заложена основа перехода от онтологического подхода к рассмотрению и, соответственно, к изучению управления к динамическому подходу, рассматривающему управление в его развитии. В дальнейшем это и определило содержание исследовательской работы кафедры, и не только—это в целом открыло новую траекторию в научных исследованиях в области управления, а также нашло свое проявление в создании новых учебных курсов и в формировании новой предметной области для диссертационных исследований аспирантов.

Второе направление возглавил В. И. Маршев, тем самым фактически ставший в стране основоположником фундаментального системного исследования вопросов истории управленческой мысли. В. И. Маршев сформировал и в высшей степени плодотворно реализовал комплексную программу по истории управленческой мысли. Эта программа включала разработку и реализацию соответствующего учебного курса, подготовку и публикацию научных трудов и учебников, а также проведение ежегодной «Международной конференции по истории управленческой мысли и бизнеса», о которой подробнее будет рассказано ниже.

Школа Гавриила Попова сегодня

События последующих лет внесли значительные коррективы в жизнь школы. Полностью изменилась экономика, а значит, как подчеркивает Г. Х. Попов, должна была кардинально измениться и теория управления. Новое время, новая экономическая система—новые люди на кафедре управления организацией экономического факультета МГУ продолжили изучение актуальных вопросов управления, а также разра-

ботку теории управления — исходя из новых реалий и новых открытий.

Распад СССР и смена экономического строя определили для кафедры совершенно новую повестку. Необходимо было создавать учебные курсы, по сути своей принципиально отличные от тех, что уже преподавались. Кардинально менялось все: новое содержание и новые задачи, новые учебные дисциплины и новая методика преподавания. Фактически учебный процесс требовалось выстраивать заново. И кафедра успешно справилась с этими вызовами. При этом она не только решила стоящие перед ней задачи в предельно короткие сроки, но и фактически стала лидером в стране по формированию бизнес-образования, по созданию учебно-методической базы преподавания учебных дисциплин комплекса «Менеджмент».

Сотрудниками кафедры О. С. Виханским и А. И. Наумовым был подготовлен и в 1994 году выпущен издательством «Высшая школа» учебник «Менеджмент» для экономических специальностей вузов²⁴ — один из первых отечественных учебников по менеджменту. Но ведущую роль этого учебника в стране в дальнейшем определило в первую очередь не это: отличительной особенностью учебника «Менеджмент» было то, что в концептуальном плане он в большей степени соответствовал новым тенденциям теоретического осмысления менеджмента как ключевой составляющей бизнеса, чем все существовавшие в то время переводные и отечественные учебники по менеджменту. В основу учебника был положен комплексный подход интегрального рассмотрения и описания менеджмента как отражения единства четырех составляющих: человек, стратегия, организация, процесс. Всего через год, в 1995 году, в издательстве Московского университета вышло существенно переработанное и дополненное второе издание учебника, закрепив его позицию как основного учебника по менеджменту в стране. В дальнейшем учебник «Менеджмент» существенно перерабатывался и дополнялся. Всего было шесть переизданий; последнее, 6-е, издание, переработанное и дополненное, вышло в 2014 году в издательстве Магистр: ИНФРА-М²⁵. Учебник «Менеджмент» О. С. Виханского и А. И. Наумова был включен в серию «Классический

Кафедра управления
организацией —
пятидесятилетний путь
на экономическом
факультете мгу

/ 24

Виханский О. С., Наумов А. И. (1994). Менеджмент. М.: Высшая школа.

/ 25

Виханский О. С., Наумов А. И. (2014). Менеджмент. 6-е изд., М.: Магистр: ИНФРА-М, 656 с.

университетский учебник», приуроченную к 250-летию юбилею МГУ имени М. В. Ломоносова.

Тот факт, что первоочередным ответом со стороны кафедры на жесткий вызов, обусловленный кардинальным изменением экономической системы в стране, стало именно написание учебника, наглядно свидетельствует о том, что, несмотря на многие изменения 1990-х годов, на кафедре сохранилась зародившаяся в 1970-е годы традиция отвечать на кардинальные изменения подготовкой учебника, соответствующего новым условиям. Значимо также и то, что учебник «Менеджмент» — благодаря своей новизне, оригинальности и фундаментальности — смог расширить рамки традиционной учебной литературы, заняв важное место в ряду литературы научной, в комплексе научной управленческой мысли.

Заметным вкладом со стороны кафедры в развитие бизнес-образования стали разработка и введение в преподавание совершенно новых для российского высшего образования курсов. Наиболее заметное нововведение — разработка и запуск первого в стране учебного курса «Стратегическое управление». Изначально данная учебная дисциплина была включена в учебный план программы МВА, которую кафедра проводила в школе управления экономического факультета. Позже эту дисциплину начали преподавать в бакалавриате экономического факультета на направлении «менеджмент». Так же как и в случае с учебной дисциплиной «менеджмент», О. С. Виханский подготовил первый в стране отечественный учебник «Стратегическое управление», вышедший в 1995 году в издательстве Московского университета²⁶ и окончательно закрепивший за кафедрой статус лидера в стране по управленческому образованию.

Помимо учебников на кафедре было подготовлено немало количество учебно-методических материалов по управленческому образованию, а также были разработаны бизнес-кейсы, представляющие собой важнейший учебный материал, используемый в управленческом образовании. В качестве примера можно привести следующие учебно-методические пособия: «Обучение менеджменту (человек—стратегия—организация). Пособие для преподавателей» (1994);

«Российский менеджмент: Учебные конкретные ситуации», ред. О. С. Виханский, А. И. Наумов, А. М. Зобов (1997); «Практикум по курсу "Менеджмент"», ред. А. И. Наумов (1998); «Менеджмент в ситуациях (сборник конкретных ситуаций по курсу "Менеджмент")», ред. И. С. Гусева (1998).

Еще один пример сохранения традиции кафедры в новых экономических условиях наряду с написанием учебников и учебно-методических сборников — проведение в 1990-е годы ежегодных всероссийских конференций по вопросам разработки теории менеджмента с заметным упором на то, как новые знания о менеджменте должны воплощаться в учебном процессе. Конференции проходили под эгидой Ассоциации развития управления России, однако всю работу по их подготовке и проведению выполняла кафедра, равно как и ведущими докладчиками были сотрудники кафедры.

В 1993 году на бакалавриате экономического факультета началось обучение по направлению «менеджмент». Ключевую роль в подготовке и запуске этой программы сыграла кафедра, сотрудники которой разработали учебный план (в то время еще не было официально определенных образовательных стандартов) и взяли на себя преподавание всех управленческих дисциплин. Наглядным подтверждением того, что кафедре принадлежала ведущая роль в запуске программы бакалавриата по направлению «менеджмент», является то, что первая группа занималась в помещении кафедры, специально переоборудованном из кафедрального в учебную аудиторию.

Успешное осуществление работы кафедры в новых социально-экономических условиях потребовало от нее существенно большего, чем прежде, включения в мировое образовательное пространство. С полной уверенностью можно констатировать, что кафедра с этой задачей успешно справилась. О. С. Виханский и А. И. Наумов в начале 1990-х годов дважды выезжали по приглашению Северо-Восточного Университета в Бостон (США) для преподавания семестрового курса. В то время приглашение преподавателей из России было совершенно экстраординарным событием. О. С. Виханский начиная с 1992 года на протяжении 12 лет ежегодно в качестве приглашенного профессора

преподавал учебный курс на программе MBA японского Университета Аояма Гакуин в Токио. Сотрудники кафедры принимали активное участие в международных конференциях и симпозиумах, проводили совместные исследования с зарубежными коллегами и делали совместные публикации. Все это, наряду с приобретением передового опыта, необходимого для совершенствования учебного процесса экономического факультета МГУ, способствовало закреплению позиции кафедры и факультета в мировом образовательном пространстве.

В 1990-е годы на кафедре сформировалось устойчивое ядро преподавателей. Это были представители второго поколения кафедры — преимущественно либо ученики Г. Х. Попова, либо молодые сотрудники, пришедшие на кафедру в 1980–1990-е годы, в том числе профессора О. С. Виханский, В. И. Маршев и А. Л. Семенов, доценты А. И. Наумов, И. В. Ширяева, Л. А. Куярова и С. Р. Смирнов.

К новому тысячелетию на кафедре сложились следующие предметные области, по которым сотрудники кафедры вели преподавание, а также проводили исследования и делали публикации.

Первое направление — «общая теория менеджмента». Исследования по данному направлению в той или иной степени проводили все сотрудники кафедры, но наиболее плодотворно — О. С. Виханский и А. И. Наумов, результаты научно-исследовательской работы которых воплощались в новых разделах учебника «Менеджмент», периодически существенно перерабатываемого и дополняемого, а также представлялись на научных конференциях и в сборниках научных трудов.

Второе направление — «маркетинг, маркетинговые исследования, маркетинговые коммуникации». Лидером по этому направлению была доцент Л. А. Куярова, проводившая большую работу в этой области совместно с сотрудницей кафедры И. П. Суловой. Л. А. Куярова опубликовала целый ряд публикаций по вопросам маркетинга. Значительный вклад в развитие маркетинга на факультете внесли две монографии: «Управление маркетингом»²⁷ и «Управление»²⁸. Направление «маркетинг» кафедры стало одной из исходных позиций для формирования на факультете кафедры маркетинга.

/ 27
Куярова Л. А. (2010).
Управление маркетингом.
М.: ТЕИС, 242 с.

/ 28
Куярова Л. А. (2013).
Управление брендом.
М.: Изд-во МГУ, 254 с.

Третье направление, развивавшееся на кафедре еще с 1970-х годов, — «управление персоналом» и связанные с ним аспекты управленческой деятельности. На протяжении всего этого времени исследования по данному направлению и преподавание соответствующих курсов велись под руководством доцента И. В. Ширяевой. Она целенаправленно занималась исследованиями вопросов управления персоналом начиная с 1970-х годов, будучи еще аспиранткой Г. Х. Попова. Фактически именно И. В. Ширяева сформировала это направление исследований и подготовки кадров на экономическом факультете. Результаты ее работы нашли отражение, в частности, в двух монографиях: «Пути повышения эффективности деятельности персонала компании» и «Методы и подходы к разработке моделей компетенций для кадрового ресурса и кадровых решений»²⁹. После ухода И. В. Ширяевой с кафедры исследование и преподавание учебных дисциплин по управлению персоналом продолжили представители «третьего поколения» кафедры Н. В. Розенберг и С. В. Щёлокова. Позже эти курсы перешли на кафедру экономики труда и персонала.

В определенном смысле близким к управлению персоналом является направление в общей теории менеджмента, известное как «организационное поведение», выделившееся в самостоятельную дисциплину в 1980-е годы. В России преподавание этой дисциплины началось после выхода в 1999 году переводного учебника Ф. Лютенса «Организационное поведение». Кафедра стала инициатором включения данного курса в учебный план бакалавриата. Первым преподавателем, подготовившим этот курс, был доцент А. И. Наумов. Позже этот курс, уже в существенно расширенном варианте с использованием подготовленных на кафедре учебно-методических материалов, перешел к преподавателям третьего поколения, таким как: С. Р. Сёмушкина и И. П. Пономарев (аспиранты А. И. Наумова), С. В. Щёлокова (аспирантка В. И. Маршева) и Н. В. Розенберг (аспирантка И. В. Ширяевой). В 2013 году в издательстве Московского университета вышло учебное пособие доцента С. Р. Сёмушкиной «Организационное поведение».

Появление новых курсов наглядно иллюстрирует то, как кафедра в своем развитии следовала логике

/ 29

Ширяева И. В. (2009). Пути повышения эффективности деятельности персонала компании. М.: ТЕИС; Ширяева И. В. (2014). Методы и подходы к разработке моделей компетенций для кадрового ресурса и кадровых решений. ВЦУЖ.

перемен в теоретическом осмыслении менеджмента: по мере возникновения новых направлений менеджмента на кафедре появлялись молодые сотрудники, которые готовили свои диссертации в соответствии с самыми современными тенденциями. Один из последних наглядных примеров проявления данной закономерности — приход на кафедру в 2020 году после успешной защиты кандидатской диссертации А. Г. Мирякин (аспирантки О. С. Виханского). Тема лидерства в последнее десятилетие является одной из самых актуальных и востребованных в управлении. Появление на кафедре молодого, но уже признанного эксперта по вопросам лидерства значительно усилило педагогический состав кафедры и расширило ее предметную область в соответствии с современными трендами.

«Стратегический менеджмент», преподавание которого в стране началось именно на кафедре управления экономического факультета, — четвертое предметное направление исследований и преподавания на кафедре. Преподавателями кафедры, сосредоточившими свои усилия на данном направлении, были А. Л. Семенов, С. Р. Смирнов и О. С. Виханский, разработавшие общий и специализированные курсы, подготовившие и опубликовавшие учебные и учебно-методические пособия. В 2004 году в серии «Классический университетский учебник» вышло переработанное издание учебника О. С. Виханского «Стратегическое управление».

Пятое, абсолютно уникальное, созданное профессором В. И. Маршевым направление, — «история управленческой мысли». Исследования историко-управленческих проблем на кафедре управления общественным производством стартовали с начала 1980-х годов. Результаты публиковались в статьях и монографиях, в диссертациях сотрудников кафедры, обсуждались на организуемых кафедрой ежегодных всесоюзных семинарах по управленческой тематике. Один из семинаров на тему «Проблемы исторического развития планового управления экономикой», прошедший в январе 1986 года, собрал более 200 участников, заинтересованных в решении этих вопросов. С докладом «Методологические проблемы историко-управленческих исследований» на этом семинаре выступил В. И. Маршев, предложивший включить в научные

основы управления две историко-управленческие дисциплины: «Историю управления» и «Историю управленческой мысли», к которым позже была добавлена и третья дисциплина — «Историография историко-управленческих исследований».

В эти же годы были опубликованы монографии по историко-управленческой тематике. Так, в 1987 году вышло учебное пособие В. И. Маршева «История управленческой мысли»³⁰, а в 1988 году — учебно-методическое пособие О. С. Виханского «Исторический опыт развития системы управления народным хозяйством СССР»³¹. Кроме того, в 1988 году, как говорилось выше, на стыке двух специальностей — 08.00.05 (Экономика) и 08.00.02 (История экономических учений) — успешно прошла защита первой в стране докторской диссертации по истории управленческой мысли. Доцент В. И. Маршев защитил диссертацию на тему «Развитие взглядов на управление хозяйством России (1861–1900 гг.)».

Этот факт послужил важнейшим аргументом для внесения двух упомянутых историко-управленческих сфер исследования в перечень научных направлений по специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (Область исследований «10. Менеджмент»), а дисциплину «История управленческой мысли» — в число обязательных дисциплин обучения на направлении «менеджмент» в экономических вузах СССР, а затем и в постсоветской России.

Одной из форм привлечения внимания исследователей и практиков к историко-управленческим проблемам стала организованная кафедрой управления в 1996 году первая Международная конференция по Истории управленческой мысли и бизнеса. С тех пор была проведена 21 конференция (последняя в 2021 году), в которых принимали участие как российские исследователи (в том числе студенты, магистры, аспиранты), так и практикующие менеджеры и консультанты из ряда зарубежных стран (США, Канады, Австралии, Украины, Белоруссии, Казахстана и др.).

Тематика конференций достаточно обширная: «Развитие концепций управления» (1996), «Реструктуризация предприятий в переходной экономике: теория и практика» (1998), «Государство и предприниматель-

/ 30

Маршев В. И. (1987). История управленческой мысли. Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 237 с.

/ 31

Виханский О. С. (1988). Исторический опыт развития системы управления народным хозяйством СССР. Учеб.-метод. пособие для студентов экон. фак. гос. ун-тов. М.: Изд-во МГУ.

ство» (2000), «Развитие кадров управления» (2001), «Проблемы измерений в управлении организацией» (2002, 2003), «Научные концепции и реальный менеджмент» (2004, 2005), «Российская модель управления» (2008), «Национальные модели управления» (2009), «Бизнес-модели: вчера, сегодня, завтра» (2010), «Социальная ответственность бизнеса и этика менеджмента» (2011), «Этика бизнеса и менеджмента: сравнительный анализ национальных моделей» (2012), «От стратегем к стратегиям, от стратегического планирования к стратегическому мышлению и озарению» (2013), «Проблемы подготовки менеджеров» (2014), «Национальные модели подготовки управленческих кадров» (2015), «Сценарный менеджмент и лидерство» (2016), «Сценарный менеджмент: истоки, проблемы, решения» (2017), «Управленческий труд и роли менеджеров: прошлое, настоящее, будущее» (2018), «Менеджмент и роли менеджеров: вчера, сегодня, завтра» (2019), «Проблемы измерений в управлении социальными объектами: вчера, сегодня, завтра» (2021).

В 2021 году была издана монография профессора В. И. Маршева «История управленческой мысли» на английском³² (издательство Springer) и на русском³³ (издательство «Проспект») языках.

В новом тысячелетии на кафедре начало формироваться третье поколение, состоящее из учеников преподавателей кафедры. Это позволяет сохранять преемственность и в то же время обновлять кафедру. Третье поколение — это доцент С. В. Щёлокова, ст. преподаватель И. Д. Дволучанский (ученики В. И. Маршева), доцент А. Г. Миракян (ученица О. С. Виханского), доцент С. Р. Сёмушкина, ст. преподаватель И. П. Пономарев (ученики А. И. Наумова), м.н.с. Н. В. Розенберг (ученица И. В. Ширяевой). В то же время кафедру покинули профессор А. Л. Семенов и доценты А. И. Наумов, И. В. Ширяева, Л. А. Куярова. Впервые за многие годы на кафедру пришел преподаватель, не являющийся ее выпускником: выпускница экономического факультета профессор О. П. Молчанова фактически возглавила работу на кафедре по направлению «стратегический менеджмент». Благодаря их совместным с доцентом С. Р. Смирновым усилиям данное направление исследований на кафедре, а также соответствующий учебный

/ 32

Marshev, V. I. (2021). History of management thought. Genesis and development from ancient origins to the present day, Springer.

/ 33

Маршев В. И. (2021). История управленческой мысли. М.: Проспект.

курс претерпели значительную модернизацию. Приход О. П. Молчановой дал кафедре существенный импульс к развитию.

В 2017 году вышла монография О. С. Виханского «Пришедшее время»³⁴, где автор в определенном смысле подвел итог многолетних исследований по вопросам теории управления, квинтэссенцией которых стали десять положений, в высшей степени практических — на первый взгляд, даже приземленных и ординарных, — однако подчеркивавших то, что менеджмент — это прежде всего реальная, сугубо практическая деятельность, а следовательно, ее ключевые положения должны соответствовать ясному, практическому взгляду на реальность. Г. Х. Попов начинал с книги «Техника личной работы» — и это во многом предопределило успех его дальнейших абстрактных теоретических изысканий. Самое трудное в теории менеджмента — найти переход от абстрактных рассуждений к реалиям управленческой работы. Кафедра всегда уделяла этому вопросу первостепенное внимание как при проведении исследований и подготовке научных публикаций, так и в учебном процессе, сделав отражение реальной практики, в частности кейс-метод, его важной составляющей.

В октябре 2020 года на кафедру пришел новый заведующий профессор Д. В. Кузин, который, в соответствии с кафедральной традицией, также является ее выпускником. Он сразу привнес в работу кафедры новшество — теперь студентам будет преподаваться совершенно новый для кафедры курс «Корпоративное управление». А О. С. Виханский после почти 32 лет руководства кафедрой перешел на позицию ее научного руководителя.

Кафедра управления
организацией —
пятидесятилетний путь
на экономическом
факультете мгу

Демографическая школа Д. И. Валентея

И. Е. Калабихина

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой народонаселения
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Дмитрий
Игнатьевич
Валентей

Двадцатый век, 60-е годы. Население мира растет с небывалой ранее скоростью — более 2% в год. Веками человеческая популяция прирастала очень медленно — высокая рождаемость и высокая смертность компенсировали друг друга. Но затем смертность стала снижаться быстрее рождаемости, и в начале XX века начался быстрый рост населения. В 1927 году численность населения мира перешагнула планку в два миллиарда человек, в 1960 году мир отметил рождение трехмиллиардного землянина. Демографические прогнозы того времени предсказывают, что одним из последствий демографического перехода станет демографический взрыв, и до конца века на планете будут жить еще несколько «дополнительных» миллиардов человек. И действительно, понадобилось всего 39 лет, чтобы в 1999 году нас стало 6 миллиардов. Сейчас скорость роста населения снизилась (около 1%), и население Земли растет в большей степени по инерции. Но тогда, в 1960-е годы, на пике роста ученые не на шутку встревожились: хватит ли ресурсов для жизни такого количества людей на планете. Созданный в 1968 году Римский клуб одним из основных обсуждаемых вопросов сделал вопрос о перенаселении¹, то есть о соотношении численности быстрорастущей популяции людей и объемов природных ресурсов. Возникла экономико-демографическая задача, которую лучшие умы человечества решают уже седьмой десяток лет².

Совершенно очевидно, что интерес к демографии в то время был чрезвычайный. В 1969 году создается фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА), в развитых странах в 1960-е годы открываются институты и кафедры для изучения демографических процессов и закономерностей роста населения. Господствующая тогда теория демографического перехода, зарождавшаяся

/ 1
Meadows, D. H., Randers, J., Meadows, D. L., & Behrens, W. W. (1972). The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. Universe Books, 211 p.

в 1920–1940 годах³, провоцировала глобальные дискуссии о демографической судьбе человечества и универсальности демографического перехода.

Зарождение университетской демографической школы

А что происходило в России, в Советском Союзе? Демографические школы России, Украины, других республик, успешно развивавшиеся в 1920–1930-е годы, были, по сути, ликвидированы после переписи 1937 года, результаты которой не понравились И. В. Сталину⁴. Но значимость исследования населения для управления экономикой и социумом высока. И хотя демографическая статистика в основном разрабатывается под секретным грифом, начинается новый виток сбора и разработки демографических и экономико-демографических данных, которые надо анализировать. Проходит первая послевоенная перепись 1959 года, с начала 1950-х годов обновляются принципы и выборка обследования семейных бюджетов, тогда же возобновляются обследования бюджетов времени, совершенствуется текущая статистика: в частности, в 1953 году — в связи с выдачей паспортов крестьянам — вводится единая форма учета внутренней миграции.

В демографическом развитии страны также происходят изменения, требующие внимания демографов: в европейской части в 1960-е годы начинается отставание в росте продолжительности жизни от развитых стран⁵, уровень рождаемости падает ниже уровня простого воспроизводства. Более выпуклым становится наличие двух типов воспроизводства населения на территории одной большой страны СССР: европейского и азиатского.

Экономические задачи также требуют исследования населения и его расселения. Советское масштабное освоение Севера в 1960–1980-е годы (открытие новых нефтегазовых месторождений, строительство энергетических станций, активизация железнодорожного строительства и др.) нуждалось в привлечении населения

/ 2

Вопрос о соотношении людских и природных ресурсов ставился давно. Наиболее яркие научные школы в этой области, существующие до сих пор, основывают свой спор на трудах известных ученых-экономистов — К. Маркса и Т. Мальтуса. Неомальтузианский подход рассматривает рост населения как угрозу социально-экономическому развитию, неомарксистский подход — как благо, а вопрос развития основывает на перераспределении ресурсов, а не на численности населения (см. статью «Перенаселение» в: Демографический энциклопедический словарь. (1985). Под ред. Д. И. Валентя. М.: Советская энциклопедия; Опыт закона о народонаселении в связи с будущим совершенствованием общества; с комментариями У. Годвина, Ж. Кондорсе и других авторов (англ.: (1798). An essay on the principle of population, as it affects the future improvement of society, with remarks on the speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and other writers)).

/ 3

Thompson, W. S. (1929). Population. The American Journal of Sociology. Vol. 34. No. 6; Landry, A. (1934). La révolution démographique (Etudes et essais sur les problèmes de la population). P.: Libr. du Recueil Sirey; Notestein, F. W. (1945). Population — The long view. In Th. W. Schultz (Ed.), Food for the world. Chicago: University of Chicago Press.

/ 4

Волков А. Г. (1990). Перепись населения 1937 года: мысли и правда. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть II). М., с. 6–63. www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html#19

/ 5

Демографическая модернизация России, 1900–2000. (2006). Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство.

на север и восток страны — исключительно силами заключенных и военнопленных далее уже невозможно было обойтись.

Демографический взрыв и мировая «мода» на демографию, драматические изменения в демографическом развитии страны и решаемые советской властью колоссальные геоэкономические задачи, появление новых демографических данных — все это не могло не вызвать институционального ответа в виде аналитических центров. И он последовал. В 1963 году открывается отделение демографии в новом НИИ статистики Госкомстата России⁶. В 1965 году в МГУ имени М. В. Ломоносова — ведущем вузе страны — открывается проблемная лаборатория по вопросам изучения народонаселения, а в 1967 году — кафедра народонаселения⁷.

Основателем, идеологом, бессменным руководителем лаборатории и кафедры на протяжении четверти века был профессор Дмитрий Игнатьевич Валентей (1922–1994).

Д. И. Валентей и его коллеги, опиравшиеся на богатейший опыт демографических и экономико-демографических исследований советских демографов и социальных экономистов 1920–1930-х годов, а также демографов-статистиков XX века и ведущие постоянную дискуссию (преимущественно заочную) с западными коллегами, решали теоретические и практические задачи закономерностей развития населения и его влияния на экономику.

Не случайно университетская демографическая школа зарождалась именно на экономическом факультете. Одной из важнейших теоретических и практических задач, которую должны были решать исследователи, стало моделирование демографического фактора в экономическом развитии, включение исследований воспроизводства населения в краткосрочные и долгосрочные теории, прогнозы и планы социально-экономического развития.

Советская демография, как любая общественная наука того времени, не была свободна от догматических взглядов на свой предмет — воспроизводство населения⁸. Но это был период осмысления догм, развития науки и живого интереса к дискуссии с за-

/ 6
<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/nauka01.php>

/ 7
В 1968 году была создана новая единица для университетской структуры — Центр по изучению проблем народонаселения, объединяющий лабораторию и кафедру. И хотя это неформальное объединение так и не получило формального статуса, оно позволило не только удерживать в течение полувека теснейшие связи лаборатории и кафедры, но и выступать координационным центром в процессе создания широкой горизонтальной сети исследовательских и учебных демографических центров в Советском Союзе и в социалистических странах, а позже — партнерским центром мирового масштаба.

/ 8
Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. (1969). Под ред. Д. И. Валентей. М.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. (1974). Под ред. Д. И. Валентей. М.: Мысль.

падными школами. Была поставлена теоретическая задача разработки социалистического закона воспроизводства народонаселения в контексте критического анализа теории демографического перехода и апокалиптических предсказаний о перенаселении Земли. Основная критика теории демографического перехода в рамках университетской школы заключалась в том, что данная теория является описательной, но не объясняющей, и описывает она только изменения в рождаемости и смертности населения.

Противопоставление западной и советской школ, попытки создания новой самостоятельной теории дали толчок развитию теории народонаселения, которая, как стало очевидно полвека спустя, вышла за рамки формационного подхода и стала прообразом ряда концепций в области изучения народонаселения.

Базовые концепции теории народонаселения⁹

Теория народонаселения — «это система идей и принципов, в обобщенной форме раскрывающая существенные свойства и закономерные связи воспроизводства населения и общества, на основе которых достигается объяснение этого воспроизводства с помощью экономических, социально-исторических, экологических факторов, его значение в развитии общества, экономики и природы... Объяснить общие и специфические законы населения возможно при включении воспроизводства населения в его развитие, закономерности которого и выступают предметом теории народонаселения»¹⁰, — пишет Н. В. Зверева, обобщая опыт развития теории в университетской демографической школе.

Обратим внимание на то, что развитие населения — это более широкое понятие, чем воспроизводство населения. Оно включает воспроизводство населения и его взаимосвязи с условиями самого воспроизводства и с экономическими и производственными отношениями. Таким образом, мы изучаем в комплексе а) воспроизводство населения, б) закономерности и условия его

/ ⁹
 Раздел основан на статье: Зверева Н. В. (2018). Теория изучения народонаселения в университетской школе. Статистика и экономика, Т. 15, № 1, с. 59–69. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-1-59-69>

/ ¹⁰
 Там же, с. 60.

изменений, в) последствия воспроизводства населения. Процесс развития населения (термин «развитие населения» введен университетскими учеными в середине 1970-х годов) — это процесс изменений количественных и качественных характеристик населения. А три составляющие развития населения и являются предметом теории народонаселения.

Само понятие народонаселения рассматривалось как единство трех характеристик: воспроизводство (демографическая характеристика), проживание на определенной территории (эколого-географическая характеристика), общественно-историческая определенность (социально-экономическая характеристика). Эти три характеристики проявлялись как в тройном потенциале, так и в тройной периодизации истории развития населения. Тройной потенциал — это демографический, пространственно-географический, человеческий (экономико-демографический) потенциалы. Тройная периодизация — демографический переход, изменение региональной экосистемы, смена технологических укладов или общественного строя.

Введенные в научный оборот в первые годы развития университетской теории народонаселения понятия «режим воспроизводства» и «тип воспроизводства» разделяли количественные и отношенческие («политэкономические») характеристики воспроизводства населения. Университетская школа развивала широкий взгляд и на само понятие «воспроизводство населения», рассматривая в качестве предмета исследования демографии не только естественные процессы (рождаемость и смертность), но и миграцию.

Еще одно важное понятие в теории народонаселения, связующее характеристики воспроизводства и связи воспроизводства с общественными отношениями, — «качество населения». Помимо демографических характеристик, в это понятие входят показатели здоровья, образования, благосостояния, состояния среды обитания, общественные нормы и политика, влияющие на воспроизводство.

В рамках университетской школы были сформулированы предпосылки для разработки общего и специфических законов развития народонаселения. «Общим законом назывался закон развития насе-

ления как поступательный от одной исторически определенной социально-экономической системы к другой»¹¹, который отражал процесс «возвышения способностей, потребностей и возможностей населения во взаимодействии с социально-экономическим и экологическим развитием» в процессе смены поколений. Именно специфические законы народонаселения характерны для отдельных стран и регионов и должны отражать многообразие социокультурных предпосылок для развития народонаселения.

Междисциплинарный и комплексный подход всегда был отличительной чертой университетской демографической школы, в результате чего было выработано еще одно теоретическое положение: система знаний о народонаселении¹² — комплекс демографического ядра и сопредельных наук (в первую очередь экономики, социологии, географии, экологии, биологии). Продвигать теорию развития народонаселения можно было только комплексно, используя знания и методы как демографии, так и сопредельных наук.

Несомненной заслугой университетской демографической школы стала разработка самостоятельной теории и целого ряда теоретических понятий в области изучения народонаселения.

Подчеркну, что сама постановка теоретической задачи, которая решалась в те годы в университете, была серьезным шагом в развитии демографии и экономики народонаселения, в становлении самостоятельной науки демографии¹³.

Основоположники и последователи университетской демографической школы

Идейным вдохновителем и руководителем университетской демографической школы был Дмитрий Игнатьевич Валентея. Основным делом жизни этого неординарного человека стала организация и развитие школы, то есть развитие самостоятельной науки и теории народонаселения и обучение нескольких по-

/ 11
Там же, с. 64.

/ 12
Система знаний о народонаселении. (1976). Под ред. Д. И. Валентея. М.: Статистика, 367 с. (2-е изд. М.: Статистика, 1991).

/ 13
Горячие споры о том, является ли демография самостоятельной наукой или только разделом статистики, велись вплоть до 1960-х годов. См., например: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/nauka01.php>

колений студентов. Требовалось обладать смелостью, научной прозорливостью, широчайшей эрудицией, энергией и упорством, чтобы в середине 1960-х годов создать и удержать школу «буржуазной» науки демографии. Следует отдать должное и экономическому факультету, университету, руководству того времени — ведь именно здесь, в самом открытом для научного диалога российском университете, стало возможно построить дом для российской (советской) демографии — кафедру и лабораторию.

На экономическом факультете МГУ действительно сложилась и существует до сих пор яркая международная демографическая школа со своим «лицом», с богатейшей историей, с собственными практически и теоретическими работами и результатами.

Хочу подчеркнуть, что Д. И. Валентей был не просто ученым, профессором, лектором, идейным вдохновителем школы¹⁴ — главным его качеством являлся организаторский и управленческий талант. Он был мощным организатором науки, интуитивно предвидел, понял и реализовал многое из того, что сегодня считается лучшими практиками организаторского и управленческого мастерства в науке и образовании. Это связь науки, образования и практики; горизонтальные сети ученых; международное сотрудничество по всем направлениям жизнедеятельности школы¹⁵; методические семинары для преподавателей; летние школы для молодых ученых; обучение в процессе производства аналитических продуктов; междисциплинарные практики; дополнительное образование для взрослых слушателей; создание научных серий как площадок для публикаций новейших разработок¹⁶; формирование собственной уникальной библиотеки; производство собственных обследований и данных¹⁷ и многое другое.

Очень важно, что университетская школа не только разрабатывала самостоятельную теорию народонаселения, но и создала систему подготовки кадров в области демографии и экономики народонаселения. Приведу лишь несколько цифр. С 1977-го по 1991 год были открыты трехмесячные Курсы ООН при МГУ для специалистов по демографии из развивающихся стран, которые прошли более 450 специалистов из 62 стран Азии, Африки и Латинской

/ 14

Валентей Д. И. (1961). Проблемы народонаселения. М.: Высшая школа; Валентей Д. И. (1967). Теория и политика народонаселения. М.: Высшая школа; Основы теории народонаселения. (1986). Под ред. Д. И. Валентей. М.: Прогресс; Демография: современное состояние и перспективы развития научного знания. (1997). Сборник статей под ред. Д. И. Валентей. М.: МГУ.

/ 15

Университетская демографическая школа была организатором и со-организатором десятков крупнейших конференций и семинаров по изучению народонаселения, включая четыре Всесоюзные школы-семинара (Брест—1979 год, Саратов—1982 год, Йошкар-Ола—1987 год, Ашхабад—1991 год), а также десять Валентеевских чтений после 1992 года.

/ 16

В рамках серии «Народонаселение» выпущено 50 научных сборников (1973—1988 годы—ред. Д. И. Валентей). Здесь уместно назвать и современные научные серии: «Демографические исследования» (ранее «Население и кризисы», с 1995 года ред. В. В. Елизаров, О. С. Чудиновских); «Международная миграция населения: Россия и современный мир» (1998—2015 годы—ред. В. А. Ионцев при активном участии И. В. Ивахнюк); «Качественные исследования в экономике и демографии» (с 2006 года—ред. И. Е. Калабихина).

/ 17

Социально-демографические обследования проводились в Москве и на Камчатке, в Центральной России и ее северо-западной части, в Поволжье и в Вильнюсе.

/ 18

Область исследования «Экономика народонаселения и демография» является составной частью научной специальности «Экономика и управление народным хозяйством», паспорт специальности

Америки. С 1984-го по 1992 год работало специальное отделение по переподготовке кадров по демографии, на котором получали полноценное демографическое образование специалисты-практики, научные работники и преподаватели из разных республик СССР и регионов России (обучающая программа длилась 8 месяцев). Специалисты из почти всех союзных республик СССР и ряда зарубежных стран защищали кандидатские и докторские диссертации, стажировались в демографической школе экономического факультета МГУ. Всего за полвека существования школы кафедра народонаселения выпустила около 600 специалистов, бакалавров, магистров; кандидатские и докторские диссертации на кафедре защитили около 160 кандидатов и более 20 докторов наук¹⁸.

В новое время, в 1994–1998 годы, на базе университетской демографической школы был реализован международный проект TEMPUS T_JER 10062–95 «Образование в области сбора и обработки данных о населении, анализа и прогноза демографического развития»¹⁹, результатом которого стала новая учебная программа для магистратуры экономического факультета по демографии и экономике народонаселения, обеспеченная новейшим оборудованием для использования современного на тот момент программного обеспечения в образовательном процессе²⁰.

Организаторский талант Д. И. Валентея позволил собрать вокруг него целую плеяду замечательных ученых, то есть создать школу со множеством направлений исследования народонаселения и с большими перспективами на длительном горизонте времени. Поскольку демографов в стране не было, первый коллектив создавался из экономистов, математиков, географов, историков, социологов, философов и представителей других сопредельных наук. А уже первые и последующие выпускники школы преподавали и занимались наукой как демографы²¹. В рамках школы всегда работало несколько секторов, углубленно изучавших народонаселение: сектор теории, сектор политики, сектор расселения населения и/или миграции, сектор воспроизводства населения, сектор исторической демографии, сектор источниковедческий и библиографический и другие.

разрабатывался и совершенствовался университетской демографической школой с 1973 года.

/ 19

Партнерами экономического факультета МГУ в этом проекте выступали Департамент демографии университета «Ла Сапиенца» (Рим), Институты демографии университета «Париж-1-Пантеон-Сорбонна» (Париж) и Лувенского католического университета (Лувен-ла-Нев, Бельгия).

/ 20

Магистерская программа по демографии и экономике народонаселения не была реализована в полной мере на экономическом факультете МГУ. Демографическая часть входила в программу по социальной экономике (в разные годы она называлась «Экономика социальной сферы, труда и народонаселения», «Социальная политика» существовала с 1992-го по 2018 год). Выпускники Валентеевской школы М. Б. Денисенко и В. А. Козлов реализовали магистерские программы «Демография» (с 2007 года) и «Население и развитие» (с 2015 года) в НИУ-ВШЭ. Подробнее о планах по созданию магистерской программы на ЭФ МГУ в середине 1990-х годов см. Авдеев А. А. (1996). Концепция демографического образования в России (новая национальная модель). М.: Экономический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, http://dmo.econ.msu.ru/Demographic_edu_concept/Avdeev1996-New%20concept%20of%20demographic%20education%20in%20Russia.pdf

/ 21

29 июня 2021 года мы провели круглый стол, посвященный первому выпуску демографов на кафедре народонаселения ЭФ МГУ в 1971 году. Но формально профессии «демограф» не существовало и не существует до сих пор ни в советском, ни в российском реестре профессий.

Хочу воспользоваться случаем и выразить искреннюю благодарность всем, кто работал во имя нашей университетской демографической школы, кто внес значительный вклад в ее развитие. Начну с первых сподвижников Д. И. Валентея — это Г. Е. Анянueva, Г. Ш. Бахметова, А. Я. Кваша, В. М. Моисеенко, Р. С. Ротова, А. П. Судоплатов, Д. К. Шелестов, Б. С. Хорев и другие. Руководителями кафедры и лаборатории после того, как Д. И. Валентей сложил свои полномочия, были А. Я. Кваша, В. А. Ионцев, В. В. Елизаров, И. Е. Калабихина, О. С. Чудиновских (почти все — выпускники кафедры народонаселения). Еще несколько имен, чей вклад в теорию народонаселения трудно переоценить²², — это в первую очередь Н. В. Зверева, А. А. Саградов.

Назову ученых, которые в течение своего жизненного пути вложили много сил и знаний в процветание университетской демографической школы: А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, Н. Б. Баркалов, А. Я. Боярский, А. С. Первушин; читали лекции и писали совместные учебники: А. И. Алексеев, Е. М. Андреев, Э. Валкович, А. Г. Волков, Е. М. Ворожейкин, Я. Н. Гузеватый, Л. Е. Дарский, М. А. Клупт, В. Г. Костаков, Т. Г. Нефедова, А. Н. Панин, Д. В. Помазкин, Н. М. Римашевская, С. Я. Щербов и многие другие. Назову представителей первых выпусков кафедры демографии, которые стали учеными мирового уровня, нашими учителями, посвятили свою жизнь организации демографического образования и науки: Е. С. Баженова, Н. В. Зверева, В. В. Елизаров, Е. С. Красинец, В. М. Медков, В. И. Мукомель и другие. И представители следующих выпусков, кто и сегодня самоотверженно трудится на благо демографии в нашей школе: А. А. Авдеев, С. С. Бирюкова, Б. П. Денисов, Н. Г. Джанаева, И. В. Ивахнюк, Н. М. Калмыкова, И. А. Троицкая, В. Х. Эченикэ, а также в других демографических организациях, тесно сотрудничая со школой: М. Б. Денисенко, В. А. Козлов, А. О. Макаренцева, Н. Е. Русанова, В. И. Сакевич, А. А. Ткаченко и многие другие.

Сейчас на кафедре работают ее выпускники: М. А. Авдеева, А. А. Илимбетова, З. Г. Казбекова, И. Е. Калабихина, Н. М. Калмыкова, А. В. Колотуша, А. Г. Магомедова, а также И. А. Денисова и О. В. Куч-

/ 22

Valentei, D., Zvereva, N., & Medkov, V. (1977). Theoretical principles of socio-demographic projections | Teoreticheskie osnovy sotsial'no-demograficheskogo prognozirovaniya // Acta demographica. Vol. 2, pp. 720-731; Валентей Д. И., Елизаров В. В., Зверева Н. В. (1985). Демографический фактор и его роль в развитии социалистического общества // Вопросы философии. № 9, с. 44-57; Валентей Д. И., Зверева Н. В. (1987). Изучение народонаселения: вопросы методологии. М.: Изд.-во МГУ; Зверева Н. В. (1994). Экономический подход к изучению семьи в современных условиях. Вестник МГУ. Серия 6: Экономика. № 1, с. 39-49; Зверева Н. В. (1999). Изучение народонаселения в отечественной науке: 60-80-е гг. М.: Диалог-МГУ; Зверева Н. В. (2012). Человеческий потенциал устойчивого развития России: возможен ли переход на новый этап модернизации при нынешнем уровне жизни населения. Народонаселение. № 1, с. 53-62; Зверева Н. В. (2015). Демографический переход: вечный спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. № 1, с. 6-23; Кваша А. Я. (1974). Проблемы демографического оптимума. М.: Статистика; Саградов А. А. (1995). Теория и методы изучения качества населения. М.: Гуманитарный фонд; Саградов А. А. (2006). Экономическая демография. Учебное пособие. М.: Инфра-М.

маева. Сотрудники лаборатории: А. А. Авдеев, В. Н. Архангельский, Б. П. Денисов, Н. Г. Джанаева, Н. А. Зантонских, А. Г. Оксниненко, А. В. Русанов, А. В. Степанова, И. А. Троицкая, О. А. Хараева, О. С. Чудиновских, В. Х. Эченикэ (выпускники кафедры), а также Н. В. Власова, С. Я. Щербов.

В редколлегии и редакционном совете журнала «Population and Economics» трудятся А. А. Авдеев, С. С. Бирюкова, И. А. Денисова, И. В. Ивахнюк, Н. М. Калмыкова, А. А. Миронова, У. Г. Николаева, А. А. Ткаченко, И. А. Троицкая, а также Д. А. Матюшина, Т. Г. Нефедова, В. С. Тикуннов, М. С. Тольц, А. П. Шпенев и другие коллеги. Отдельную благодарность за участие в становлении журнала хочу высказать ушедшим от нас в 2021 году А. Г. Вишневному и В. В. Елизарову.

Вклад в экономическую науку и практику

Выполненные в университетской школе фундаментальные и прикладные научные разработки способствовали формированию нового научного направления по комплексному изучению народонаселения. В теоретическом плане наработки университетской демографической школы о теории народонаселения, о качестве населения стали прообразом современных концепций человеческого развития, программ в области населения и развития.

Разрабатываемые в рамках школы теоретические положения вошли в десятки учебников и энциклопедий²³. Центр по изучению проблем народонаселения на протяжении многих лет координировал развитие демографического образования и демографических исследований в вузах страны, был опорной базой секции народонаселения научно-технического Совета министерства высшего и среднего специального образования СССР, Головного совета по народонаселению Комитета по высшей школе России, Экспертного совета по проблемам народонаселения при Минвузе РФ²⁴.

/ 23

Представители школы приняли активное участие и в трех демографических энциклопедиях: 1985, 1994, 2013 годы.

/ 24

<https://www.econ.msu.ru/departments/cps/history/>
(текст В. В. Елизарова).

Научно обоснованный подход к разработке демографической, миграционной, семейной политики был заложен еще в 1970-е годы, а признание значимости демографического фактора начиналось с внедрения элементов демографической экспертизы в практическую деятельность органов планирования и управления.

Ведущие сотрудники школы работают в экспертных советах в министерствах социально-экономической направленности, участвуют в работе Научного совета РАН и Минтруда РФ по проблемам народонаселения и трудовых ресурсов, в методическом совете Росстата, в Совете Федерации, в Государственной Думе РФ, в редколлегиях журналов и статистических сборников, выступают с экспертными комментариями в СМИ. Сотрудники школы участвовали в подготовке и обсуждении Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года, Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года, в разработке программы Десятилетие детства, в написании стратегических и методических документов по миграционной политике, а также в формировании программы и инструментария переписей 1979, 1989, 2000, 2010 и 2021 годов, микропереписей 1994-го и 2015 года, ряда социально-демографических исследований Росстата.

Коллеги активно привлекаются для экспертной работы и консультаций Фондами ООН (ЮНФПА, ЮНИСЕФ, ПРООН, ООН-Женщины), Всемирным банком, правительствами стран СНГ. Аналитические записки готовятся и для региональных российских правительств.

Большинство сотрудников школы в последние десятилетия открытых границ участвовали во всех крупнейших международных конференциях по народонаселению, являясь членами международных профессиональных ассоциаций исследователей народонаселения: Международного Союза по научным исследованиям в области народонаселения (IUSSP), Европейской Ассоциации по демографическим исследованиям (EAPS), Американской Ассоциации по изучению населения (PAA), Международной ассоциации фе-

министской экономики (IAFFE), а также Российского Демографического общества, Всероссийского научного общества социологов и демографов, Демографической секции Дома ученых РАН.

Современное состояние и перспективы школы

Как указывалось выше, теоретические разработки университетской демографической школы в области теории народонаселения в первой половине 1970-х годов, связанные с качеством населения в 1970–1980-е годы, стали прообразом современных концепций человеческого развития, программ в области населения и развития 1990-х годов²⁵. Именно поэтому курсы по человеческому развитию органично вошли в учебные планы магистратуры экономического факультета в 1990-е годы, и это направление поддерживается по сей день, издаются учебники²⁶, обновляются курсы в соответствии с новыми методическими подходами и концепциями. Расширенный подход к идее продвижения темы развития населения в контексте социально-экономического развития завершился на международном уровне целями устойчивого развития уже во втором десятилетии XXI века, где все три составляющие — население, экономика, экология — рассматриваются системно.

Развитие направления «качество населения», важной частью которого является разработка системы показателей и интегрированных индексов качества и положения населения, реализуется в созданной в 2021 году для Росстата усовершенствованной системе показателей положения детей и индексах детского благополучия (в рамках мониторинга Десятилетия детства)²⁷.

Еще одно важное направление теории развития населения — изучение последствий воспроизводства населения, влияние демографического фактора на экономику. Новый грант РФФИ (2020–2022) «Влияние человеческого капитала на настоящий и будущий экономический рост в России», который реализуется

/ 25

В декабре 1994 года Комиссия по народонаселению ООН переименована в Комиссию по населению и развитию, а Каирская международная конференция «Население и развитие» 1995 года дала мощный толчок развитию такого подхода www.un.org/en/development/desa/population/commission/index.asp

/ 26

Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. (2008). Учебное пособие под общей ред. В. П. Колесова, 2-е изд., доп. и перераб. М.: Права человека.

/ 27

Калабихина И. Е., Кучмаева О. В., Калмыкова Н. М., Казбекова З. Н., Середкина Е. А. (2021). Методологические подходы к совершенствованию статистического мониторинга благополучия детей в рамках реализации мероприятий Десятилетия детства в России. Вестник Института экономики РАН, № 4, с. 134–165.

университетской демографической школой, — часть исследований по этому направлению²⁸, наряду с проектом по особенностям и последствиям старения населения в Белоруссии (ЮНФПА, 2018) и демографическому фактору социально-экономического развития в Белоруссии (ПРООН, 2021).

Другая сторона взаимосвязи воспроизводства населения и социально-экономического развития — влияние социальных и экономических факторов на воспроизводство населения — продолжает изучаться с учетом новых явлений нашей действительности²⁹.

Научное сопровождение реализации региональной стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа (2018–2020)³⁰ — большой труд всего коллектива университетской демографической школы вместе с партнерами в рамках консультирования властных органов, принимающих и реализующих концепции и стратегии развития наряду с выполненными работами в этой области для Департамента занятости и социальной защиты г. Москвы, Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Совета Федерации.

Отдельным мощным направлением выступает анализ теоретических и практических вопросов миграционной статистики и миграционной политики в России³¹; традиционно поддерживаются гендерные исследования в теории развития населения³².

В рамках прикладной демографии в 2016–2021 годах можно выделить выполненные проекты для Министерства обороны (по образу будущего призывника), Ростелекома (по демографическому фактору стратегического развития компании), Ростеха (по прогнозу возможностей использования системы ГЛОНАСС), медицинского Консорциума «Медицинская наука, здравоохранение и экология — Арктике» ФГБНУ «НИИОПП» (по экономической оценке, эффективности клинических испытаний) и др.

Новые горизонты междисциплинарных исследований запланированы на базе агентского моделирования и использования больших данных (социальных сетей и поисковиков) в демографических прогнозах и оценке демографического климата (грант ЭФ МГУ 2020-го и 2021-го годов)³³. С этими исследованиями

/ 28

Nikolaeva, U. G., & Rusanov, A. V. (2020). Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? *Population and economics*, No. 4–2, pp. 182–198; Калабихина И. Е., Ребрей С. М. (2020). Домашний труд во время пандемии: опыт России. *Женщина в российском обществе*, № 3, с. 65–77; Кучмаева О. В., Калмыкова Н. М., Колотуша А. В. (2020). Моделирование риска стать инвалидом в России: оценка по данным выборочного исследования. *Демографическое обозрение*, Т. 7, № 4, с. 108–148; Кучмаева О. В. (2020). Занятость инвалидов в регионах России: состояние, дифференциация, факторы. *Статистика и экономика*, Т. 17, № 5, с. 27–37; Калабихина И. Е., Казбекова Э. Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала. *Журнал Новой экономической ассоциации* (в печати).

/ 29

См., например, статьи: Калабихина И. Е., Абдуслимова И. А., Клименко Г. А. (2020). Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России. *Вестник МГУ Серия 6: Экономика*. № 6, с. 90–103; Калабихина И. Е., Колотуша А. В. (2020). Является ли Интернет сберегающим здоровье фактором в России? *Демографическое обозрение*. Т. 7, № 3, с. 150–182; Кучмаева О. В. (2020). Возможности оценки масштабов включенности домохозяйств в шеринг-экономику. *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 222, № 2, с. 241–265.

/ 30

См. спецвыпуск журнала «Population and Economics», посвященный исследованию Арктики: <https://populationandeconomics.pensoft.net/issue/2887/>

/ 31

Чудиновских О. С. (2021). К вопросу о создании регистра населения и использовании административных

и с созданными открытыми базами данных по комментариам в социальных сетях³⁴ мы вошли в новую научную школу МГУ «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Развивающийся в настоящее время подход в области политического управления, в том числе демографическими процессами, — доказательная политика — базируется на научных трудах, которые выполняют сегодня наши сотрудники с партнерами³⁵. Эти новые разработки можно считать развитием научно-обоснованного подхода к разработке демографической политики, принятого в университетской демографической школе в прошедшие десятилетия.

Смею надеяться, что университетская демографическая школа получила новый импульс развития в последние пять лет. Свидетельство тому — целая серия научных и аналитических проектов, находящихся в производстве в данное время³⁶, тот факт, что даже наши аспиранты имеют собственные научные гранты, а также неподдельный интерес студентов и аспирантов к демографической тематике. На кафедре ежегодно работают над диссертациями 12–15 аспирантов и соискателей.

Наши учебные курсы³⁷ популярны — более 50 студентов ежегодно пишут курсовые и дипломные работы на кафедре, получают признание на престижных конкурсах³⁸, за что отдельная благодарность сотрудникам кафедры И. А. Денисовой и Н. М. Калмыковой.

За последние пять лет выросло число выпускников нашей школы: еще 80 человек защитили выпускные работы по демографии и экономике народонаселения, и 6 человек — кандидатские диссертации. Одна из последних защит прошла по программе двойного руководства аспирантами с Институтом демографии Сорбонны — Ж. Шайкенова получила диплом кандидата наук МГУ и диплом PhD Университета Париж I — Пантеон — Сорбонна в 2020 году. За эту возможность международного сотрудничества в деле производства молодых кадров отдельная благодарность профессорам Института демографии Университета Париж I В. Баррюсс, А. А. Авдееву, заместителю декана ЭФ МГУ И. Г. Телешовой и сотрудникам нашего ректората.

данных для нужд государственной статистики. Вопросы статистики, Т. 28, № 1, с. 1; Чудиновских О. С., Степанова А. В. (2020). О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение, Т. 7, № 1, с. 54–82; Чудиновских О. С. (2020). Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации. Вопросы статистики, Т. 27, № 4, с. 24–52; Чудиновских О. С. (2020). Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации. Вопросы статистики, Т. 27, № 1, с. 8–28; Donets, E.V., & Chudinovskikh, O. S. (2020). Russian policy on assistance to the resettlement of compatriots against the background of international experience. Vol. 4, No. 3, pp. 1–32. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e54911>; Чудиновских О. С. (2019). О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 года по статистике миграции и российском контексте. Вопросы статистики, Т. 26, № 8, с. 61–76.

/ 32

Денисова И. А., Карцева М. А. (2020). Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // Женщина в российском обществе, № 2, с. 138–155; Калабихина И. Е. (2021). Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? Женщина в российском обществе, № 2, с. 1. 10.21064/WinRS.2021.2.1.

/ 33

Калабихина И. Е., Банин Е. П., Абдуселимова И. А., Архангельский В. Н., Клименко Г. А., Колотуша А. В., Николаева У. Г., Шамсутдинова В. Ш. (2020). Краткосрочное прогнозирование демографических тенденций на основе данных Google trends //

Шестой год с большим успехом идет работа по повышению квалификации государственных служащих в рамках государственного проекта «Вопросы реализации государственной демографической политики».

А создание двуязычного научного рецензируемого журнала ЭФ МГУ «Population and Economics» в декабре 2017 года можно считать одним из самых перспективных проектов университетской демографической школы. Журнал — площадка для обмена мнениями коллег из разных демографических институтов, возможность для наших молодых талантливых коллег вступить в научный диалог — вошел в базу Scopus всего за 3,5 года своей работы.

Следует понимать, что новый, активный этап развития университетской демографической школы в последние годы стал возможен при поддержке нашей школы современной командой администрации ЭФ МГУ во главе с деканом А. А. Аузаном.

Впереди много планов и надежд. Верю — многое возможно с таким сильным коллективом, что работает сегодня на кафедре народонаселения и в лаборатории, а также с идущими за нами молодыми исследователями, которые продолжают служение университетской демографической школе.

Прикладная информатика. Т. 15, № 6, с. 91–118; Kalabikhina, I. E., Banin, E. P., Abduselimova, I. A., Klimenko, G. A., & Kolotusha, A. V. (2021). The measurement of demographic temperature using the sentiment analysis of data from the social network VKontakte. *Mathematics*, Vol. 9, No. 9, p. 987. <https://doi.org/10.3390/math9090987>.

/ **34**
10.3397/popecon.4.e60915
и 10.3397/popecon.5.e70786

/ **35**
Denisova, I. A., Chubarova, T. V., Bogatova, I. E., Vartanov, S. A., Kucheryanu, V. G., Polterovich, V. M., Turdyeva, N. A., & Shakleina, M. V. (2020). Estimating economic efficiency of preclinical diagnostics of Parkinson's disease with cost-utility approach. *Population and Economics*, Vol. 4, No. 3, pp. 111–127. <https://doi.org/10.3397/popecon.4.e59949>

/ **36**
Подробно о научных проектах кафедры см. видеоролик и текст: https://demography.econ.msu.ru/about/science/science_project/, лаборатории: <https://www.econ.msu.ru/departments/cps/research/> и <https://www.econ.msu.ru/departments/cps/seminar/>

/ **37**
См. видеоролик об образовательных программах кафедры: <https://demography.econ.msu.ru/programms/>

/ **38**
См., например: www.econ.msu.ru/science/smu/News.20210705224359_2673/

Агроэкономическая наука и образование на экономическом факультете МГУ: теория и практика, история и современность

С. В. Киселев

д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой агроэкономики
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Алексей
Михайлович
Емельянов

Одной из главных характерных черт развития экономики сельского хозяйства в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова всегда было сочетание теории и практики. Фундаментальные и теоретические разработки апробировались на практике, которая, в свою очередь, служила базой для уточнения теоретических подходов. Университетская агроэкономическая наука развивалась при активном участии специалистов по макро- и микроэкономике, менеджменту, математическим методам анализа экономики, экономистов-экологов.

Другим важным моментом развития агроэкономической науки был междисциплинарный подход. Помимо экономистов в совместных работах участвуют географы, почвоведы, биологи. Широкие международные связи — также отличительная характеристика деятельности аграрных экономистов. Это неизменно обеспечивает возможность международного обсуждения результатов исследований, взаимообогащения опытом и теоретическими достижениями.

Аграрная экономическая наука на всех временных отрезках развития нашего государства — и Московского университета в частности — была важным направлением в исследованиях известных ученых факультета, работавших на различных кафедрах¹. Такие значимые фигуры, как академики А. М. Емельянов, Э. Н. Крылатых, доктора экономических наук С. Н. Бобылев, Л. М. Зальцман, С. М. Городецкий, И. И. Козодоев, В. В. Корочкин, Ю. И. Краснопояс, П. В. Савченко, М. М. Соколов, К. А. Хубиев, Г. И. Шмелев и др., работали в прошлом или работают в настоящее время над важнейшими проблемами сельскохозяйственной экономической науки и практики².

/ 1

О направлениях работ в области агроэкономической науки также см. Киселев С. В., Харитонов Н. С. (2016). Университетская агроэкономическая наука в условиях плановой и рыночной экономики. Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 8. № 2(20), с. 43–49; Киселев С. В. (2011). Кафедра агроэкономии на рубеже веков. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3, с. 48–63.

Формирование кафедры экономики и организации социалистического сельского хозяйства

Кафедра агроэкономики была образована в 1954 году в результате разделения кафедры экономики и планирования народного хозяйства на две самостоятельные кафедры: экономики промышленности и экономики и организации социалистического сельского хозяйства. Кафедру возглавил М. М. Соколов, бывший тогда деканом экономического факультета³. Новая кафедра должна была удовлетворить потребности экономики не просто в специалистах по экономике сельского хозяйства, имеющих высшее образование, но в работниках с университетским дипломом, с широким кругозором и с всесторонними знаниями, не замыкающихся на узкой сельскохозяйственной специализации. Это диктовалось нуждами восстанавливавшейся после войны страны, нехваткой широко образованных управленцев, плановиков, научных работников.

На первом этапе учебный процесс был максимально приближен к запросам практики. Поэтому дисциплины охватывали не только экономические, но также агрономические, зоотехнические, инженерные аспекты деятельности сельскохозяйственных предприятий. Многие из преподавателей кафедры имели опыт практической работы — например, П. А. Кудинов, возглавлявший в начале освоения целины совхоз им. Шевченко Тарановского района Кустанайской области, а с 1961 года — совхоз «Новоильиновский» в Казахской ССР. Впоследствии П. А. Кудинов стал кандидатом экономических наук, доцентом, работал на экономическом факультете МГУ, в Академии общественных наук, в Академии госслужбы при Президенте РФ.

В то время одной из важнейших задач было развитие пригородного хозяйства, которому и была посвящена докторская диссертация М. М. Соколова «Экономика сельского хозяйства пригородной зоны г. Москвы». Эта и другие работы создали идеологию развития пригородного хозяйства, которое до сих пор играет важную роль в продовольственной безопасности крупных

/ 2

Достаточно назвать, например, проблематику земельных отношений и работу И. И. Козодоева (диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук «Вопросы земельных отношений в социалистических странах»), проблемы аграрной реформы и земельной собственности у К. А. Хубиева (Хубиев К. А. (2016). Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации. Вопросы политической экономии, № 2; Хубиев К. А., Макаров А. Н. (2015). О реформе земельной собственности в России (исследовательские традиции и результаты). Вестник «ТИСБИ», № 2, с. 112-137); тематику земельной реформы в увязке с экологическим и экономическим кризисами, инфраструктурные проблемы сельского хозяйства у С. Н. Бобылева (Бобылев С. Н. (1993). Земельная реформа и экологический кризис. Вопросы экономики, № 10, с. 96; Бобылев С. Н. (1995). Земельная реформа и экономический кризис. Вопросы экономики, № 5, с. 3; Бобылев С. Н. (1978). Развитие инфраструктуры и сельскохозяйственное производство. Вопросы экономики, № 6). Вопросы колхозной и кооперативной собственности в сельском хозяйстве разрабатывались П. В. Савченко (диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук «Кооперативное предприятие как форма обобществления социалистического производства в сельском хозяйстве», диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Формирование и использование общественного фонда потребления колхоза в период развернутого строительства коммунизма»). Различные аспекты деятельности колхозов исследовал

городов. С учетом этих разработок создавались пригородные специализированные совхозы в Подмосковье.

Это был период массовой организации совхозов, которые часто создавались на неосвоенных землях. Для правильной организации производства, севооборотов, специализации крайне важное значение приобрело районирование сельского хозяйства и его типизации. Одним из ведущих специалистов по вопросам типов сельскохозяйственных предприятий, сельскохозяйственного районирования в стране был профессор кафедры Л. М. Зальцман (работал на кафедре в 1954–1981 годах). Его труды заложили основы производственной типизации хозяйств в СССР. Эти вопросы развивались им совместно с С. И. Половенко, с сотрудниками кафедры экономической географии МГУ им. М. В. Ломоносова. Были созданы учебные карты рационального размещения основных типов сельскохозяйственных предприятий с учетом благоприятных ареалов выращивания основных сельскохозяйственных культур на территории СССР. Результаты были одобрены Министерством сельского хозяйства СССР.

Научные и прикладные разработки кафедры активно внедрялись в республиках СССР, прежде всего в Казахстане. Для мелиорированных угодий в этой республике была разработана модель рисового совхоза. На кафедре хранится флаг, которым Совет Министров Казахской ССР наградила ее коллектив.

На первом этапе развития кафедры с 1954-го по начало 1970-х годов, в центре внимания ее исследований и образовательной деятельности были вопросы планирования и организации сельского хозяйства. Многие выдающиеся ученые и государственные деятели защитили свои диссертации по данной проблематике. Так, М. Я. Лемешев⁴ рассмотрел вопросы размещения и специализации сельскохозяйственного производства в колхозах Краснодарского края.

С начала 1960-х годов в фокусе исследований появляются вопросы хозяйственного расчета, связанные с этой проблемы экономической реализации собственности на землю и дифференциальной ренты, ценообразования. В 1961 году будущий заведующий кафедрой А. М. Емельянов защитил кандидатскую диссертацию «Хозяйственный расчет и рентабельность в колхозах (во-

В. В. Корочкин: «Производство и распределение необходимого продукта в колхозах» (диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук) и «Развитие и совершенствование форм производственно-технического обслуживания колхозов» (диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук). Вопросы управления исследовал Ю. И. Краснопяса, его кандидатская («Экономическое обоснование рациональной организации сельскохозяйственного производства в сырьевой зоне сахарного завода: на примере сырьевых зон Тимашевского и Кореновского сахарных заводов Краснодарского края») и докторская («Организация отраслевого и межотраслевого управления сельскохозяйственным производством») диссертации были посвящены сельскохозяйственной проблематике.

/ 3

М. М. Соколов— 15(23).11.1898, г. Катав Ивановского р-на Челябинской обл. — 7.09.1971, ректор (1941–1943) Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, декан (1954–1959) экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, проректор по учебно-научной работе гуманитарных факультетов (1959–1962), заведующий кафедрой экономики и организации социалистического сельского хозяйства (1954–1971).

/ 4

М. Я. Лемешев— советский и российский ученый, экономист, политический деятель, депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации первого созыва (1993–1996), эксперт ООН по охране окружающей среды, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук.

просы теории и методологии)». Как известно, с середины 1960-х годов в Советском Союзе началась экономическая реформа. В аграрном секторе она началась даже несколько раньше. Решения по развитию аграрного сектора предваряли вопросы улучшения управления промышленностью, совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства, которые были обсуждены спустя пять месяцев. Поэтому постепенно в научных исследованиях кафедры увеличивается число работ по экономической эффективности сельского хозяйства и его отдельных отраслей, по отдельным элементам регулирования рыночных отношений⁵.

В целом на основе теоретических разработок аграрные экономисты давали практические рекомендации по уточнению планового воздействия на сельскохозяйственные предприятия с учетом размеров дифференциальной ренты, дифференциации цен с учетом различия объективных условий и необходимости стимулирования производства, совершенствованию оплаты труда с учетом его качества и необходимости стимулирования роста производительности труда, созданию системы специализированных хозяйств (совхозов), развитию специализации и межхозяйственной кооперации, расширению самостоятельности колхозов и совхозов, планирования, стимулирования. Важной организационной проблемой, над которой работала агроэкономическая наука в 1980-е годы, было создание районных агропромышленных объединений.

Важнейшая составляющая работы кафедры — подготовка научных и преподавательских кадров. Представители кафедры в содружестве с учеными других учреждений страны внесли большой вклад в разработку ряда научно-методических и практических рекомендаций по развитию сельскохозяйственного производства, в частности по переходу от натуральной формы оплаты труда колхозников к денежной, по совершенствованию методов ценообразования, планирования. Ученые кафедры и факультета первыми предложили методику расчета себестоимости сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах. Профессор Л. М. Зальцман, крупнейший специалист страны в области организации сельского хозяйства, обосновал и вместе с другими учеными довел до практической реализации идею типиза-

/ 5

В 1968 году была защищена диссертация А. В. Чернышева «Экономическая эффективность птицеводства в колхозах и пути ее повышения», в 1969 году — К. Д. Карпова «Развитие и совершенствование финансово-кредитных отношений с колхозами».

ции сельскохозяйственных предприятий. Эта разработка была одобрена руководством страны и рекомендована для внедрения. По всем названным разработкам были изданы многие методические и учебные пособия, которые в последующем использовались в странах социалистического содружества.

А. М. Емельянов — ученый и общественный деятель

В 1971 году кафедру возглавил А. М. Емельянов⁶. В этот период проблематика регулирования экономических отношений становится центральной темой исследований⁷. На кафедре была разработана университетская программа «Экономика сельского хозяйства», заменившая общий для университетов и сельскохозяйственных вузов курс. В 1980 году было издано подготовленное сотрудниками кафедры учебное пособие «Экономика сельского хозяйства на современном этапе», в котором получили реальное отражение товарно-денежные отношения в аграрной экономике.

Тон уровню и направлениям исследований аграрно-экономических проблем в конце 1960-х — начале 1970-х годов задавали публикации А. М. Емельянова⁸. В них на основе фундаментальных исследований по проблемам рентных отношений, особенностей хозяйственного расчета и регулирования аграрной экономики предлагались важнейшие направления развития сельского хозяйства. Научные труды А. М. Емельянова принадлежат к реформаторскому направлению российской аграрно-экономической мысли, представители которого не только обосновали необходимость рыночных реформ в стране и российской деревне, но и многое сделали для их осуществления. В 1989 году А. М. Емельянов выдвигается 55-тысячным коллективом Московского университета кандидатом в народные депутаты СССР по первому избирательному округу г. Москвы и побеждает на выборах. В 1989–1991 годах он был народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Комитета

/ 6

А. М. Емельянов (1935–2009) — советский и российский экономист-аграрник и общественный деятель, народный депутат СССР (1989–1991), депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации первого созыва (1993–1996), доктор экономических наук, профессор, академик ВАСХНИЛ, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

/ 7

В 1974 году Н. С. Цыганков защищает кандидатскую диссертацию «Материальное стимулирование как фактор развития организации труда в сельском хозяйстве в условиях ускорения научно-технического прогресса (на примере совхозного производства)»; в 1975 году кафедра «выпускает» диссертацию Ю. Я. Соловьева на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Совершенствование хозрасчетных стимулов развития совхозного производства», в 1976 году — диссертацию И. В. Чурзиной «Хозрасчет во взаимоотношениях между специализированными сельскохозяйственными предприятиями».

/ 8

Емельянов А. М. (1966). Необходимый продукт и оплата труда в колхозах. Вопросы экономики, № 3; Емельянов А. М. (1968). Реформа и развитие хозрасчетных отношений в сельском хозяйстве. Вопросы экономики, № 5.

по аграрной и продовольственной политике, входил в Межрегиональную депутатскую группу и в группу депутатов-аграрников.

В 1980 году, в период руководства кафедрой экономики сельского хозяйства (впоследствии — кафедры агроэкономики), А. М. Емельянов защитил докторскую диссертацию на тему «Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики», затем он был избран действительным членом ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина), которая впоследствии преобразовалась в Россельхозакадемию и в итоге волилась в Российской академии наук. А. М. Емельянов был награжден Ломоносовской премией МГУ за цикл работ по совершенствованию экономических отношений в сфере АПК, структурным сдвигам в аграрной экономике.

В своей теоретической и практической работе Алексей Михайлович много сделал для повышения эффективности колхозов и совхозов, а в дальнейшем — для осуществления аграрной реформы в России. Как известный ученый и политик, народный депутат СССР, депутат Государственной думы России он привлекался к разработке всех важнейших документов по вопросам агропромышленного комплекса.

С середины 1980-х годов на кафедре совершенствовались научные исследования в направлении выявления объективных закономерностей многоукладного развития сельского хозяйства, проводилось экономическое обоснование необходимости радикальных аграрных преобразований, поэтапного, постепенного реформирования аграрного сектора, органичного сочетания разных форм хозяйствования, изменения земельных отношений, сбалансированного развития рыночных отношений и предпринимательской деятельности в аграрной сфере. Это нашло отражение в опубликованной с участием А. М. Емельянова монографии «Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки» (1989).

В 1990 году А. М. Емельянов был избран первым Президентом Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов России (АККОР). Он был сторонником развития личных подсобных хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств, активно поддерживал создание межхозяйственных и агропромышленных предприятий и объединений.

Будучи с 1991-го по 2000 год членом Президентского совета, а с 1993-го по 1995 год — депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва, членом Комитета по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности, А. М. Емельянов много работал над проблемами реформирования аграрного сектора. Впоследствии он был назначен Ректором-Президентом Академии государственной службы при Президенте России (1994–2000).

Возглавив кафедру и плодотворно работая в области исследования экономики сельского хозяйства, А. М. Емельянов создал научную школу по теории и практике развития хозрасчетных отношений в аграрном секторе экономики. Основой научно-теоретических воззрений школы стали его работы «Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах» и «Хозяйственный расчет в колхозах и совхозах⁹. Характерными чертами исследований представителей школы всегда были тесная связь теории и практики, междисциплинарный подход, глубокое изучение международного опыта и использование его с адаптацией к российским условиям. Создание школы по теории и практике хозрасчетных отношений позволило в конце 1980-х — начале 1990-х годов дать обоснование необходимости развития рыночных отношений в сельском хозяйстве.

Среди принципиальных характеристик развития рынка в аграрном секторе можно выделить положение о многоукладности сельского хозяйства. На этой основе развивались вопросы теории и практики создания и развития деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, а также хозяйств населения. В этом контексте можно выделить такую работу А. М. Емельянова, как «Аграрная реформа и социально-экономические уклады современной деревни»¹⁰.

Наряду с этим подчеркивалось значение сельскохозяйственной кооперации как формы, позволяющей усилить жизнеспособность малого и среднего бизнеса. Исследования подкреплялись законотворческой деятельностью. При непосредственном участии А. М. Емельянова были разработаны и в 1990 году приняты Верховным Советом РСФСР такие законы, как «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Это были важнейшие политические документы того време-

/ **9**
Емельянов А. М. (1965). Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах [Текст]. М.: Экономика; Емельянов А. М. (1968). Хозяйственный расчет в колхозах и совхозах. М.: Колос.

/ **10**
Емельянов А. М. (1990). Аграрная реформа и социально-экономические уклады современной деревни. Вопросы экономики, № 5.

ни. Они позволяли развивать в рамках многоукладности крестьянские (фермерские) хозяйства, давали им широкие экономические и юридические права.

В последующем А. М. Емельянов, развивая свой подход к многоукладности сельского хозяйства в современных условиях¹¹, предложил анализ сельских домашних хозяйств, различий личных подсобных хозяйств и крестьянских (фермерских), показал значимость взаимодействия сельскохозяйственных предприятий и хозяйств населения. В его работах было показано, что влияние реформы на развитие сельского хозяйства было разным в течение ее проведения: на первом этапе реформы оказывали позитивное воздействие, а на грани 1993–1994 годов потенциал «реформаторских факторов» был исчерпан. После 1998 года ситуация несколько улучшилась. Как отмечал А. М. Емельянов, необходима была позитивная программа, которой мог бы стать приоритетный национальный проект развития АПК. Здесь огромную роль играет развитие кооперативов разного профиля¹².

С 2020 года кафедра ежегодно проводит Емельяновские чтения, посвященные актуальным научным и прикладным проблемам развития агропродовольственной экономики.

Для оказания содействия развитию семейных хозяйств с 1989 года на базе кафедры доцентом Н. С. Харитоновым был создан научно-внедренческий центр «Село»¹³. Объединивший деятельность преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов, он внес большой вклад в практическое создание фермерских хозяйств, в обучение тех, кто хотел начать реальную деятельность на земле.

Новая жизнь кафедры агроэкономики

В 1992 году кафедра получила новое название: «Кафедра агроэкономики». В соответствии с изменением общественного устройства государства вносились коррективы в систему учебного процесса и научных исследований. Кафедра стала концентрировать усилия на разработке условий и механизма формирования рыночных

/ 11

Емельянов А. М. (2001). Коллизии становления многоукладности аграрного сектора экономики. Российский экономический журнал. № 5–6; Емельянов А. М. (2003). Взаимодействие форм хозяйств в аграрной экономике. Вопросы экономики. № 11; Емельянов А. М. (2003). Экономика домашних хозяйств в сельской местности в учебнике «Сельская экономика», под ред. С. В. Киселева, М.: Инфра-М, с. 439–470.

/ 12

См.: Емельянов А. М. (2003). Экономика домашних хозяйств в сельской местности. Учебник «Сельская экономика», под ред. С. В. Киселева, М.: Инфра-М, с. 456.

/ 13

Подробнее см.: Киселев С. В. (2011). Кафедра агроэкономики на рубеже веков. Вестник Московского университета, Серия «Экономика», № 3, с. 52.

отношений в аграрном секторе России. А. М. Емельяновым и С. И. Половенко была создана концепция многоукладности в аграрном секторе России, которая использовалась при разработке государственных программ развития аграрного сектора. Н. Т. Хожайнов разработал схему структурной реформы аграрного сектора региона и апробировал его в Оренбургской и Тюменской областях. О. К. Ястребова участвовала в разработке методов антимонопольного регулирования на продовольственных рынках России.

В 1997 году по приглашению А. М. Емельянова к руководству кафедрой пришел доктор экономических наук С. В. Киселев, его ученик, который в то время являлся статс-секретарем, заместителем Министра сельского хозяйства Российской Федерации. Кафедра сосредоточила внимание на актуальных проблемах развития аграрного сектора экономики. Сотрудники кафедры исследуют разнообразные проблемы, используя результаты анализа в учебных курсах.

Исследования кафедры агрэкономике

Из числа научно-исследовательских тем, над которыми в разные годы работала кафедра, выделим следующие: «Государственное регулирование и развитие сельского хозяйства и агропродовольственных рынков», «Глобализация мирового хозяйства и сельское хозяйство», «Устойчивое развитие ресурсного потенциала аграрного сектора экономики», «Государственное регулирование агропродовольственных рынков и развитие сельского хозяйства в условиях цифровизации экономики», «Агропромышленный комплекс России в условиях санкций и необходимости обеспечения продовольственной безопасности» (грант РГНФ, 2015), «Контроль деградации земель в Евразийском регионе» (2014–2016, грант РНФ), «Глобализация мирового хозяйства и ее влияние на социально-экономическое развитие стран и регионов мира», «Социально-экономические аспекты повышения продовольственной безопасности» (2014), «Оценка последствий от вступления Казахстана в ВТО

на сельскохозяйственную отрасль» (2012), «Анализ и прогнозирование развития зернового рынка в России (2005, грант РГНФ), «Оценка сельскохозяйственной и торговой политики в условиях вступления России в ВТО» (2003–2004, грант РГНФ).

В настоящее время кафедра проводит исследования по гранту РФФИ «Сравнительные преимущества и комплементарность агропродовольственной торговли России с основными партнерами как факторы развития российского сельскохозяйственного экспорта», а также исследование по гранту РФФИ «Экономическая эффективность субсидирования сельского хозяйства в России и Казахстане».

В целом в фокусе внимания кафедры — вопросы государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства, международной сельскохозяйственной торговли и ВТО, влияния изменения климата на сельское хозяйство, финансовые условия развития агропромышленной деятельности, агрострахование, вопросы кооперации в аграрном секторе, регулирование аграрного и продовольственного рынков, продовольственная безопасность, экономика деградации земель, устойчивое развитие агропромышленного комплекса, статистические, экономические и социальные проблемы развития сельской экономики. Кафедра активно сотрудничает с Росстатом и Министерством сельского хозяйства Российской Федерации.

Учебная деятельность кафедры агроэкономики

Большое внимание кафедра неизменно уделяет учебной работе. В 1962 году был выпущен учебник «Экономика социалистического сельского хозяйства» М. М. Соколова¹⁴, в 1963 году — «Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий» под редакцией Л. М. Зальцмана и Н. П. Макарова¹⁵. В 1982 году вышел в свет учебник А. М. Емельянова «Экономика сельского хозяйства»¹⁶. С учетом широты рассмотрения вопросов и оригинальности изложения

/ 14

Соколов М. М. (1962). Экономика социалистического сельского хозяйства [Учеб. пособие для экон. фак. ун-тов]. М.: Госполитиздат.

/ 15

Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий. (1963). Под ред. Л. М. Зальцмана и Н. П. Макарова. М.: Сельхозиздат.

и содержания его можно назвать одним из лучших учебников своего времени; он не утратил актуальности до сих пор. В 1970–1980-е годы А. М. Емельянов руководил созданием комплекса учебных пособий по вопросам аграрной теории, политики и практики: «Труд руководителя», «Основы экономики и управления сельскохозяйственным производством», «Экономические и социальные проблемы реализации Продовольственной программы», «Интенсивное развитие агропромышленного комплекса»¹⁷.

Большое значение придается на кафедре работе со студентами. Работа научного студенческого кружка всегда была важным элементом образования — в его работе участвовали студенты, углублявшие свои знания в заседаниях кружка, в научных конференциях. Лучшие работы получали возможность публикации, лучшие студенты становились аспирантами кафедры. Среди участников кружка, писавших курсовые и дипломные работы, можно назвать таких известных ныне экономистов, как А. Н. Шохин, А. В. Петриков, С. В. Киселев. Многие участники кружка стали затем сотрудниками кафедры экономики сельского хозяйства: С. В. Киселев, Н. Н. Мынкина, Н. Т. Хожаинов, О. К. Ястребова.

Из учебных курсов, которые предлагаются вниманию студентов, назовем: «Агропродовольственная политика» (С. В. Киселев), «Экономика АПК и продовольственная безопасность» (С. В. Киселев, Н. Т. Хожаинов, Е. В. Белова, Т. А. Белугина), «Управление недвижимостью» (Е. В. Белова), «Рынки недвижимости» (Е. В. Белова), «Цифровая трансформация отраслей экономики: агропродовольственный бизнес» (Т. А. Белугина, С. В. Киселев, А. Ю. Белугин), «Экономика и организация здорового питания» (Н. Т. Хожаинов), «Продовольственная безопасность и здоровое питание» (Е. В. Белова, С. В. Киселев, Т. А. Белугина, А. Ю. Белугин, Н. Т. Хожаинов), «Управление и инновации в агропродовольственном бизнесе» (Т. А. Белугина, С. В. Киселев), «Россия и ВТО» (С. В. Киселев), «Современные тенденции развития мировой торговли и ВТО» (С. В. Киселев). Кафедра выпустила учебник «Сельская экономика» и в настоящее время работает над несколькими учебниками и учебными пособиями.

/ 16

Емельянов А. М. (1982). Экономика сельского хозяйства: [Учебник для экон. спец. вузов и ун-тов] М.: Экономика.

/ 17

Труд руководителя. Учеб. пособие для руководителей подразделений предприятий сельского хозяйства. 1976. [Сост. А. М. Емельянов, В. И. Севостьянов, Н. С. Цыганков]. Под ред. А. М. Емельянова. М.: Экономика; Основы экономики и управления сельскохозяйственным производством. (1979). [Для бригадиров, заведующих фермами, управляющих отделениями и специалистов подразделений колхозов и совхозов]. Под ред. А. М. Емельянова. М.: Экономика; Емельянов А. М. (1984). Экономические и социальные проблемы реализации Продовольственной программы СССР. М.: Высшая школа; Интенсивное развитие агропромышленного комплекса: Учеб. пособие для специалистов и руководителей колхозов, совхозов, предприятий АПК. (1987). Под ред. А. М. Емельянова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Агропромиздат.

Кафедра не замыкается на внутрироссийской тематике: исследуются и вопросы международного сельского хозяйства, международной торговли, опыт других стран. В качестве примера таких работ последнего времени можно привести «Состояние и перспективы агропродовольственного экспорта России в страны Евразийского Экономического Союза», «Перспективы агропродовольственного экспорта России в страны БРИКС», «Экспортный потенциал агропродовольственной продукции России с учетом приоритета обеспечения продовольственной безопасности»¹⁸. Результаты исследований широко используются в преподавании в бакалавриате и магистратуре.

Важное значение имеет также междисциплинарный подход, который уже долгие годы культивируется на кафедре. Многие проблемы экологии исследуются в кооперации с факультетом почвоведения, а также с кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Вопросы продовольственной безопасности анализируются в сотрудничестве с Евразийским центром продовольственной безопасности МГУ (Аграрный центр МГУ). Различные аспекты деятельности Всемирной торговой организации, а также международной агропродовольственной торговли рассматриваются в тесном контакте с кафедрой мировой экономики экономического факультета МГУ.

/ 18

Киселев С. В., Ромашкин Р. А. (2021). Состояние и перспективы агропродовольственного экспорта России в страны Евразийского Экономического Союза. Проблемы прогнозирования, № 2; Ромашкин Р. А., Киселев С. В. (2020). Перспективы агропродовольственного экспорта России в страны БРИКС. АПК: экономика, управление, № 10; Белугин А. Ю. (2020). Экспортный потенциал агропродовольственной продукции России с учетом приоритета обеспечения продовольственной безопасности. Международный сельскохозяйственный журнал, № 6.

Научная школа С. К. Татура и А. Д. Шеремета

В. П. Суйц

д. э. н., профессор,
заведующий кафедрой учета,
анализа и аудита
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

О. В. Соловьева

д. э. н., профессор
экономического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова

А. Н. Хорин

д. э. н., профессор
экономического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова

Е. В. Старовойтова

к. э. н., доцент
экономического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова

О. А. Носова

генеральный директор
СРО ААС

Анатолий
Данилович
Шеремет

Сергей
Кузьмич
Татур

Развитие отечественной научной бухгалтерской мысли к середине прошлого столетия привело к относительно автономному развитию направления аналитического анализа данных бухгалтерского учета в сравнении с направлением решения проблемных задач исключительно на основе счетных и балансовых обобщений в рамках балансоведения. В отличие от ранее доминировавших идей, представленных в трудах Н. Р. Вейцмана, В. И. Стоцкого и других отечественных ученых, существенно изменился подход к раскрытию целей и содержания анализа хозяйственной деятельности предприятий. В центре внимания нового подхода оказывалась экономика предприятия как единого целого и как неотъемлемая часть народно-хозяйственного механизма страны. В 1942 году, впервые на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, преподавателями кафедры статистики и бухгалтерского учета, которую с 1943 года возглавил профессор Сергей Кузьмич Татур, начал читаться курс бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности.

Сергей Кузьмич Татур

Однако начальным моментом становления самостоятельной научной школы Татура–Шеремета на экономическом факультете можно считать 1949 год, когда под руководством Сергея Кузьмича Татура была организована самостоятельная кафедра бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности, которой он заведовал с 1943-го по 1972 год.

Сергей Кузьмич Татур (1897–1974) — советский ученый, д.э.н. (1939), профессор (1940), заслуженный

деятель науки РСФСР, автор более 140 научных работ, 15 из которых переведены на иностранные языки. Под его руководством было подготовлено 54 кандидатские и 7 докторских диссертаций. За научную и педагогическую деятельность С. К. Татур был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вся жизнь С. К. Татура была так или иначе связана с учетно-аналитическими дисциплинами. После окончания в 1916 году коммерческого училища он поступил в Московский коммерческий институт, прервав учебу в котором, в 1919 году вступил в ряды Красной Армии и ушел на фронт, где служил начальником финансового отдела военно-строительных работ. После демобилизации в 1923 году вернулся в Москву, где работал бухгалтером, а затем — главным бухгалтером Московского областного отдела Госрыбсиндиката и параллельно продолжал учиться. В 1925 году после окончания Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова был переведен на эквивалентные современной аспирантуре высшие двухгодичные педагогические курсы, где выполнил работу «Анализ балансов и методы его преподавания» и подготовил и опубликовал ряд статей в журнале «Счетоводство», а в 1927 году был оставлен на этих курсах в качестве старшего ассистента по кафедре бухгалтерского учета. Одновременно начал работать в Промышленной академии имени И. В. Сталина (Всесоюзная промышленная академия, расформирована в 1941 году). Работавший в академии до конца ее существования, Сергей Кузьмич в 1933 году был утвержден в ученой степени кандидата экономических наук (без защиты диссертации), а 1934 году — в звании доцента. В 1936 году он был утвержден и.о. профессора; в 1939 году защитил докторскую диссертацию «Методы анализа хозяйственной деятельности социалистических предприятий» и был утвержден в звании профессора (1940) и в ученой степени доктора экономических наук. После расформирования академии был переведен в Московский институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина, где заведовал кафедрой учета и статистики. Во время Великой Отечественной войны в конце июля 1941 года С. К. Татур был эвакуирован в Свердловск (ныне Екатеринбург) и назначен на временную работу в Уральский индустриальный институт имени С. М. Кирова (ныне Уральский

государственный технический университет—УПИ), где заведовал кафедрой учета и статистики и был деканом инженерно-экономического факультета. В 1943 году С. К. Татур вернулся в Москву и окончательно связал свою судьбу с экономическим факультетом Московского государственного университета, где проработал до конца жизни.

Основными направлениями научной и педагогической деятельности С. К. Татура были бухгалтерский учет, экономический анализ (он является одним из создателей учебной дисциплины «анализ хозяйственной деятельности») и хозяйственный расчет. На базе синтеза этих направлений сформировалась научная школа С. К. Татура.

Еще в 1934 году вышли работы С. К. Татура «Анализ отчета и контроль выполнения плана», «Анализ отчета промышленных предприятий», «Что должен знать мастер и бригадир о калькуляции и анализе себестоимости» (в соавторстве с Р. Я. Сецен). Эти работы Татура—наряду с трудами Н. Р. Вейцмана, А. А. Афанасьева, Э. Я. Локшина—положили начало новой экономической науке и учебной дисциплине—«анализу хозяйственной деятельности предприятия».

В 1951 году вышла написанная Татуром в соавторстве с А. Ф. Соколовским и В. Х. Мнацагоновой книга «Использование личных счетов экономии в борьбе за социалистические накопления в промышленности». Одновременно была опубликована работа «Хозрасчет и рентабельность. Пути укрепления хозяйственного расчета на промышленном предприятии».

В дальнейшем в свет вышли следующие монографии: «Хозяйственный расчет в промышленности» (1959)¹, где раскрыта объективная связь между хозрасчетом, учетом и экономическим анализом; в монографии «Анализ хозяйственной деятельности промышленных предприятий» (1964) решались теоретические проблемы экономического анализа и давался тщательно отработанный образец методики проведения анализа деятельности конкретного предприятия. В этой книге впервые введено понятие комплексного анализа. Вышедший под редакцией С. К. Татура «Курс анализа хозяйственной деятельности»² стал первым учебником, в котором в самостоятельный раздел были выделены

/ 1

Татур С. К. (1959). Хозяйственный расчет в промышленности. М.: Госфиниздат.

/ 2

Курс анализа хозяйственной деятельности. (1967). [Для вузов по специальностям «Финансы и кредит» и «Бухгалтерский учет.»] / Под ред. заслуж. деятелей науки РСФСР проф. М. И. Баканова и проф. С. К. Татура. 2-е изд., испр. и доп. М.: Финансы. (1-е издание—1959-й)

вопросы истории и теории экономического анализа, дана развернутая характеристика экономико-математических методов, используемых в анализе хозяйственной деятельности, и предложена методика их применения для всех разделов анализа, а также раскрыта сущность комплексного экономического анализа и дана методика его проведения.

Таким образом, конец 1950-х—начало 1970-х годов—период работы С. К. Татура над фундаментальными научными исследованиями в области анализа хозяйственной деятельности и хозрасчета, что можно считать первым этапом развития самостоятельной научной школы. В его публикациях были заложены основы нового научного направления—комплексного исследования хозрасчета, учета и экономического анализа, которое наиболее последовательно было реализовано в монографии «Хозяйственный расчет в промышленности». В монографии «Анализ хозяйственной деятельности промышленных предприятий» (1964) содержатся результаты основных разработок С. К. Татура в области экономического анализа—в ней впервые введено в отечественную литературу понятие комплексного экономического анализа.

Концепция анализа хозяйственной деятельности

Акценты аналитических процедур экономического анализа хозяйственной деятельности были не только расставлены на вопросах анализа данных бухгалтерской отчетности—в центре внимания формируемого нового подхода оказывалась экономика предприятия как единого целого, выступающего неотъемлемой частью народно-хозяйственного механизма страны (с раскрытием механизма экономических отношений и взаимодействий входящих в него подразделений и интеграционных связей с предприятиями, образующими тресты, производственные, научно-производственные и внешнеторговые объединения). На повестку дня выносились вопросы использования всего арсенала

учетно-отчетных данных в целях мобилизации усилий по выполнению плановых целевых показателей.

Вышесказанное позволяет выделить в качестве основных характеристик данного этапа развития научной школы обоснование объективной взаимосвязи хозрасчета, учета и экономического анализа и введение в научный оборот такого понятия, как комплексный экономический анализ.

Анатолий Данилович Шеремет

Развитие научной школы С. К. Татура в части разработки теории и методики комплексного экономического анализа было успешно продолжено его учениками, и в первую очередь — Анатолием Даниловичем Шереметом (1929–2020).

Вся жизнь А. Д. Шеремета связана с экономическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: студент, окончивший курс обучения с красным дипломом (1952); аспирант, досрочно и успешно защитивший кандидатскую диссертацию (1955); старший преподаватель (1955); доцент (1960); доктор экономических наук (1971); профессор, заведующий кафедрой учета, анализа и аудита (1972–2012); научный руководитель, профессор кафедры с 2012 года; свыше 40 лет — председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Бухгалтерский учет, статистика»; с 1991 года руководитель Учебно-методического центра МГУ по обучению и переподготовке профессиональных бухгалтеров и аудиторов — таков путь становления известного ученого и педагога.

За годы своей научной деятельности Анатолий Данилович подготовил и опубликовал свыше 350 работ (37 в зарубежных периодических изданиях) общим объемом более 1200 печатных листов. Он является автором или соавтором 23 научных монографий, 28 учебников и учебных пособий с грифом Министерства образования и науки России, выдержавших более семи изданий, 13 методик и практических пособий,

часть из которых рекомендована Минфином России в качестве типовых. О степени влияния научных идей А. Д. Шеремета, в частности, говорит такой индикатор, как индекс Хирша: по состоянию на 2020 год он составил 65, количество цитируемых ссылок— более 20 тыс., в том числе свыше тысячи ссылок в зарубежных изданиях. Под его руководством защищены 60 кандидатских диссертаций, он был консультантом 27 успешно защищенных докторских диссертаций. Научная деятельность А. Д. Шеремета отмечена различными грамотами и наградами, он удостоен званий заслуженного деятеля науки РСФСР (1980) и заслуженного экономиста Российской Федерации (1998).

Комплексная система экономического анализа

Концепция комплексного анализа хозяйственной деятельности, получившая развитие в работах А. Д. Шеремета и введенная им в активный научный и практический оборот, по своему охвату и содержанию не только отражала преемственность ранее сложившейся научной школы анализа деятельности экономических субъектов в условиях социалистического хозяйства, но придала ей системно описанный, разносторонне представленный, целостный и законченный вид.

Системное раскрытие аналитических данных, отражающих процессы и результаты хозяйственной деятельности, позволяло как наглядно показать и формализовать объективно существующие связи между элементами и подсистемами экономического механизма предприятий, так и целенаправленно увязать их с системами управления и контроля за деятельностью экономического субъекта, а также обосновать тесную связь экономики предприятия с народно-хозяйственным экономическим механизмом страны. Многоаспектное рассмотрение хозяйственной деятельности от момента учреждения предприятия, осуществления им основной деятельности, развития материально-технической базы путем капитального строительства,

снабженческой и сбытовой деятельности, включение в область исследования деятельности показателей организационно-технического уровня производства и труда, экологических и социальных внешних факторов окружающей среды представляло качественно новое восприятие деятельности предприятий промышленного характера.

Целостное единство комплексной системы анализа хозяйственной деятельности обеспечивалось увязкой отчетных и учетных показателей по подразделениям предприятия, технико-производственных и финансово-экономических, плановых и отчетных показателей, данных статистического и бухгалтерского учета и отчетности. Законченный характер системного описания экономического механизма предприятия через предложенную систему комплексного экономического анализа позволял рассматривать предприятие как инвариантную модель, не зависящую от вида экономической деятельности и отраслевой принадлежности. Эта система по логике построения являлась открытой для включения в ее конфигурацию конъюнктурных и стратегических аспектов, приобретающих актуальность и значимость в меняющейся внешней экономической среде.

Разработанная профессором А. Д. Шереметом комплексная система экономического анализа давала научным, педагогическим работникам и практикам методологический и методический инструментарий для формирования функциональной и практически значимой информации, существенно восполнявшей информационные пробелы в учетной системе и в значительной степени повышавшей информационную ценность данных системного бухгалтерского и статистического учета и отчетности. Методика комплексного экономического анализа доказала свою полезность и конструктивность в условиях планового ведения хозяйства в анализе выполнения годовых планов государственных предприятий, в анализе и оценке пятилетних планов и программ социально-экономического развития предприятий и объединений, в исследовании результатов проводимых экономических экспериментов и реформ в рамках совершенствования хозяйственного механизма страны.

Новые методы анализа

Начальный период рыночных преобразований в стране объективно обусловил необходимость тестирования ранее сложившихся взглядов и подходов к моделированию информационного сопровождения экономической деятельности хозяйствующих субъектов, поскольку возникла потребность не только в использовании учетной и отчетной информации для выполнения управленческих и контрольных функций, но и в коммуникации с участниками товарных и финансовых рынков. Важно, что разработанная принципиальная концептуальная основа комплексного анализа осталась актуальной, устойчивой к привнесенным новым индикаторам бизнеса к ликвидации централизованно устанавливаемых заданий, к изменению методологии расчета ключевых показателей деятельности, к модификации форматов отчетной информации, к существенному повышению роли финансовых и рыночных показателей, к смене критериев эффективности и успешности деятельности). А. Д. Шеремет уделял внимание не только описательным методам анализа деятельности единичного хозяйствующего субъекта, но также экономико-статистическим и математическим методам обработки учетной и отчетной информации в статическом и динамическом аспектах. В этот период А. Д. Шеремет вел интенсивную работу по выяснению аналитических возможностей информационной ценности результатов, получаемых в процессе анализа и формируемых в рамках ранее выработанной парадигмы. В разных изданиях были переизданы с дополнениями и частичной переработкой и актуализацией материала учебники для студентов высших учебных заведений по теории экономического анализа, комплексного анализа хозяйственной деятельности, экономического анализа, бухгалтерского учета и анализа, анализа и диагностики финансово-хозяйственной деятельности предприятия, новые учебники по управленческому учету и аудиту. Для повышения квалификации профессиональных бухгалтеров и аудиторов были подготовлены издания, утвержденные Министерством финансов РФ: финансы предприятий,

методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. Влияние идей комплексного анализа экономической деятельности предприятий оказалось настолько убедительным и конструктивным, что многие последователи этой концепции разрабатывали ее в порядке раскрытия базовых взаимосвязей системы со специфическими или специальными направлениями и проблемными вопросами анализа (в условиях финансовой нестабильности (инфляции) экономики, выработки методов аудиторских доказательств, проведения анализа в значимых сегментах экономической деятельности со спецификой используемых бизнес-процессов).

Начиная с последней декады 1990-х годов в научной и практически ориентированной специальной литературе стали чаще появляться разработки, ориентированные на раскрытие бизнеса как логически описанной в существенных аспектах системы: стратегические карты (Каплан и Нортон, 1996)³, стратегические карты (Мейсель, 1992)⁴, пирамида деятельности компании (Мак-Найр, Линч, Кросс, 1990)⁵, модель оценки эффективности и роста (Адамс-Робертс, 1993)⁶, модель понимания природы бизнеса (Стьюарт, 1997)⁷, циклическая модель бизнеса (Хелферт, 1985)⁸. Вариант описания модели бизнеса также включен в число базовых концепций подготовки интегрированной отчетности компаний. Следует особо отметить, что научный приоритет в постановке проблемы и разработке базовой парадигмы моделирования экономической деятельности предприятий (компаний) принадлежит профессору А. Д. Шеремету.

Под непосредственным научным руководством профессора А. Д. Шеремета аспирантами и докторантами были выполнены исследовательские и диссертационные работы по развитию методов, повышающих степень обоснованности и достоверности результатов маркетингового, инвестиционного, проектного, инновационного и финансового анализа, диагностики полученных аналитических индикаторов.

Отметим, что в своих последних работах А. Д. Шеремет уделял много внимания задаче формирования нефинансовой отчетности и интегрированной отчетности — одной из актуальных проблем

/ 3

Kaplan, R. S., & Norton, D. P. (1996). Using the balanced scorecard as a strategic management system, *Harvard Business Review*. January-February.

/ 4

Maisel, L. S. (1992). Performance measurement. The balanced scorecard approach. *Journal of Cost Management*, Summer.

/ 5

McNair, C. J., Lynch, R. L., & Cross, K. F. (1990). Do financial and nonfinancial performance measures have to agree? *Management Accounting*, November.

/ 6

Adams, C., & Roberts, P. (1993). You are what you measure. *Manufacturing Europe*.

/ 7

Stewart, T. A. (1997). Intellectual capital. *The New Wealth of Organizations*, NY, Currency Doubleday.

/ 8

Helfert, E. A. (1985). Techniques of financial analysis, R. D. IRWIN, INC.

современной науки и практики в контексте целей устойчивого развития⁹. Чисто экономический подход к организации и ведению бизнеса считается слишком узким — на смену измерению эффективности бизнеса в форме прибыли приходит более широкий взгляд: в дополнение к финансовым результатам необходима оценка влияния компаний на экологию, социальную сферу, а также оценка способов корпоративного управления, что очевидно влияет на подходы к комплексному экономическому анализу и на формирование соответствующей блок-схемы.

В указанных работах развивались идеи анализа экономических результатов деятельности в контексте инклюзивного экономического роста (взаимосвязи прибыли и добавленной стоимости); анализа формирования финансовых результатов деятельности компаний в связи с последствиями экологического и социального характера (взаимовлияния коммерческих выгод и общественной полезности внешних эффектов); анализа формирования комплексной результативности отчетного периода и ценности бизнеса на ближайшую и отдаленную перспективу и др.

Развитие научной школы Татура–Шеремета

Таким образом, к результатам описанных этапов формирования научной школы А. Д. Шеремета (в развитие научной школы своего учителя С. К. Татура) относятся:

1. Теория и методология комплексного экономического анализа деятельности предприятий.
2. Типовая методика практического комплексного анализа деятельности предприятий.
3. Новый математический метод факторного анализа, получивший название «интегральный».
4. Пятифакторная модель рентабельности активов на базе показателей интенсификации производственных и финансовых ресурсов.

/ 9
 Суйц В. П., Хорин А. Н., Шеремет А. Д. (2020). Комплексный анализ и аудит интегрированной отчетности по устойчивому развитию компаний. М: Инфра-М; Шеремет А. Д., Хорин А. Н. (2020). Теория экономического анализа. Учебник. М: Инфра-М.

5. Система абсолютных и относительных показателей комплексной оценки эффективности хозяйственной деятельности.
6. Методика комплексной сравнительной оценки финансовой устойчивости на основе авторского «метода расстояний».
7. Методика рейтинговой оценки финансовых и нефинансовых показателей устойчивого развития предприятий по данным интегрированной отчетности (финансовой, социальной и экологической).

Это позволяет говорить о сформировавшейся на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова научной школе Татура–Шеремета, логически взаимосвязанными этапами развития которой стали обоснование объективной взаимосвязи хозрасчета, учета и экономического анализа и введение в научный оборот понятия комплексного экономического анализа; разработка детальной системы показателей комплексного анализа хозяйственной деятельности, доказавшая свою полезность в условиях планового ведения экономики; развитие данной системы за счет использования математического аппарата; актуализация системы комплексного экономического анализа в условиях рыночной экономики; и наконец, включение проблематики устойчивого развития в методики комплексной оценки результатов деятельности предприятия.

Говоря об учениках С. К. Татура, нельзя не упомянуть Светлану Иозефовну Полякову (1928–2018), вся жизнь которой связана с Московским университетом, где она проработала 56 лет. В 1947 году С. И. Полякова поступила на юридический факультет университета, по окончании которого работала в иностранном отделе ректората МГУ имени М. В. Ломоносова— стояла у истоков сотрудничества университета с зарубежными вузами, многое сделала для его успешного развития, укрепления в сложных условиях «холодной войны» доверия и взаимопонимания между научными специалистами, студентами СССР и зарубежных стран. В 1962 году С. И. Полякова начала работать на кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности экономического факуль-

тета МГУ имени М. В. Ломоносова, в 1966 году стала старшим преподавателем кафедры, в 1970 году получила ученую степень кандидата экономических наук, с 1972 года работала доцентом кафедры. Результаты ее исследований опубликованы в 7 научных монографиях и 7 Положениях о внутрихозяйственном расчете. Всего С. И. Поляковой опубликовано 85 работ, в том числе 13 учебных пособий по бухгалтерскому учету. Под научным руководством С. И. Поляковой защищено 33 кандидатские диссертации.

С. И. Полякова являлась признанным руководителем научной школы по проблемам хозяйственного расчета и бухгалтерского учета (внутрихозяйственный расчет и его учетно-аналитическое обеспечение). Сфера научных интересов С. И. Поляковой — практические и теоретические вопросы организации хозяйственного расчета; организация и методика внутрипроизводственного учета и анализа; система планово-оценочных показателей и методики анализа и оценки результатов деятельности структурных подразделений предприятия. К научным проблемам, разработанным в ее трудах, можно отнести: обоснование общих закономерностей развития и внедрения хозрасчетных отношений; проблему выбора механизма хозрасчета, позволяющего использовать его принципы с учетом конкретных условий отрасли и предприятия; вопросы производственно-оперативной самостоятельности подразделений предприятия; критерии и подходы к формированию экономических показателей; проблему организации на предприятии нормирования, планирования и учета; вопросы организации экономического анализа внутри предприятия, которые остаются актуальными и в нынешних условиях хозяйствования. С. И. Поляковой была разработана уникальная университетская методика преподавания бухгалтерского учета, базирующаяся на системном и комплексном подходе к формированию показателей бухгалтерской отчетности и являющаяся одним из основных источников информационного обеспечения анализа деятельности хозяйствующих субъектов.

Педагогическая работа

Сергей Кузьмич Татур, Анатолий Данилович Шеремет, Светлана Иозефовна Полякова были выдающимися учеными, получившими международное признание, но одним из главных своих дел они считали педагогическую работу, которая позволяла делиться научными разработками школы с молодыми учеными.

С. К. Татур был прирожденным педагогом, прекрасным лектором — его слушателями была не только широкая учебная аудитория студентов, аспирантов, преподавателей, но и обширный круг хозяйственных работников, практиков. О силе воздействия лекций С. К. Татура хорошо сказал д.э.н., профессор, в ту пору главный бухгалтер крупного промышленного предприятия Виталий Федорович Палий: «Двухчасовая лекция С. К. Татура воспринималась легко и свободно, как небольшое выступление. Она поразила красотой логики, глубиной обобщения хорошо известной мне практики, зародила интерес к самой проблеме, заставила думать о путях ее решения, как-то незаметно возникло желание исследовать проблему, научно обобщить знакомую практику. Родилась кандидатская диссертация».

А. Д. Шеремет огромное внимание уделял учебно-методической работе. На его учебниках выросло не одно поколение российских ученых. Он был автором первого в стране учебника по анализу экономики предприятий для факультета журналистики (1967)¹⁰; первого в стране университетского учебного пособия по теории экономического анализа (1971)¹¹, в дальнейшем переработанного вместе с профессором М. И. Бакановым в основной учебник для экономических специальностей вузов (1981)¹², и личного учебника «Теория экономического анализа» (2002)¹³; первого в стране учебника «Комплексный анализ хозяйственной деятельности» (2006)¹⁴. Еще в 70-х годах прошлого века им был создан университетский курс анализа хозяйственной деятельности, развивавший идеи его учителя профессора С. К. Татура. Современные студенты до сих пор изучают дисциплину «Бухгалтерский учет и анализ» по одноименному учебнику, третье издание которого вышло в 2020 году (авторы А. Д. Шеремет и Е. В. Старовойтова)¹⁵. Педагогическая

/ 10

Шеремет А. Д. (1967). Анализ экономики промышленных предприятий. [Допущено МВ и ССО СССР в качестве учебного пособия для студентов факультетов журналистики университетов.] М.: Высшая школа.

/ 11

Шеремет А. Д. (1971). Развитие теории экономического анализа в условиях хозяйственной реформы. М.: Издательство Московского университета.

/ 12

Баканов М. И., Шеремет А. Д. (1981). Теория экономического анализа. [Учеб. пособие с грифом Минвуза СССР.] М.: Финансы и статистика.

/ 13

Шеремет А. Д. (2002). Теория экономического анализа. Учебник. М.: ИНФРА-М. (Учебник неоднократно переиздавался.)

/ 14

Шеремет А. Д. (2006). Комплексный анализ хозяйственной деятельности. Учебник. М.: ИНФРА-М. (Учебник неоднократно переиздавался.)

/ 15

Бухгалтерский учет и анализ. (2020). Учебник / А. Д. Шеремет, Е. В. Старовойтова; под общ. ред. проф. А. Д. Шеремета. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М.

деятельность А. Д. Шеремета отмечена званиями лауреата Ломоносовской премии «За педагогическую деятельность» (1974), званием «Заслуженный профессор МГУ» (1994), нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования Российской Федерации» (2001).

С. И. Полякова является разработчиком университетской методики преподавания курса «Бухгалтерский учет», которая нашла отражение в учебном пособии «Бухгалтерский учет», изданном в 2004 году в рамках проекта «Учебники экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (авторы С. И. Полякова, Е. В. Старовойтова, О. В. Соловьева)¹⁶. Методические наработки С. И. Поляковой и сегодня лежат в основе логики преподавания курса.

А. Д. Шеремет и С. И. Полякова уделяли много внимания и распространению новых системных научных знаний при разработке подхода к образованию практикующих бухгалтеров. А. Д. Шеремет был организатором в МГУ имени М. В. Ломоносова одного из первых в России Учебно-методического центра обучения и переподготовки профессиональных бухгалтеров и аудиторов (1991), в котором более 40 тысяч слушателей прошли обучение для сдачи квалификационных экзаменов на получение квалификационного аттестата профессионального бухгалтера или аудитора, а также повышение квалификации бухгалтеров и аудиторов. С. И. Полякова была руководителем отдела методологии этого учебного центра. Она как редактор-составитель и автор принимала участие в разработке первых в России Программ проведения квалификационного экзамена на получение квалификационного аттестата профессионального бухгалтера, а также квалификационного аттестата аудитора (общий аудит) и в последующей редакции этих программ. Кроме того, она была редактором-составителем более 10 программ для повышения квалификации профессиональных бухгалтеров.

Таким образом, в новых условиях хозяйствования, потребовавших особого внимания к подготовке профессиональных бухгалтеров, обладающих умением ориентироваться в динамично изменяющейся рыночной экономике, А. Д. Шеремет и С. И. Полякова стояли у истоков создания в России профессии современного бухгалтера и аудитора.

/ 16

Полякова С. И., Старовойтова Е. В., Соловьева О. В. (2004). Бухгалтерский учет: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М. [Учебники экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.]

Признание идей А. Д. Шеремета

В 1989 году А. Д. Шеремет создал Ассоциацию бухгалтеров СССР, которая была преобразована в Ассоциацию бухгалтеров и аудиторов «Содружество», а позже — в СРО аудиторов Ассоциацию «Содружество» (до 2019 года он бессменно возглавлял «Содружество», будучи его Президентом), и это послужило началом профессиональной организации членов бухгалтерской профессии. А. Д. Шеремет был основателем аттестации и повышения квалификации профессиональных бухгалтеров и одним из создателей Института профессиональных бухгалтеров; при его непосредственном участии зарождалась аттестация аудиторов и становление аудиторской профессии в целом. За большой вклад в реализацию правительственной программы по реформированию бухгалтерского учета в Российской Федерации А. Д. Шеремет поощрен благодарностью Президента РФ (1999), Почетной грамотой Президента РФ «За заслуги в научной и педагогической деятельности, подготовке квалифицированных специалистов» (2018), правительственными наградами России, Узбекистана, Казахстана и Вьетнама, Благодарностями Председателя Государственной думы, Совета Федерации, Министров финансов и экономического развития страны.

Наряду с научной и педагогической деятельностью А. Д. Шеремет всегда вел большую научно-практическую общественную работу. Его активное участие в различных организациях (например, в Методологическом Совете при Минфине России, в Консультативном совете Комиссии по аудиторской деятельности при Президенте РФ, в Совете по аудиторской деятельности при Минфине РФ и др.) было направлено на решение вопросов образования, аттестации и повышения квалификации бухгалтеров и аудиторов; им внесен огромный вклад в развитие международного сотрудничества и подготовки кадров для нашей профессии. А. Д. Шеремет был председателем редакционного совета журнала «Аудит», членом редакционной коллегии журналов «Экономический анализ» и «Аудит и финансовый анализ», заместителем председателя экспертного совета ВАК СССР в 1975–1983 годах.

О значимости научной школы Татура–Шеремета для экономической науки свидетельствуют как официальные награды А. Д. Шеремета, так и масштаб признания его научных идей и разработок современными российскими и зарубежными учеными, работающими в различных университетах.

Научная и педагогическая деятельность А. Д. Шеремета отмечена государством. Наряду со званием «Заслуженный деятель науки РФ» (1980), «Заслуженный профессор Московского университета» (1994), «Заслуженный экономист РФ» (1998), А. Д. Шеремет удостоен правительственных наград: медали «За доблестный труд» (1970); нагрудного знака Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» (1979); медали «Ветеран труда» (1986); знака «Ударник 11-й пятилетки» (1987); медали «В память 850-летия Москвы» (1997); медали ордена «За заслуги перед отечеством» II степени (2005).

Научные разработки А. Д. Шеремета широко используются российскими учеными. Д.э.н., профессор Маргарита Викторовна Мельник (Финансовая академия) вспоминает: «Ссылки на его работы можно найти в любом издании не только учетно-аналитического профиля, но и в любых исследованиях по экономике, ибо именно аналитическое мышление, аналитические процедуры и методы помогают выявить и оценить устойчивые тенденции развития, перейти от качественных к количественным оценкам, не только констатировать происходящее, но и определить, почему и в результате каких изменений сложилась анализируемая ситуация».

О зарубежном признании значимости научных идей А. Д. Шеремета свидетельствует то, что он был почетным доктором Тартуского университета, почетным профессором Ташкентского государственного экономического университета, Алма-Атинской академии экономики и статистики, почетным академиком Международной академии экономики и финансов (Казахстан), действительным членом Международной академии менеджмента, Международной экономической академии Евразии, Академии экономических наук Украины, сертифицированным бухгалтером Международной ассоциации бухгалтеров, почетным членом

Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, Палаты Аудиторов Азербайджанской Республики, членом Международной ассоциации бухгалтерского образования и научных разработок, Европейской ассоциации бухгалтеров (ЕАА), Евразийской региональной группы бухгалтеров и аудиторов (ЕРГБА).

Идеи А. Д. Шеремета о необходимости комплексного и системного подхода к анализу и моделированию хозяйственной деятельности развиваются современными зарубежными исследователями, учениками и последователями школы в разных странах.

Так, Тоомас Халдма (профессор Тартуского университета (Эстония) и Бизнес-школы университета Норд (Норвегия)) отмечает, что «комплексный подход к анализу финансовой отчетности и другим методам финансового анализа, созданный профессором А. Д. Шереметом и его коллегами, был признан и применялся в различных университетах в республиках бывшего СССР. Научные результаты школы А. Д. Шеремета и международные связи кафедры внесли позитивный вклад в научные исследования по тематике учета и анализа в различных европейских странах. Например, девять исследователей из университетов Эстонии защитили кандидатские и докторские диссертации в МГУ, что оказало огромное влияние на развитие научных исследований в области экономики и управления бизнесом в Эстонии. Методологический подход, созданный А. Д. Шереметом и его школой, остается также высоко актуальным в современной бизнес-среде. Необходимость аналитического и комплексного подхода к оценке результатов деятельности компаний и управлению этими результатами, включая как финансовые, так и нефинансовые показатели деятельности различных организаций, постоянно расширяется, затрагивая не только экономические, но и экологические, и социальные аспекты устойчивого развития и интегрированной отчетности. А. Д. Шеремет и его коллеги внесли существенный вклад в развитие данной тематики, которая является актуальной для исследователей из университетов Эстонии, Литвы и Польши». Председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательству Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, председатель Союза

экономистов Азербайджана академик Зияд Самедзаде и председатель Палаты аудиторов Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор Вахид Новрузов подчеркивают, что А. Д. Шеремет сформулировал и обосновал «научные положения, совокупность которых можно классифицировать как новое перспективное направление в развитии бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности» и был «основателем школы проблем комплексного экономического анализа и его информационного обеспечения». Председатель Совета Национальной Ассоциации бухгалтеров и аудиторов Узбекистана, профессор кафедры «Экономический анализ и аудит» ТГЭУ, д.э.н., профессор М. М. Тулаходжаева говорит о том, что А. Д. Шеремет внес огромный вклад в формирование научных кадров Республики Узбекистан, поскольку под его руководством было подготовлено «более 50 кандидатов и около 10 докторов наук». Президент Ассоциации бухгалтеров Латвийской Республики Андрей Пономарев считает, что достижения А. Д. Шеремета «являются ярким примером педагогической и научной деятельности».

Идеи А. Д. Шеремета о необходимости комплексного подхода к формированию и анализу бухгалтерской информации, включая взаимосвязь и взаимовлияние данных производственного, управленческого и финансового учета, нашли отражение и на международном уровне. Постоянная рабочая группа экспертов ООН по международным стандартам учета и отчетности (Standing Intergovernmental Working Group of Experts on International Standards of Accounting and Reporting — ISAR), координируемая Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2019 году подготовила Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе в достижение Целей устойчивого развития. Инициатором проекта и руководителем группы авторов этого документа, который основывается на комплексном подходе А. Д. Шеремета, стала заместитель директора Департамента по Инвестициям и Предприятиям ЮНКТАДа, выпускница кафедры учета, анализа и аудита Татьяна Борисовна Крылова.

Научная школа Татура-Шеремета продолжает успешно развиваться сотрудниками кафедры учета,

анализа и аудита. Системный, комплексный подход к научной трактовке процессов формирования информации о деятельности предприятия и анализу такой информации является визитной карточкой кафедры. Развиваются такие научные направления, как «комплексный анализ финансовой отчетности с целью выявления фактов фальсификации», «система российских стандартов бухгалтерского учета», «система международных стандартов финансовой отчетности», «система управленческого учета», «система аудиторских стандартов» и др. Одним из наиболее перспективных научных направлений представляется развитие идеи А. Д. Шеремета о необходимости включения в комплексный анализ хозяйственной деятельности нефинансовых показателей (экологических, социальных, управленческих) на регулярной основе, а также разработка порядка формирования и представления таких показателей в контексте целей устойчивого развития.

Системность и комплексность научной школы проявляется и в педагогической работе кафедры, которая важна с точки зрения передачи научных знаний студентам. Разработанная под руководством А. Д. Шеремета линейка логически взаимосвязанных курсов, предлагаемых кафедрой учета, анализа и аудита, пользуется неизменной популярностью у студентов экономического факультета и регулярно актуализируется для отражения современных проблем. Методика преподавания обновляется с учетом необходимости внедрения в преподавание элементов онлайн-обучения.

Созданная на экономическом факультете в 2015 году в партнерстве с ведущими международными профессиональными организациями в области учета и финансов (Глобальной профессиональной ассоциацией АССА (Association of Chartered Certified Accountants) и Институтом дипломированных бухгалтеров Англии и Уэльса (Institute of Chartered Accountants in England and Wales—ICAEW)) магистерская программа «Международная корпоративная отчетность и аудит» также базируется на системном подходе научной школы Татура-Шеремета, предлагая набор логически взаимосвязанных курсов, позволяющих получить в том числе часть международно признаваемой бухгалтерской квалификации.

Влияние научной школы Татура–Шеремета можно увидеть и в современных научных публикациях российских ученых в ведущих научных журналах, например в журнале «Аудит», который входит в перечень ВАК и главным редактором которого является д.э.н., профессор, главный научный сотрудник кафедры учета, анализа и аудита Владимир Тигранович Чая.

Идеи А. Д. Шеремета находят отражение в научных работах студентов и аспирантов кафедры, студентов магистерской программы «Международная корпоративная отчетность и аудит» экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Организована молодежная секция ежегодной научно-практической конференции «Татуровско-Шереметовские чтения», где молодые ученые представляют свои научные исследования.

Е. З. Майминас: концепция социально- экономического генотипа

В. Л. Тамбовцев

д. э. н., профессор
экономического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова

Ефрем
Залманович
Майминас

**Как в советскую
экономическую науку
«проникла»
экономическая
кибернетика:
динамика
идеологического фона**

В конце 1950-х—начале 1960-х годов у советских экономистов возникла возможность если не вообще уйти от идеологической «политэкономии», то хотя бы двинуться в направлении решения тех задач, которыми занималась мировая экономическая наука. Это стало возможно потому, что к тому времени группе математиков и инженеров, работавших преимущественно в оборонном комплексе, удалось убедить партийное руководство страны в том, что кибернетика—это не «реакционная лженаука, возникшая в США после Второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма», как утверждал «Краткий философский словарь» (1954) в статье «Кибернетика»¹, а направление исследований, без которого невозможно обеспечить процессы управления современными технологиями во всех отраслях экономики.

История этого непростого процесса детально описана в статье Д. А. Поспелова «Становление информатики в России», опубликованной в сборнике «Очерки истории информатики в России», вышедшем в свет в Новосибирском Научно-издательском центре ОИГТМ СО РАН в 1998 году. В этой статье охарактеризованы также последствия «легитимации» кибернетики для эко-

/ 1
Краткий философский словарь, под ред. М. Розенталя, П. Юдина, 4-е изд., дополненное и исправленное. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954, с. 236–237.

номической науки, включая появление в 1958 году в Ленинградском государственном университете специальности «Экономико-математические расчеты». В 1960 году экономико-математическое отделение было открыто и на экономическом факультете МГУ, а в 1964 году специальность под новым именем «Экономическая кибернетика» начала широко распространяться по всей стране. Усилиями академика В. С. Немчинова в 1963 году был создан Центральный экономико-математический институт АН СССР (ныне ЦЭМИ РАН), подразделения которого позже возникли в ряде городов страны.

Занятия на экономико-математическом отделении (позднее — отделении «Экономическая кибернетика») экономического факультета МГУ по стандартной политэкономической тематике велись профессорами и преподавателями соответствующей кафедры, по математике — сотрудниками кафедры математических методов анализа экономики (ММАЭ), а по собственно профессиональным дисциплинам — наряду с работниками самой кафедры во многом также сотрудниками ЦЭМИ как преподавателями — совместителями ММАЭ. Для студентов это создавало уникальную творческую атмосферу, когда на лекциях они слышали не о том, что всем давно известно, а о том, что лектор лично создал буквально вчера или вообще еще только продумывал. Вопросы и споры на подобных лекциях были нормальным явлением, и нередко на следующих занятиях преподаватели говорили: «Да, в модели такой-то, которую мы обсуждали на предыдущей лекции, нужно слегка изменить параметр...». Живое участие в научном творчестве для студентов кафедры ММАЭ (конечно, не для всех, а для тех, кому это было интересно) стало вполне доступной нормой.

Что такое социально- экономический генотип

Как известно, кибернетика изучает процессы управления в природе и обществе как процессы создания, передачи, преобразования и применения инфор-

мации. Экономическая кибернетика анализирует все эти информационные процессы в различных экономических системах — от индивида, домохозяйства (семьи) и фирмы до глобальной экономики. Исследование информационных механизмов, функционирующих в ходе эволюции всех перечисленных и других экономических систем, составляет неотъемлемую часть экономической кибернетики. Поскольку экономическая кибернетика трактует экономические системы как общую часть (пересечение) природной и социальной систем, социальные отношения в ней в значительной мере входят в экономические системы, дополняя собственно экономические взаимодействия людей.

Сочетание системного, эволюционного и информационного подходов и обуславливает содержание понятия социально-экономического генотипа (СЭГ). Он определяется как информационный механизм социального наследования и социальных изменений, обеспечивающий воспроизводство структуры, правил функционирования, процессов обучения (отбора, запоминания и распространения позитивного опыта) в той или иной общественной системе. Таким образом, СЭГ включает все три аспекта механизма социальной эволюции: наследственность, изменчивость и селекцию.

Разнообразие функций СЭГ определяет его достаточно сложную структуру. Она включает блоки — преобразователи информации, а также ряд прямых и обратных связей между ними и с внешней средой. Блоки-преобразователи включают не только принятие решений, но также классификацию, обобщения (агрегирования) данных, их фильтрацию и т. п.

Внутри СЭГ есть два основных механизма: жесткого регулирования и самообучения. В обоих действует нескольких контуров: правового, административно-организационного, морально-воспитательного и экономического регулирования. Эти контуры проявляются через стереотипы поведения, императивные и диспозитивные нормы, а также через внутренние стимулы к самообучению.

Множество стереотипов, норм и внутренних стимулов может оказаться как внутренне согласованным, так и противоречивым, но именно оно определя-

ет действия индивидов, которые могут оказаться как успешными, так и неудачными по своим результатам. Если действие оценивается как успешное — например, полное и своевременное выполнение плана, — это закрепляет сложившееся множество стереотипов, норм и стимулов. Напротив, если действие привело к неудаче, включается механизм выявления ее источников, которыми зачастую оказываются несогласованности упомянутых стереотипов, норм и стимулов, а также их совокупностей — контуров правового, административно-го и т. п. регулирования.

Именно это сложное устройство СЭГ позволяет ему выполнять все три функции эволюции для различных социально-экономических систем. Важно подчеркнуть, что все перечисленные элементы в таких системах могут быть эмпирически выявлены (конечно, с разными усилиями для систем разных масштабов), что дает основания считать СЭГ не просто метафорой, перенесенной в экономическую науку из биологии, а вполне работающим понятием.

Впервые концепция СЭГ была представлена научной общественности ее автором, Ефремом Залмановичем Майминасом, в тексте доклада, присланного им на международный научный семинар, который проходил 5–10 апреля 1965 года в Берлине (столице ГДР)².

Следует отметить, что понятие «генотип» было введено в экономическую теорию несколько ранее — в 1961 году, в неопубликованной статье (в рабочих заметках, *working paper*) К. Боулдинга³. Однако Боулдинг трактовал генотипы в экономике совсем иначе. Он писал: «Экономическое развитие проявляется главным образом в производстве товаров — вещей и услуг. Однако оно начинается с идей, планов и подходов в человеческой голове. Это — генотипы экономического развития». Такое понимание сохранилось у него и в дальнейшем: так, в 1989 году, характеризуя аналогии между биологической и экономической науками, он писал о том, что если одна из задач первой — понять, как генотипы превращаются в фенотипы, то схожая задача для второй — понять, как планы и чертежи дома трансформируются в реальные строения⁴.

Тем самым концепция СЭГ, трактуемого более детально в привязке к экономическим системам,

/ 2

Майминас Е. Э. (1965). Некоторые экономико-кибернетические аспекты и проблемы оптимального планирования. В сб.: Материалы международного научного семинара по вопросам оптимизации и межотраслевого баланса. 5–10 апреля 1965 г. Берлин: Эконом.-исслед. институт при ГПК ГДР. Ротапринт.
Maiminas, J. (1967). Einige ökonomisch-kybernetische Aspekte und Probleme der optimalen Planung. In: ökonomische Modell, Planung und Leitung der Volkswirtschaft. Berlin: Verlag die Wirtschaft. Н. 11; S. 39–92.

/ 3

Boulding, K. E. Economic Development as an Evolutionary System (1961, 1964). Его подход, включая представления об аналоге генотипов в экономике, был представлен широкой научной общественности существенно позднее, в 1977 году (Boulding, K. (1977). Economic Development as an Evolutionary System, Fifth World Congress of the International Economic Association, Tokyo, Aug.-Sept. 1977).

/ 4

Boulding, K. E. (1989). Punctuationalism in societal evolution. Journal of Social and Biological Structures, Vol. 12, Iss. 2–3, pp. 213–223.

а не к отдельному индивиду, находилась на передовых рубежах мировой экономической науки, обогнав некоторые из ее направлений, например экономику организаций, о чем мы поговорим ниже.

**Е. З. Майминас
и его работа
на кафедре ММАЭ
экономического
факультета МГУ**

Ефрем Залманович Майминас достаточно подробно описал свою жизнь и работу в автобиографической книге «Анкета» (463 страницы), вышедшей в свет в 2000 году в Москве, однако она давно стала, что называется, библиографической редкостью⁵, поэтому, опираясь на нее, приведем здесь некоторые моменты жизни Е. З. Майминаса, связанные с возникновением и развитием обсуждаемой нами идеи.

Е. З. Майминас родился в 1932 году в литовском городе Каунасе, в 1953-м окончил экономический факультет Вильнюсского государственного университета по специальности «политическая экономия», а в 1958-м защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу экономической мысли в Литве в период 1919–1940 годов. С 1955-го по 1965 год работал на кафедре политэкономии Вильнюсского университета, преподавал много разных курсов, включая политэкономия капитализма и социализма, а также курс истории экономических учений.

Об этой работе он позже писал в «Анкете»: «Год за годом я преподавал политэкономия, но радости в труде не знал. Все сильнее тяготила меня жесткая идеологическая заданность моего “предмета”, все скучнее становилось заниматься “отраженной”, вторичной и третичной экономической мыслью глубоко провинциальной в этом отношении Литвы. Во весь рост передо мной вставал вопрос о моих научных перспективах».

Такие перспективы, как мы отмечали выше, возникли в конце 1950-х годов: «В то время в ведущем советском экономическом журнале “Вопросы экономики”

/ 5
Майминас Е. З. (2000).
Анкета. М.: Полиграфикс,
463 с.

(№ 4, 1959 г.) вышла статья академика В. С. Немчинова «Современные проблемы советской экономической науки»⁶. На меня как бы пахнуло свежим ветром, а в нем наиболее новая струя — применение математики в экономике. Внимательно прочел, хорошенько подумал и — за дело. Так что по праву можно считать, что 1959 год был для меня переломным — начался крутой поворот, который определил всю вторую половину моей жизни».

Уже в следующем, 1960-м, году по инициативе академика В. С. Немчинова и при поддержке ректора Вильнюсского университета Й. Кубилюса, а также академика А. И. Берга при университете была создана лаборатория экономических исследований, нацеленная на решение практических задач (от оптимизационных транспортно-экономических задач и построения матричных моделей предприятий до построения межотраслевого баланса (таблицы input-output) экономики Литвы), что стало возможным благодаря применению экономико-математических методов. Поскольку все работы такого рода координировались из Москвы, начались также многочисленные командировки, в ходе которых Майминас лично познакомился с Немчиновым и с его коллективом молодых математиков и экономистов, завязав с ними тесное сотрудничество. В этот период Немчинов создавал экономико-математическую кафедру на экономическом факультете МГУ, и молодой, творчески мыслящий и не лишенный организационных талантов экономист из Вильнюсского университета вызвал у него неподдельный интерес. Немчинов стал подталкивать Майминаса к срочному написанию докторской диссертации по новой, экономико-математической тематике, рекомендовав обобщить те работы, которые были проведены лабораторией в Вильнюсе. Однако Майминаса тянуло к настоящей, не идеологизированной теории, объектом изучения которой стал для него информационный аспект планирования, рассматриваемого как процесс принятия решений. Именно в ходе размышлений над этими процессами, продумывания концепции диссертации, ее логики и базовых концепций и родилась идея СЭГ, работа которого обеспечивает динамику различных социально-экономических систем. Блоки, механизмы и контуры, а также элементы последних,

/ 6
Немчинов В. С. (1959).
Современные проблемы
советской экономической
науки. Вопросы
экономики, № 4.

составляющие СЭГ, образовывали то поле, изучение которого (конечно, не в деталях, а в общих чертах) и стало темой диссертации Майминаса. Опубликованная им в Вильнюсе в 1967 году книга «Процессы планирования в экономике: информационный аспект» во многом отражала текст его докторской диссертации, в том же году защищенной на экономическом факультете МГУ⁷. Второе издание этой книги, переработанное и дополненное, вышло уже в Москве — в издательстве «Экономика» в 1971 году.

К этому времени ее автор уже более пяти лет, с августа 1965 года, работал в Москве на кафедре математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ. Он был переведен туда усилиями Немчинова, при активной поддержке ректора МГУ академика И. Г. Петровского и декана экономического факультета М. В. Солодкова. На кафедре Майминас вел созданный им фундаментальный курс «Экономическая кибернетика», участвовал в подготовке учебника по данному предмету⁸, а также руководил научно-исследовательским семинаром «Процессы принятия решений», который просуществовал с 1968-го по 1988 год. Параллельно, с 1970-го по 1985 год, он руководил лабораторией систем принятия решений в ЦЭМИ АН СССР, где занимался рядом крупных, преимущественно прикладных, нацеленных на совершенствование народно-хозяйственного планирования, проектов, первым из которых и, как представляется, наиболее значимым с научной точки зрения был проект, посвященный методологии разработки целевых комплексных программ. Разумеется, участие в такого рода проектах никоим образом не мешало Майминасу заниматься любимой «высокой теорией»: в 1981 году, совместно со своим давним другом математиком Э. Й. Вилкасом, он издал книгу «Решения: теория, информация, моделирование»⁹, которая глубоко и всесторонне развивала идеи, содержащиеся в книге 1971 года.

Разумеется, проблематика СЭГ также не была забыта. Во-первых, это понятие достаточно ясно подсказывало, на что следует обращать внимание, если стремишься реализовать на практике свои теоретические и методические разработки. Во-вторых, накапливаемый опыт со временем позволил Майминасу дать более раз-

/ 7
Майминас Е. З. (1967). Процессы планирования в экономике: информационный аспект. Вильнюс: Минтис.

/ 8
Кобринский Н. Е., Майминас Е. З., Смирнов А. Д. (1982). Экономическая кибернетика. [Учебник для вузов и факультетов по специальности «Экономическая кибернетика»]. М.: Экономика, 407 с.

/ 9
Вилкас Э. Й., Майминас Е. З. (1981). Решения: теория, информация, моделирование. М.: Радио и связь, 328 с.

вернутую и теоретически обоснованную картину СЭГ. Она была опубликована в 1989 году¹⁰ и воспроизведена в 2016 году в факультетском журнале «Вестник МГУ, серия Экономика»¹¹. В-третьих, Майминас осуществил реконструкцию российского СЭГ за длительный период¹², что позволяет говорить о возникновении методического подхода к эмпирическому анализу этого информационного механизма.

Аналоги СЭГ, разработанные в мировой экономической науке

Очевидно, что мировая экономическая наука никак не могла «пройти мимо» таких подходов, как системный, информационный и эволюционный. Все они отражали важные стороны функционирования экономики и общества, давали возможность выявить те особенности действовавших в них связей и закономерностей, которые позволяли лучше объяснить и частично предсказывать происходившие (или не происходившие) в них изменения. Трудности в развитии и применении этих подходов были связаны с одним (но очень важным!) обстоятельством: в силу сложности отражаемых ими сторон работы экономик было не просто, а порой просто невозможно строить, основываясь на них, математические модели, которые можно было бы проверить на эмпирических количественных данных. Таким образом, данные подходы к исследованию экономики, применяемые внутри экономической науки, оставались (и остаются по сей день) вне основного направления ее развития — так называемого мейнстрима, основу которого составляет неоклассическая экономическая теория, хотя и дополняемая время от времени теми новыми идеями и подходами, что привлекают внимание большого числа экономистов многих стран мира. Для исследователей «непопадание в мейнстрим» на практике означает значительные проблемы в рамках их профессиональной карьеры — от отказа в принятии на работу в престиж-

/ 10

Майминас Е. З. (1989). Социально-экономический генотип общества. В сб.: Постигение. М.: Прогресс, с. 93–113.

/ 11

Майминас Е. З. (2016). Социально-экономический генотип общества. Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 4, с. 186–204.

/ 12

Майминас Е. (1996). Российский социально-экономический генотип. Вопросы экономики, № 9, 130–141.

ные вузы до значительных сложностей с публикациями в ведущих журналах.

Яркий пример профессионального развития, порождаемого таким положением дел, — смена позиций американского экономиста Дж. Стиглица. Только став в 2001 году лауреатом Нобелевской премии по экономике «за анализ рынков с асимметричной информацией» (совместно с Дж. Акерлофом и М. Спенсом), он в своей Нобелевской речи рассказал об «информационной революции» в мейнстриме, необходимость которой осознал еще в 1970-е годы, однако был вынужден следовать сложившимся в то время традициям мейнстрима, лишь косвенно затрагивая тематику роли информации в экономике¹³.

В силу указанных причин ряд исследователей, считающих необходимым следовать информационному, системному или эволюционному подходу, ведут исследования не в собственно экономической теории, а в менеджменте. Эта область изучения, безусловно, относится к экономической науке, однако здесь есть «свои» престижные университеты и школы бизнеса, «свои» престижные журналы и т. п. При этом используемые методики научного анализа бизнес-менеджмента имеют гораздо более широкий и разнообразный характер, далеко выходя за рамки установленных в мейнстриме границ.

Вот почему понятия, определенным образом близкие к концепции СЭГ, появились именно в сфере менеджмента — речь идет о понятиях рутин и организационного научения (или организационного обучения).

В качестве научного термин «рутина» прозвучал в 1964 году в статье С. Уинтера, посвященной связи эволюционного понятия естественного отбора и теории фирмы¹⁴, однако широкую известность он получил только после выхода в свет ставшей знаменитой их с Р. Нельсоном книги «Эволюционная теория экономических изменений»¹⁵. В главах этой книги, с третьей по пятую, содержались многочисленные и одновременно нечеткие определения рутин, включавшие в их состав различные характеристики — от индивидуальных навыков работников (*skills*) и «простых» регулярностей в поведении нескольких

/ 13
Stiglitz, J. E. (2002). Information and the change in the paradigm in economics. *American Economic Review*, Vol. 92, No. 3, pp. 460–501; Stiglitz, J. E. Prize Lecture. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach AB 2021. Sun. 27 Jun 2021. <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2001/stiglitz/lecture/>

/ 14
Winter, S. G. (1964). Economic "natural selection" and the theory of the firm. *Yale Economic Essays*, Vol. 4, No. 1, pp. 225–272.

/ 15
Nelson, R. R., & Winter, S. G. (1982). An evolutionary theory of economic change. Cambridge, MA: Harvard University Press; Нельсон Р., Уинтер С. (2000). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 472 с.

взаимодействующих менеджеров или рабочих до достаточно четко прописанных правил действий по реализации той или иной технологии.

Наряду с этим в книге была введена и метафора рутин как «организационных генов», обеспечивающих воспроизводство фирм. Именно эта метафора выступает тем очевидным основанием, на котором можно сравнить и сопоставить понятия рутины и СЭГ.

Первое, что бросается в глаза: четкость определения СЭГ и расплывчатость определений рутин. Четверть века спустя после выхода этой книги П. Абелл, Т. Фелин и Н. Фосс писали: «Ни Нельсон и Уинтер, ни их последователи не предложили, насколько нам известно, строгого анализа того, почему и как действия, предпринимаемые разными индивидами в организациях, сцепляются в упорядоченную и повторяющуюся (воспроизводящуюся) последовательность (работник А делает X после того, как работник В сделал Y, и т. д.), т. е. рутину. Можно предположить, что причиной нашего неполного понимания рутин служит отсутствие ясной отправной точки в виде действий и взаимодействий индивидов. В особенности это необходимо для изучения действий, которые может предпринимать индивид (например, рутинные действия и нерутинные действия), и выгод, связанных с этими действиями, прежде чем станет возможным оценить, будут ли индивидуально предпринятые действия конституировать рутину»¹⁶. За прошедшие с тех пор годы ситуация не изменилась — существует как минимум три разные группы вариантов понимания смысла рутин: как регулярностей поведения, как некоторых правил и как «установок к действию», между которыми есть как значительные сходства, так и ощутимые различия.

С нашей точки зрения, первая из этих трактовок слишком широка, а различия между второй и третьей можно «снять», если признать, что рутины — это прежде всего знания индивидов о конкретном порядке и способах их действий в определенных ситуациях. Такие знания одновременно включают наличие и готовности (установки) к действию, и стимулов к «правильному» действию. Если взглянуть под этим углом зрения на концепцию организационных рутин с позиций СЭГ, легко увидеть, что последний можно трактовать и в тер-

/ 16
Abell, P., Felin, T., & Foss, N. J. (2008). Building micro-foundations for the routines, capabilities, and performance links. *Managerial and Decision Economics*, Vol. 29, No. 6, p. 493.

минах рутин. При этом важно отметить, что СЭГ — это не просто совокупность рутин, это система, включающая и другие компоненты, не являющиеся рутинными. Такие компоненты входят в механизм самообучения системы, где осуществляются и оцениваются новые реакции на изменившиеся условия, меняющие рутинные, входящие в механизм регулирования.

Сторонникам и последователям концепции организационных рутин для объяснения изменений, реально происходящих в организациях, пришлось для этого предложить весьма своеобразную трактовку рутин. М. Фельдман в 2000 году высказала идею, что рутинные — это одновременно и источники стабильности, и источники изменений в поведении работников фирмы¹⁷, т. е. что рутинные фактически изменяют себя самостоятельно. Однако представляется достаточно очевидным, что все изменения в организациях (за исключением, естественно, вызванных природными явлениями и техногенными катастрофами) осуществляют люди. На такие изменяющие действия людей могут влиять ставшие непроизводительными, устаревшие рутинные, но наряду с этим влияют и действия других людей, от правительств до конкурентов, а также ожидаемые изменения рынков и т. д. Так что концепция «самоизменяющихся» рутин выглядит надуманной.

Тем самым метафора Нельсона и Уинтера «рутина как ген» является не более чем метафорой, и ее затруднительно интерпретировать как строгую модель. В отличие от нее СЭГ представляет собой научное понятие, а не метафору, будучи весьма точной моделью воспроизводства устойчивых, но изменяемых черт различных социально-экономических систем.

Если в рамках СЭГ эту роль выполняет один из двух его механизмов, то в исследованиях менеджмента она «поручена» самообучающейся организации. Эта концепция была предложена П. Сенге в 1990 году в книге «Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации»¹⁸. Сенге предлагал называть самообучающимися те фирмы, конкурентные преимущества которых основываются на непрерывном обучении на разных уровнях. Пять «дисциплин» (а скорее — практик), на которых стоят эти преимущества, — это системное мышление, владение ситуацией (personal

/ 17

Feldman, M. S. (2000). Organizational routines as a source of continuous change. *Organization Science*, 11(6): 611–629; см. также: Leana, C. R., & Barry, B. (2000). Stability and change as simultaneous experiences in organizational life. *Academy of Management Review*, Vol. 25, No. 4, pp. 753–759.

/ 18

Senge, P. (1990). *The fifth discipline: The art and practice of the learning organization*. New York: Doubleday; русский перевод: Сенге П. (1999). *Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации*. Пер. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес».

mastery), ментальные модели, общее (shared) видение и групповое (team) обучение. Чтобы освоить эти практики, работники должны отказаться от старых ментальных моделей, научиться быть открытыми для других (владение ситуацией), понимать, как реально работает их фирма (системное мышление), формировать планы, которые поддерживают все (общее видение), а затем вместе работать над реализацией этого видения (групповое обучение). Хотя все названные практики были известны и применялись ранее, Сенге рассмотрел их совместно, показал их связанность и объединил в концепцию самообучающейся организации. Легко видеть, что эти практики допустимо считать одной из возможных конкретизаций механизма самообучения в рамках СЭГ.

Важная роль в становлении концепции самообучающейся организации принадлежит также К. Арджирису. В статье «Двухконтурное научение в организациях», опубликованной в 1977 году¹⁹, он отграничил его от одноконтурного научения, которое только уточняло уже сложившиеся способы действий. Двухконтурное, напротив, ставило под вопрос status quo и вело к его изменению. Этот феномен обычно возникал, когда было необходимо решать сложные проблемы, с которыми сталкивалась организация и которые было затруднительно преодолевать рутинными путями. Концепция Арджириса, как не трудно убедиться, существенно ближе к концепции СЭГ, хотя и была выработана десятилетием позже.

Если сопоставить базовые идеи концепции самообучающейся организации и СЭГ в целом, мы увидим, что последняя гораздо глубже по своему содержанию, поскольку охватывает не только обучение индивидов и их групп, но и различные механизмы закрепления полученных знаний и их трансформации в действия, сообразные изменяющейся ситуации. Это означает, что если бы концепция СЭГ вошла в научный оборот за пределами «социалистического лагеря» с момента своего создания, то концепция самообучающейся организации получила бы глубокое теоретическое основание гораздо раньше. Тем самым менеджмент смог бы встретить реалии формирующегося информационного общества на более надежном фундаменте.

/ 19
Argyris, C. (1977).
Double-loop learning
in organizations. Harvard
Business Review, Vol. 55,
No. 5, pp. 115–125.

Отметим, что использование терминов из биологической эволюции в изучении менеджмента продолжается. Например, Н. Найман в статье «Эволюционирующая фирма и дилемма Курно»²⁰, опубликованной в 2004 году, охарактеризовал компетенции фирмы как ее генотип, а разрабатываемые ею бизнес-стратегии — как фенотип. Если в биологической эволюции связь генотипов и фенотипов обеспечивается работой сложнейших, далеко не полностью изученных биохимических механизмов, то схожая ситуация имеет место и для исследования фирм. Однозначно связать генотипы и фенотипы фирм вряд ли удастся, поскольку фирмы, в отличие от организмов, в принципе способны изменять свои генотипы (будь то СЭГ или совокупность компетенций) буквально «на лету» — например, заменой менеджеров или специалистов.

Как развивается концепция СЭГ в России

Как мы отмечали в начале этой главы, советская экономическая наука была практически полностью отделена от мировой экономической теории. Западных экономистов-теоретиков интересовали лишь разрабатываемые в России (и в СССР) математические методы и в меньшей степени — математические модели экономики. «Кремленологи» проявляли безусловный интерес к прикладным, статистическим работам, посвященным динамике экономики страны, ее отраслей и регионов, но никоим образом не к теоретическим исследованиям. Определенное внимание уделялось критическим, «диссидентским» статьям, затрагивавшим экономику, однако его проявляли скорее кремленологи²¹, чем экономисты: последние в целом (за исключением, возможно, части гетеродоксальных экономистов) считали, что марксисты в принципе не способны хоть в чем-то продвинуть экономический мейнстрим. Как следствие — понятие СЭГ получило известность и признание исключительно среди исследователей «социалистического лагеря», включая тех, кто был знаком с мировой наукой в большей степени,

/ 20

Niman, N. B. (2004). The evolutionary firm and cournot's dilemma. Cambridge Journal of Economics, Vol. 28, No. 2, pp. 273–289.

/ 21

Например, А. Нойв (Nove, A. (1991). The economics of feasible socialism revisited. London: Harper Collins Academic).

чем советские экономисты, и высоко оценивал работы Майминаса по экономической кибернетике в целом — и концепции СЭГ — в частности. Такие оценки давал, например, Я. Корнай, с которым Майминас был хорошо знаком лично.

Как следствие — теоретические результаты, полученные в советский период в рамках экономической кибернетики, включая понятие СЭГ, в значительной мере вышли из научного оборота в современной России. Исключением могут считаться экономисты, активно работавшие в период появления этих результатов, в то время как молодые исследователи, получившее экономическое образование уже в 2000-е годы, практически не знакомы с ними. Нельзя сбрасывать со счетов и труднодоступность оригинальных работ. Так, Б. В. Салихов и И. С. Салихова в статье «Актуализация неявных знаний как онтологии экономических инноваций»²² пишут: «Термин “социально-экономический генотип”» введен в научный оборот и обоснован В. Л. Макаровым и Г. Б. Клейнером», хотя в книге последних «Микроэкономика знаний»²³, на которую ссылаются Салиховы, однозначно указано, кто на самом деле создал концепцию СЭГ. Более того, Клейнер, член-корреспондент РАН, активно развивает и применяет концепцию СЭГ в ряде исследований²⁴; использует это понятие в своих работах по эволюционной экономике и П. О. Лукша²⁵, и ряд других современных отечественных исследователей.

Как в мировой, так и в российской экономической науке понятие генотипа порой используется независимо от понятия СЭГ Майминаса. Так, например, Е. М. Мартишин пишет: «Социально-экономическая единица эволюции имеет свой генотип, под которым понимается вся совокупность экономических генов. Экономические гены — единицы наследственности, детерминирующие развитие определенных признаков и свойств экономической системы, контролирующие формирование конечных результатов хозяйствования, они передаются в развитии. В свою очередь, экономический генотип — система генов, всеобщность, “вневременность”, “идеальное” общество, включает в себя его прошлый опыт, социальную память, зафиксированные в социально-экономической культуре данного обще-

/ 22

Салихов Б. В., Салихова И. С. (2014). Актуализация неявных знаний как онтологии экономических инноваций. Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. № 3.

/ 23

Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. (2007). Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 204 с.

/ 24

Клейнер Г. Б. (1997). Реформирование предприятий: возможности и перспективы. Общественные науки и современность, (3), 15–29; Клейнер Г. Б. (2005). Системно-интеграционная теория предприятия. Montenegrin Journal of Economics, 1(2), 21–40; Клейнер Г. Б. (2008). Стратегия предприятия. М.: Дело.

/ 25

Лукша П. О. (2009). Самовоспроизводство в эволюционной экономике. М.: Алетейя.

ства, которые оформляются в процессе исторического развития в определенный вид, модель социально-экономической целостности»²⁶. Мы видим, что генотип здесь трактуется как чисто консервативный механизм, фиксирующий прошлое, но никак не ответственный за адаптацию системы к ожидаемым и неожиданным изменениям среды ее функционирования.

Безусловно, такое понимание генотипа как части экономической системы имеет право на существование, однако исследования динамики экономических систем неизбежно потребуют введения какого-то механизма, обеспечивающего их адаптацию к изменениям. Думается, что СЭГ, введенный в научный оборот более полувека назад, не утратил своих объяснительно-предсказательных способностей, которыми наделил его Ефрем Залманович Майминас.

Идеи эконома

Редактор В. И. Фаминский
612, 1-46, Ленинские горы
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
119991
Tel.: +7 495 939 28 82
E-mail: secretary@msupress.com

Подписано в печать 19.11.2021
Тираж 500 экземпляров

Дизайн и вёрстка Grey Matter

УПРАВЛЕНИЕ
ДИЗАЙН-ПРОЕКТАМИ
**GREY
MATTER**
gmatter.ru